

# Удари м

•91

Этот номер,  
судя по всему,  
и не должен был  
появиться.  
Ведь нужно  
крепко закинуться  
циклодолом, чтобы...

В. И. ЛЕНИН



ББК 85.31  
у 68

у 68

УрЛайт.

Альманах под редакцией ИЛЬИ СМИРНОВА. Алма-Ата:  
ИСКЕР, 1991. - 74 с.

Альманах "УрЛайт '91" - это последний очередной номер всегда популярного среди молодёжи России журнала, до последнего времени неофициально выпускаемого в Москве. Статьи альманаха посвящены прежде всего современному состоянию рок-музыки, рок- и суб-культуры, "андерграунда", политической обстановке в целом. Авторы и участники интервью альманаха живописуют мораль и сознание отечественной молодёжной среды: это делает альманах незаменимым для чтения повсеместно.

Продюсер ИГОРЬ ПОЛУЯХТОВ /МКФ "Искер"/

Гл. редактор ИЛЬЯ СМИРНОВ

Художник ЮРИЙ НЕПАХАРЕВ

у 4908000000 - 091 Дп.91  
407(05( - 91  
ISBN 5-628-01155-X

© "УрЛайт", 1991

© Ю. НЕПАХАРЕВ, оформление, 1991

Отпечатано с оригиналов, представленных редакцией альманаха.

Издание осуществлено молодёжной коммерческой фирмой

"ИСКЕР" ©

НЕ ЗАБУДУ МАТЬ РОДНУЮ !

91



Этот номер, судя по всему, и не должен был появиться. Ведь нужно крепко закинуться диклодом, чтобы видеть како-то живое шевеление, тем более "движение" там, куда два года назад положили отечественный рок. А наше издание /"Зеркало"- "Ухо"- "УрЛайт"/, как ни крути, выросло именно из рок-движения, и вместе с ним должно было погибнуть.

"Шпалы кончились, рельсов нет..."

Обратите внимание на лингвистический феномен: в подполье слово тусовщик не значило ничего хорошего /дешёвый, пустой человек, халява - в противоположность тем, кто что-то делал, рисковал, брал на себя ответственность/. нынешняя "молодёжная пресса" употребляет его почти как комплимент. С чего бы это?

Тусовщик в природе изменчив как Блудодей в XXVI главе III книги "Пантакреля", но все его формы сводятся к одному, вполне определённого человеческого типу. "Если человек может принимать для себя и Куяева и Patti Smith, - пишет Д. Морозов в УрЛайте №4, - возникает вопрос о наличии у него самого какой-либо системы ценностей и умственных способностей..."

отсутствие именно этих вещей как раз и отличает стопроцентного тусовщика в худшем смысле слова. "Ср. у И. Кормильцева, который ещё в 87 г. утверждал, что рок-движение "на 90% состоит из тусовщиков, не обременённых ни культурой, ни убеждениями, ни чувством собственного достоинства". Внимательный читатель может заметить, что всё это очень похоже на определение "усовершенствованного коммунистического человека" у А. Авторханова. Однако на самом деле корни этого /как и других "чисто советских" явлений/ уходят куда глубже 17 года. Ведь то же самое писали древние авторы о психологических особенностях раба, отличающих его от свободного гражданина - хозяина отцовской земли, наследника славы предков, участника народного собрания в своём родном и любимом городе. Для нас же особенно важно то, что в обществах тотального рабства "тусовочное" отношение к жизни распространяется на все слои, от беднейших пролетариев до интеллектуальной элиты и знатнейших вельмож: "а здесь первые на последних похожи".

Тусовщик выел отечественный рок изнутри. Из

останков выползли на свет Божий две разновидности.

"Сытая" разновидность подробно описана нами ещё в "Ухе" – кстати, могу бесплатно подарить искусствоведам один простой тест: если в компании художников или музыкантов более 15 минут говорят о деньгах и перетекающих в них предметах /визы, обмен, шмудяк etc/ то больше на этих людей не стоит тратить времени. Для сравнения: наш друг занимается ремонтом помещений, чем и живёт – но в компании предпочитает беседы не о том, почём сверла для дрели и где вчера давали лак, а как раз про книжки, спектакли и фильмы.

"Голодные" тусовщики /менее известные публике/ – существа злые, оборванные, по средствам пьяные и абсолютно непродажные /пока не нашёлся покупатель/. Себя они гордо именуют "андерграунд". И со словом этим – тоже сплошные загадки.

При тоталитарном режиме, когда все, что специально не разрешено – запрещено, а всё, что разрешено – обязательно, любая сфера человеческой жизни делалась на официальную и подпольную часть. Гранату пролагал карающий меч государства. Но что по нимать под "подпольем" сегодня? И почему по-английски? Видимо, механизм тот же самый, о котором рассказывает М. Задорнов: советский человек ~~вынужден~~ вынужден писать в отчёте "производятся отгрузка бахчевых культур", потому что если он скажет по-человечески: "арбузы отправлены", сразу же возникают лишние вопросы: – А где арбузы – то, ... твою мать?!

При всём внешнем несходстве Сытый и Голодный тусовщики – глубоко родственные души, что раз за разом проявляется в любой конфликтной жизненной ситуации. Правда, Сытый всегда был склонен называть вещи своими именами: "А чего? Надо продаваться и подороже, пусть у "сосков" будут финансовые трудности!" а Голодного, по скудости питания, не хватает даже на это, и он, если образован, то защищается как скунс – испускает потоки словоблудия по самым ясным вопросам / можно ли писать доносы на своих же друзей? хорошо ли сотрудничать с "Памятью" и с журналом "Молодая гвардия"? etc/. Если же образования не хватает, он будет просто тупо молчать: мол, чего вы от меня хотите, вы же знаете, что я всю дорогу в жопу пьяный.

Запах, к сожалению, во всех случаях одинаковый.

От нашего рок-н-ролла осталось, таким образом, всего несколько человек, которые давно уже не объединены общей культурной средой, а напротив – сохраняются только благодаря тому, что связаны с какими-то внешними, не-

роковыми традициями и кругами общения.

Далее: тусовщик уже практически навёл порядок и в демократическом движении. Это движение – такое, каким мы его помним по грандиозным митингам в Лужниках во время I съезда народных депутатов СССР – начало рушиться летом 1990 г., причём метаморфозы "демократов" удивительно точно повторяли то, что происходило с рокерами двумя годами раньше /см. "Гибель богов" – УрЛайт № 6/

Придя к власти, латвийский "демократ" А. Крастиньш требует лишить избирательных прав всех не-латышей, чьи предки не проживали в Латвии до войны: то есть подвергнуть множество людей уголовному наказанию /лишение гражданских прав есть уголовное наказание/ без вины, без суда и по закону, получающему обратную силу. Ему подпевает из Эстонии Марья Лауристин, которая ещё прошлым летом красиво агитировала в Лужниках "за нашу и вашу свободу!" Молдавские ученики генерала Родионова, вдохновляемые не ЦК КПСС, а Народным Фронтом Молдовы, уже не газами травят, а просто расстреливают жителей г. Дубоссары. Но наши "друзья народа" в Москве молчат, как будто кое-что в рот набрали: войдите в их положение, им надо доиграть "республиканскую" карту против Горбачёва, а тут вы с вашей справедливостью. Кроме того, у молодой народной власти просто нет времени между заграничными тусовками: "ведь она сегодня здесь, а завтра будет в Осло." Тем временем здесь, в Москве И. Сычёв из "Памяти" выступает на Пушкине – на очередной тусовке Демсоюза.

Всё это неминуемо должно было случиться.

Демократия в политике невозможна без соответствующей социальной базы: экономически независимого "3-го сословия" /предприниматели + квалифицированные рабочие + фермерство/ для формирования которого нужны годы стабильного развития. Забывая об этом, демократическое движение закономерно выдвигает на авансцену политических тусовщиков и вырождается в очередную "революцию рабов", бесчеловечную по своим проявлениям и жалкую по результатам.

В политике тусовщик громче всех кричит, поскольку не отвечает ни за одно своё слово. Как шакал, он набрасывается только на того врага, который уже не опасен. Правильно рассчитать момент – тоже своего рода боевое искусство: все ещё не поняли, что хищник смертельно ранен /кем-то другим/, а ты уже знаешь это, и вцепляешься ему в глотку под восхищённые аханья публики: "Ах, какой смелый."

Тем более по плечу – воевать с мёртвыми.

Наверное, зря у нас наставили столько памятников Шер-ханам — хотя это наша история, от которой никуда не денешься — только когда я вижу, как памятник Шер-хану атакует стая шакалов Табаки, то поверьте, хочется блевать.

Говорят, что человек есть выбор, который он на себя принимает. Кстати, не так уж часто нам случается принимать действительно важные решения /многим вообще никогда/. Это как стрелки на рельсовом пути:

"Родился и давай — по рельсам как трамвай.

Сошёл — не обессудь, по кочкам понесут."

Можно сойти с выбранного пути и между стрелками: "Куда ж это я? Что я наделал?" — но тогда происходит опасное для жизни крушение. А до следующей станции, как правило, уже находишь своему маршруту удобное оправдание и привыкаешь к окружающим запахам. Особенно если на станции ждёт продовольственный заказ.

В этом смысле тусовщик самореализуется всего один раз: когда становится тусовщиком.

Хотя все мы воспитаны в этих условиях, и раз так, рабская тусовочная душа живёт в каждом из нас, и я, пишущий эти строки, тоже должен отвечать за лицемерие и ложь.

Вправе ли мы сегодня осуждать молодых музыкантов за то, что те не умеют играть и не хотят учиться, если сами мы в неподцензурной печати провозглашали наших приятелей "выдающимися виртуозами", вместо того, чтобы сказать, как есть: "Хорошие ребята, смело борются с режимом, за что и достойны уважения"?

И когда год назад мы ходили на демонстрации "Защитим Гдяна!" — мы что, не знали, как был замучен в тюрьме старый эстонский профессор И. Хинт? Знали. Но не говорили людям честно: "Поддержите Гдяна, потому что Лигачёв ещё хуже" — а лгали что-то патетическое про "героизм" и "борьбу с кремлёвской мафией".

И когда я ставил в "УрЛайт" № 4 Программу Народного Фронта Латвии как образец для подражания — не предупреждали меня, что кое-что в этой организации и её программе отдаёт "Памятью"? Предупреждали — могу сказать, кто: писатель Роман Григорьевич Подольный, ныне покойный, предсказал ещё два года назад все нынешние метаморфозы прибалтийских Народных Фронтёв. Предупреждала в самой редакции УрЛайта Марина Тимашева /она же предупреждала о Марикове ещё когда он был музыкантом, а не стукачом/. Да неужели я сам не видел в Программе № 4 такой обалденный §. Конечно, всё это я видел. Но не хотел "акцентировать внимание": по принципу "своё говно не пахнет".

Или как изящнее выразался Иван Грозный, наставляя судей: "Судите праведно, наши виноваты не были бы".

Видит Бог, на этом пути лучше вовремя остановиться. Паскудно учавствовать в шакальих плясках под любую музыку, будь то "Ленин, Партия, Комсомол", "Белые розы" или наш, с позволения сказать, "панк".

И мы не станем лизать жопу тем, кто мчится на "меседесах" из валютного кабака в валютный кабак, обдавая грязью голодных детей и нищих стариков — так же как не лизали тем, кто ездил по этим маршрутам на чёрных "волгах" и "чайках".\*

Не знаю, долго ли проживёт УрЛайт, следуя таким принципам — весьма неудобным в эпоху перехода из Древнего Египта через феодальную раздробленность к европейскому рынку XVI века. Могу только ещё раз повторить любимое изречение Конфуция:

"Когда в государстве нет дао, стыдно быть богатым и знатным".

Ну а тусовщиком стыдно быть всегда: всё равно что ходить нематым, сраным и заблёванным.

---

\* Впрочем, есть основания полагать, что по кабакам тусуется одна и та же публика: ведь даже кооператоры (если они что-то делают, а не воруют) всё равно не имеют на это ни времени, ни средств.





# РАЗДЮДЮХ ! PAS-DEUX- DEUX

И.К. - КОРМИЛЬЦЕВ

И.С. - СМИРНОВ

М.Т. - ТИМАШЕВА

И.С. Как соотносится судьба Наутилуса с тем, что ты когда-то напечатал в "Юности": "Рок-движение на 90% состоит из тусовки, не обремененной ни культурой, ни собственным достоинством".

И.К. Я думаю, что судьба Нау с этим давним высказыванием соотносится полностью, потому что все говно, которое можно было хапнуть в процессе большой распродажи, которая произошла в прошлом году, Наутилус конкретно хапнул. Может быть он хапнул его меньше, чем какая-то другая группа, потому что в наших действиях в эпоху этих распродаж всегда была какая-то умеренность. Мы все-таки себя сдерживали и в количестве концертов, и в тусовках. Например, что касается участия в тусовках с различным, так сказать, попсовым дерьмом, это у нас длилось всего два с половиной месяца, после чего игрались только сольные концерты или отделения. То есть, понимаешь, мы быстро исправлялись, быстро ловили ситуацию, но все равно говно-то хапали.

И.С. Зато умудрились совершить все ошибки ...

И.К. Умудрились совершить все ошибки. Все из возможных. Повемногу, не до такой степени как кто-то, кто фиксировался на одной ошибке, как мономан, но немножко попробовали всего и в равной степени хапнули всего говна, которое можно было. И конечно мы поймали все: и кругом тусовщиков вонючих, начиная от безымянных и кончая такими, как Алла Борисовна.

И.С. Ты ее тоже относишь к этой категории?

И.К. О-о-о-й ... В принципе ... ее нельзя относить до конца к этой категории, потому что она - человек, в любом случае относящийся к категории артистов, при всех минусах и

плюсах, о которых можно говорить. Но по влиянию, которое она оказала на Наутилус ... И ведь она с нами не музыку писала, не творчеством занималась ..., а по тому, что она делала с нами, ее можно назвать просто тусовщицей и достаточно поганой. То есть это ни в коем случае не входит в оценку ее собственного творчества. Человек может писать хорошие песни и разбрасывать сигаретные пачки в собственном подъезде. Это разные вещи. Так что для меня она осталась тусовщицей. Так я ее знал, лично.

И.С. А в общем, она не дура, поскольку у нас мало кто с ней общался, остались живы.

И.К. Ты понимаешь, Илья, когда мы говорим вообще о совке, само слово - не дура, не дурак - начинает приобретать какие-то сюрреалистические оттенки, потому что никто не знает толком что за содержание вкладывается в это. Когда теряются нормальные ценности, все критерии начинают путаться и поэтому мы сталкиваемся с ложностью оценки, расстановки терминов. Мне показалось, что она просто типичный продукт совка, совершенно немыслимый вне этой системы. И никогда не сложившийся бы ни в какой другой. На 80%, потому что в каждом человеке есть, - назовем это так, - нечто общечеловеческое - качества характера, которые могли бы развиваться в любом месте в любое время в любом обществе. Есть нечто исторически-специфическое, заданное тем миром, в котором он живет, его приспособляемость к тому, что он живет. Тот блок в нем - интерфейс с внешним миром, через который он обменивается информацией ... Вот у Аллы Борисовны 80% этого интерфейса - это дремучий совок.

И.С. Ты уж извини, что мы зашли в сторону Цутачевой, но ты как человек, владеющий запад-

ной ситуацией, может помнить все эти телеги с ее популярностью на Западе – все эти феноменальные концерты, огромное количество проданных пластинок и т.д.

И.К. Популярность на Западе в отличие от совка есть нечто, что оставляет свой документальный след в виде книг, снятых фильмов, определенного престижа публикаций и пластинок. Если этого нет, значит, речь идет о блефе. На Западе происходит миллион неплохих событий, о которых кто-то пишет, что они были неплохие, и через неделю о них уже все забывают, потому что там быть просто неплохим не считается заслугой. Раздается одобрительный комментарий, что эта постановка была неплоха или культурный вечер оставил приятное впечатление, но завтра происходит уже десять других постановок, которые оставляют столь же приятное впечатление.

И.С. А почему культурный вечер должен оставлять неприятное впечатление?

И.К. А это тот самый случай третичного значения слова. У нас слово имеет значительно больше синонимов, чем в любом западном языке. И сочетаемость прилагательных и существительных в русском языке настолько высока, что современный русский советский текст принципиально непереводим на любой западный язык. Поэтому можно сочетать и такое: отвратительное культурное мероприятие. Вот мы уже смеемся – и это очень хорошо. Пять лет назад ни тебя, ни меня это бы не развеселило, хотя мы уже и тогда считали себя очень умными. Мы бы приняли эту фигуру речи, как нечто, имеющее смысл.

Примеры вывесок и объявлений моего родного города принципиально непереводимы на другой язык. Читаю (причем это не какая-то бумажка, а объявление на офисе): "Ремонт и заправка зажигалок по возможности".

М.Т. Ну это и на русский язык непереводимо.

И.К. На русском это значит: если есть мастер, если он не пьян, если есть газ ... А вот переведи иностранцу, что ресторан работает по возможности.

И.С. Попробуй перевести Союз писателей. Буквально если перевести – профессиональный союз литераторов, но это же совсем другое.

И.К. Ты взял второй случай – слов, которые в принципе переводятся, но приобретают другой смысл. Так же, как в словах Министерство культуры. В самом сочетании нет ничего мистического, выходящего за рамки нормального мышления. Во многих западных странах есть министерства культуры. В Италии – министерство музеев и культурных ценностей. Но все ассоциации, которые

связаны с этими словами, остаются в данном случае за бортом. В результате возникает недопонимание.

И.С. Ехидно возвращаясь к Наутиласу. Скажи, пожалуйста, в какой мере ты видишь личную вину за произошедшее. Ты же один из немногих культурных людей в этой среде. То есть – то, что можно простить рядовому папуасу, того нельзя простить папуасу, получившему образование в Оксфорде. Ты был вовлечен во все эти события, почему ты не смог их остановить – совершение всех тех ошибок которые тебе, наверное, были ясны еще до их совершения?

И.К. М-м-м ... по одной простой причине. Если бы я был писателем, ты мог бы предъявить мне этот вопрос. Но я человек, который является частью коллектива, в котором происходит коллективное творчество. Вот. Я не ефрейтор, я не сержант, я не могу никому приказать и не могу никого заставить или убедить, если он не располагает, по меньшей мере, равным со мной опытом, логическим мышлением, пока он сам не получит этот опыт для того, чтобы это осознать. Безусловно, все вещи, которые я говорил тебе, я точно также говорил, допустим, Славе или Калужскому, или всем остальным. Хотя я, конечно, всегда ставил акцент на другие вопросы, потому что меня не так беспокоила прокатная коммерческая деятельность. И я считаю, что не она нанесла самый большой вред, потому что она недолго длилась. Причем, самое потрясающее, что человек, который пришел и запретил это делать, был человек профессиональный. Он сразу покончил этот процесс распродажи по-дешевке. Просто потому, что он достаточно умный купец. Он просто понял: что ж это такое – товар в расфасовке по десять грамм. Сразу сказать: мы играем только для вас, но полный вечер – это нормальный коммерческий расчет. Те люди, которые происходят из этой системы, которые в ней выросли, лучше секут этот аспект, чем люди, которые явились в нее гостями, люди, которые ее, якобы, на словах ненавидели, а, попав в нее, не знают, огорчаться или радоваться. Ведь с другой стороны им по кайфу – все внимание к ним, башли – как ты писал – отельные шлюхи и все, что к этому принадлежит.



Меня сильно волновало неумение музыкантов вычлениваться из этой среды, собраться в комок как ртуть в воде. А ведь на самом деле это так просто — не участвовать во всей этой игре. Если у тебя умный администратор, он тебя же и прикроет ото всей этой тусовки. Борис Агрест — такой. Он никогда в жизни не заставлял нас сыграть что-то или не сыграть. Он говорил: Слава, как вы считаете? Он был профессионал в хорошем смысле этого слова. При том, что сам он — плоть от плоти всей этой гниля, космосовско-блядской, так сказать. Но у него было достаточно ума, чтобы понимать, как делать дела, как обращаться с товаром, и не в нем была беда, а в самих наутилусах, которые вели себя хуже, чем человек, вышедший из этого мира. Естественно, он-то в нем родной. Для него это все, по большому счету, неинтересно. Ну, скучно: блядь и блядь, он с детства с ней рядом ест. А для них-то все было радостно и внове, и они-то и не могли остановиться, а вовсе не профессиональные люди.

Ты в своей статье в Урлайте\* очень много внимания уделяешь внешнему врагу и очень мало врагу внутреннему. Он расположен: а) в самих музыкантах и б) в самой публике. И хотя ты им тоже раздал пинков за все прочее, мне казалось, что этот анализ можно было углубить. То есть: насколько они сами за это ответственны и насколько в них в том творчестве, которым они занимались, включая сами песни, все это было заложено еще до прихода в мир эстрады. Это все от анархизма, построенного на чистой эмоции, а не на попытке осознать мир. Он, с одной стороны, хорош — когда то, что разрушается, отвратительно. А с другой стороны, его легко моментально купить за пять секунд. Потому что у него нет никакой веры ни во что.

И.С. Это вообще-то какое-то историческое проклятие России, потому что собственно первое, что сделал анархист Пугачев, это учредил при себе совет генералов и графов. Первое, что сделал большевик Ленин — проложил путь к Российской империи. Каждый раз под флагом отмены у нас происходит воссоздание на новом витке.

И.К. Разумеется, потому что у нас всегда все отвергающие очередную власть на уровне рок-концентра или на уровне государства, приходят из того же коридора, из которого пришли их предшественники. Потому что коридор у нас оставлен самой историей один — вот такой узкий. И все,



№ 6

кто приходит, приходят из-за спины к тем, кто сидит в настоящий момент в правительственной ложе. Из-за спины их оттуда и выкидывают, а дальше самим падать надо. И все садятся в той же ложе в то же самое кресло. Падать не хочется. И сидят в нем до тех пор, пока не придет следующий и не выкинет в партер.

И самое страшное, что разъедало наш коллектив ... Помнишь, в свое время был у нас разговор об использовании жопы. Аналогия с ракетой-носителем, если помнишь. Есть люди, которые используют жопу как ступень-носитель для того, чтобы вывести голову на орбиту и на этой высокой орбите летать вокруг Земли. Это нормальные люди. Так и должно идти в мире становления человека как общественного лица. Есть второй метод — чисто совковый — использовать голову, чтобы вывести жопу на орбиту. Голова в процессе сгорает, а жопа начинает вечно парить как искусственный спутник Земли, затмевая по ночам Луну.

М.Т. Я думаю — отрашенная для таких целей жопа может не дать спутнику взлететь. Я не много в этом смысле, но сильное увеличение ниже буста ...

И.С. Это будет как очень большая лягушка, прикрепленная к небольшому воздушному шару.

И.К. Нет, жопа не растет, так как она изнашивается за работой. Такой запуск спутника уже получился во многих случаях с нашими рокерами. И в "Нау" так было. Но Славка запис сразу, вылетев на эту орбиту, потому что он чувствовал, что окружающая жизнь не дает ему ни времени, ни возможности, ни сил для того, чтобы что-то думать, что-то производить. А он очень медленный человек и медленный автор. Ему нужно огромное количество времени, которое со стороны выглядит бездельем, прострашей, чтобы что-то породить. Он увидел, что люди вокруг него совершенно не заинтересованы в том, чтобы сделать что-то еще, потому что жопа уже летает, голова уже сторела — и все кругом хорошо и прелестно. И попытки заставить что-то делать, о чем-то думать, что-то искать наталкивались ... увязали в такой липкой каше. И все. Он просто не мог сделать ни шагу. Он пытался взорвать эту ситуацию, расшевелить ее. Привел Белкина. Белкин пытался навести порядок, но такими андроповскими методами, которые, естественно, не могли дать никаких результатов. Есть такой советский метод. Вот, люди лежат на песке, загорают, пьют пиво, смотрят на баб. Прибегает чувак и вместо того, чтобы сказать: Ребята, если мы сделаем это, то вы понимаете ... То есть вдохновить их по-настоящему, объяснить, что за работа ...

Вместо этого он прибегает и начинает пинать тебя под зад: Пошли, пошли, пошли, блядь! Лопату бери, туда! Ты говоришь ему: Ну ты чё, сумасшедший? Это естественная первая реакция. Белкин сыграл такую роль в коллективе. Все его возненавидели, кроме Бутусова. Он стал полным изгоем, который сидел только со Славой в номере и пил, и коллектив нашел для себя оригинальное совковое развлечение, которое называется свержением Гришки Распутина. У нас все время свержают Распутина.

И.С. Народная игра.

И.К. Народная игра. Сперва его делают, потом свержают. У коллектива появился объект ненависти, который занимал все его свободное время и еще больше убавлял время для репетиций. Начались многочисленные хитрые попытки уничтожить Белкина, а заодно и Агреста.

И.С. Почему создалась такая пара?

И.К. Борю пытались уличить в том, что он ворует. Но дело в том, что, как говорил тот же Белкин, который сразу понял, в чем состоит попс-бизнеса и капиталистической эксплуатации труда: Я ж не замечаю, что он ворует. Мне-то денег на все хватает. Но не так были настроены наши совки. Они сказали: А мало ли, что мне хватает, у него-то больше. И начались попытки проверить, сколько он на самом деле денег получил. Вполне ОБХСС-совскими методами - с проверками ведомостей, подглядыванием в карманы и т.д. На фоне всей этой радостной деятельности думать о музыке было просто некогда. Тогда Слава почувствовал, что никто не может оказать ему помощи. Я не мог, ведь я же не музыкант. Я не могу своей инициативой, идеями давать людям музыку, вытаскивать их на репетиции. Это еще более странно, чем пинки под задницу на пляже. Не знаю: приходит водолаз и говорит - "Ребята, пошли в горы". Они спрашивают: "Ты хоть лазить умеешь?" - "Нет, но пошли". Вот собираемся - и пошли. Горы это так красиво. Я всегда мечтал на них оказаться.

Таких попыток я сам не предпринимал и просто следовал любимой поговорке Алексея Павловича Хоменко. Он говорит, что это Конфуций, не знаю, но по крайней мере достойно Конфуция: "Если у тебя есть враг, спустись к реке, сядь у воды и смотри на реку (но это не Гребенщиков - это Хоменко), рано или поздно труп твоего врага проплывет мимо тебя". Я последние два года следую исключительно этому принципу в собственных поступках. Я просто ждал, чем все это кончится, потому что действовать было совершенно бесполезно. Кончилось это тем, что Слава стал отказываться от концертов, т.е. делать их ровно столько, сколько необходимо остальному народу. Начал уклоняться от общественных обязанностей по про-

изводству денег. Уезжал в Финляндию. Коллектив заподозрил меня и Белкина, как людей, которые не понимают, в чем кайф этой жизни, у которых такие непонятные проблемы, которые не понимают, что 8 тысяч рублей лучше, чем четыре, ровно в два раза. Потом состоялась Финляндия, после которой у совков окончательно поползла крыша. Не то, чтобы они делали какие-то особенные подлости, гадости, - ни Боже мой! Самый последний период славы Наутилуса, когда все было, что нужно и все были на своих местах, это были самые добрые, самые мягкие, самые покладистые люди, которых я видел в своей жизни, самые предрасположенные к сибаритству, к всепрощению, к бескорыстным поступкам на благо других и прочее. Баре, настоящие баре - такие совковне, новые. Пролетарии во дворянстве. И просто скука стала, ну, смертная. Я смотрел, - тем более, что имел возможность сравнивать, наблюдая Кутикова и Макара, - куда все это заводит, если повторяется много лет. То есть они навсегда становятся вот такими сытыми котами, которые чего-то в общем неплохо делают. Но кайф... кайф потерян. И хрен с ним - с чужим кайфом, кайфом пубрики - свой кайф потерян. Жизнь превращается в пищеварительный процесс голотурий. На морском доньшке и ничего тебе не страшно. Враг нападет - можно кишки выпустить. Проглотит, ухнет, а у тебя кишок еще много, отрастают каждый божий день. Ну и стало совсем плохо. Слава, так... совсем. В один прекрасный день он просто пришел к Борису и сказал: Давай-ка, это... Сам к ним сходи и скажи, что они больше не нужны. Ну, потому что нельзя было продолжать всю эту комедию. А дальше случилась беда: в этот момент никого с ним рядом не было, кроме Бори, который не знал ни Умешкого, ни Алены, потому что появился позже их ухода. Единственный человек, к которому Слава мог кинуться из музыкантов, был Умешкий. И он эту глупость сделал.

И.С. Все-таки почему Умешкий ушел как раз на заре этого печального движения катафалка?

И.К. Потому что, как только началась эта заря, Алена предложила своего администратора, которого она полностью контролирует. Она сказала, что он должен быть администратором, а Калужский, который ни черта не понимает, должен уйти. Причина была, конечно, не в том, что Калужский чего-то не понимал (все не понимали одинаково, кроме профессионалов, которые готовились зашибать капустку)...

И.С. Они тоже ничего не понимали.

И.К. Они понимали как зашибать капусту. Наши не понимали даже этого.

И.С. Ну, черт его знает - ложное знание хуже

полного незнания.

И.К. Разницы между теми коллективами, которые вели профессионалы и теми, которые вели непрофессионалы (вроде Светы Данилишиной), в результате не получилось никакой, учитывая финал.

Калужский просто Аленой не контролировался. Мало того, он ее глубоко имел, как говорится, в гробу со всеми ее выходками. Началась усиленная обработка, в результате которой Дима приезжал с тупыми глазами (от Алены) и говорил: или уйдет Калужский или уйду я. Народ активно не любил Алену, потому что, чтобы любить ее, надо было совершить подвиг самоотверженности. И, естественно, хотя к Калужскому тоже было много претензий, все встало на его защиту. Тогда Дима сказал: Я уйду. Думая, что всех это со страшной силой испугает. Все пожали плечами. "Все куплю - сказала злато. Ну и что - сказал булат". Он думал, что Слава испугается, но Слава в этот момент был слишком занят своими личными делами, для того чтобы вникать. Он прозевал этот момент. Когда Дима спохватился, уже стоял бородачатый Алавацкий и бил по бас-гитаре. Простоя не было даже одной недели. Сразу появился Алавацкий, выданный из недр ресторана "Центр". Ну, он славный малый, я ничего не имею, но он - типичный ресторанный музыкант по своему отношению к жизни и объему музыкальных знаний. И так получилось, что Дима-то хотел устроить демонстрацию силы, но в этот раз проиграл. Вот и все, что стояло за этим. Никаких великих разговоров о долге, чести, совести, о том, что нельзя впадать в коммерцию не было. Не натекло и кубического миллиметра. Приход другого администратора ничего не изменил бы в судьбе Наутилуса ни в какую сторону, потому что мы в совершенно разных коллективах имели множество совершенно разных администраторов, - разных по происхождению, с разным прошлым, и из комсомола пришедших, и из профессионалов, и из рок-тусовки - все они привели свои корабли к одинаковым результатам. Течение сильнее ...

И.С. Да. В этом смысле даже не Наутилус, а Гена Зайцев - самая яркая эволюция.

И.К. Вот так. Это говорится не для того, чтобы дезавуировать эту легенду об Умецком как о рок-Ельщине. Но, между прочим, само это определение не так уж плохо, если опять-таки согласно теории двойных знаков понять его вторичный и третичный смысл ... В этом смысле Умецкий действительно - рок-Ельцин. Есть первый видимый разрыв, который на втором уровне диалектического анализа оборачивается единством. А еще на третьем - снова разрывом, но совсем другого типа.



И.С. Я себе представляю, как бедный Умецкий пытается осознать, что ты сейчас о нем сказал.

И.К. Нет, я просто много раз слышал о бескорыстии Умецкого. Эту легенду: бабушка Ленин стоит, смотрит в прекрасное будущее, а за спиной у него стоит ... грузин в сапогах.

И.С. Это естественно: старое логическое смешение - "после того" - "вследствие того". Поскольку после ухода Умецкого произошли всем известные события, то все связали уход Умецкого с этими событиями.

И.К. Опять эти реплики магического мышления, характерные для советского типа сознания. Если после танца шамана пошел дождь, значит, дождь вызван танцем шамана.

М.Т. А если не идет, значит, шаман плохо танцевал, плохо партию выполнил.

И.К. Да, так. Особенно в случае таких массовых явлений как рок-музыка шаманов очень много. После танца кого-то из них дождь пойдет, и это будет служить веским доказательством предположенного принципа.

И.С. Давай вернемся к замечанию насчет публики и по поводу песен, которые уже когда-то несли в себе будущий финал своих создателей.

И.К. Начнем с публики. Это более простая тема. Она целиком лежит в сфере социологического анализа. А на этом у нас вся наука набила руку, у нас любой пьяница в пивбаре может тебе такой анализ выдать ... То, что я говорил насчет тусовки, в конечном счете относится не только к той стороне сцены, но и к этой. Расширительно говоря, фраза в "Юности" имеет отношение ко всему совдепу. Рок-музыканты, как и все общество, кинулись навстречу либеральным обещаниям, потому что всем хотелось жить лучше. Конечно, кому не хочется работать меньше, получать больше и иметь больше красивых шмудаков дома? И все от уборщицы до академика дружно кинулись в эту сторону. Лучшим гимном этому времени послужило кинчевское "Мы вместе". Только если его сейчас спеть, вместо радости возникнет глубокая горе, что мы оказались вместе.

Что среди нас не оказалось тех, кто истинно ведет - вождей, светочей ума. Не оказалось тех, кого водят не потому, что они хуже, не потому, что они стадо баранов, а потому что у каждого своя социальная роль. Эта дружная семья, которая состоит из основного типа населения советского общества, который называется недифференцированным производителем потому, что он взаимозаменяем. Не имеет принципиального значения: уборщица или академик. Эту эволюцию всегда можно преодолеть очередным решением пленума с трагическим результатом как для состояния науки, так и для состояния коридоров.

М.Т. Не уверена в этом.

И.С. Конечно, у нас же работают профессора на овощных базах ...

И.К. Трагедия того специфического общественного класса, созданного советским обществом, состоит в том, что он обладает стадной психологией, не осознает себя как личность. Есть у меня любимая фраза. Грешен - люблю афоризмы. - "Категория "народ" должна возникать в случае войны и стихийных бедствий. В остальное время народа в нормальном государстве не существует. Настойчивое употребление этого слова должно настораживать":

И.С. Оно свидетельствует о стихийном бедствии.

И.К. Ну, социализм является перманентным стихийным бедствием, но в результате такого стихийного бедствия как социализм, само бедствие обязано своим существованием этому народу. Народ ... Возникает такая змея роборос, которая кусает свой собственный хвост. И становится трудно понять, что первично: стихийное бедствие или народ, и кто кого вызвал.

Естественно, рок-н-ролл, как все, что у нас ново и может дать в метафорическом смысле лишний килограмм колбасы, также был воспринят обществом недифференцированно, - младшей его частью, которую культурная часть могла принять. И теперь мы вынуждены подсчитывать количество людей, которым действительно этот рок-н-ролл нужен, и людей, для которых он был вариантом Жени Белоусова (только неудобным, потому что надо думать, что-то понимать), и которые с радостью вернулись к Жене Белоусову, когда он появился.

И.С. Разве он исчезал?

И.К. Он в тот период испытывал глубокий кризис. Эстрада стала скучной. Не могла кормить народ развлечениями. Нужно было что-то помоложе, подпрыгучей, поэротичней. И тут на пустом месте появился рок-н-ролл. В него кину-

лись те, кто от него тащился с древних времен, а по дороге прихватили кучу ПТУ-шников, девочек, покрашенных в фиолетовый цвет с головы до пят. Вся толпа кинулась и закричала: А-а-а! Здесь начинается второй процесс. Мы же интеллигенты, пусть даже из крестьян. А русский интеллигент всегда страдает врожденным половым извращением: он любит народ. И он должен быть с народом. А если он над народом возносится и как-то от него отделяется в своей академической жизни, то он чувствует себя неловко. И, встре-

чаясь с народом в колхозе на сметывании сто- гов, он поет с ними радостно песни и обнимает симпатичных пейзажников.

И.С. Ну, симпатичных пейзажников - это не извращение. Если бы он обнимал коров ...

М.Т. Он обнимает не симпатичных, а пейзажников.

И.К. Дело в мотивах. Это случай Саши Черно- го: интеллигент и Дуня на диване. Это унаследо- валось, несмотря на большевизм и опасность селекции по методу эрдель-терьера. Эта собака бы- ла выведена англичанами для охоты на львов в колонии, для сафари. По одному признаку - глупости. Селекция по отрицательному признаку. По- тому что собака в здравом уме понимает, с кем имеет дело. Выбирали самых наглых и глупых, а остальных топили.

Надо было научиться осторожному обращению со словом "народ". А мы - нет. Особенно ленин- градцы. Есть нормальный врожденный большевизм, но он в 17-м году исчез, а есть патологический большевизм, который состоит из лозунга "Мы вместе". И когда все прибежали - закричали: Алиса! Нау! - это было всем хорошо, нравилось, а потом они побежали обратно к Белоусову. И вот бы тогда сказать: Пошли вы вон, козлы во- нючие. Наконец-то вы нас оставили наедине со своими людьми. И тут не деньги сыграли роль. Мы же понимаем, что это люди, несводимые к од- ной покупке. Это болезнь русского интеллигента: народ валит из зала. От меня уходит мой народ, который я люблю. Следовательно, и он должен меня любить в силу третьего закона Ньютона. Куда же ты идешь, мой народ?! И вот уже не из зала протянуты руки, а в зал со сцены. И начи- нается гнутье микрофонов, ломание стульев, чтобы удержать уходящего. Ну, на такие вещи клет, как правило, последний гоппик. Он остается в зале. Его задерживают трюком: жопу что ли по- казать или раздвоих

русский станцевать.

М.Т. Любой человек на сцене пытается флиртовать из зала. Начинается взаимообмен. И в момент бегства человек на сцене уже не совсем тот, что общался со своей маленькой узкой группой.

И.К. Обмен осуществляется всеми эмоциями. Не только положительными. Публика на 80% излучает отрицательные эмоции. Это реально в условиях дегенерации человеческого существа — она проникла в нас самих. Мы вынуждены судить, но к нам можно обратиться большинство этих упреков. Но кто-то же должен сказать.

И.С. Я бы восстал против социологизма. По отношению к ПТУ-шникам и т.д. В подпольный рок-период аудитория была достаточно резнобразна по социальному составу. В КСП выделялись люди из технических ВУЗов. А здесь были люди из разных страт: и интеллигенты, и рабочие. Просто их стало больше.

И.К. В моей классификации ПТУ-шник, комсомолец — это ругательства как гитлерюгенд. Хотя разница между ними колоссальная — комсомол работает гораздо хуже, чем гитлерюгенд. Недостаточно эффективно. Слово коммунист не значит любой член партии. За термином скрывается, в первую очередь, мировоззрение. Неумение понять это приводит к тому, что многие люди обижаются: они работали всю жизнь на заводе за 120 рублей, не брали взятки, исправно платили взносы и не голосовали за исключение кого-то. Они не понимают, в чем они виноваты.

М.Т. Они понимают на уровне инстинкта другое: что тебя назовут горшком и поставят в печь. Они не желают лезть в печь.

И.К. У меня спросили, почему у нас такие злые люди, почему такого нет в других странах с диктаторскими режимами. Я сказал: потому что подсознательно самый последний дурак чувствует свою вину и ответственность за происходящее. Отсюда — злоба, потому что судить себя не каждому дано, и вину хочется вытеснить на кого-то, на козла отпущения. Единственный лозунг буржуазной поры, который был абсолютно искренен, и был откровением, совершенно непонятным тогда нашим диссидентам, — это лозунг: Народ и партия едины.

А что про песни ... Творчество было политизировано.

И.С. Все было политизировано, потому что как "политика" расценивалась любая самостоятельность. Баптисты-инициативники не покушались на власть, и против партии ничего не говорили, а их сажали за политику.

И.К. Естественно, политизирование приводит к тому, что в творчестве появляются какие-то прямые указания, формулировки, лозунги. Они разделяют всю слабость либерального подхода. И, естественно, с истощением (а люди в них верили всерьез) должен был наступить вакуум и невозможность делать ничего, кроме денег. Потому что всякая следующая ситуация требовала самообвинения и обвинения больших масс потенциальных читателей и слушателей. В рок-н-ролле слушатель отождествляет себя с исполнителем. Особенно тонка граница осуждения образа от творца. И этот шаг никто не сделал во-время ни в рок-н-ролле, ни (что имело более печальные последствия) в политике. За исключением тех людей, которые с самого начала стояли вне этой системы, как Андрей Сахаров.

И.С. То, что ты говоришь, заведомо имеет отношение не только к рок-н-роллу, но и к другим жанрам. Но обрати внимание, что нигде последствия не были такими катастрофическими. Целый жанр искусства был полностью уничтожен в течение года. Как если бы разом сожгли редакции всех журналов.

И.К. Рок-н-ролл, в отличие от всего остального, лишен буфера в виде наследия. Литература может еще 10 лет не создавать новых произведений, столько было накоплено в записках. Я могу назвать еще жанр, который был полностью уничтожен новым мышлением и хозяйственной системой — кинематограф. Жанры, которые менее всего связаны с наследием и более всего с массовым производством, зависящим от большого числа людей и публики, оказались в самой паскудной ситуации, потому что они менее академичны. Можно всю жизнь создавать литературу, которую читают только литераторы, но рок-н-ролл, который слушают только рок-музыканты, невозможен.

М.Т. Джаз в этом смысле был возможен.

И.К. Это зависит от того, насколько полноценна форма. Форма, которая неполноценна без воспринимающего — незамкнутая форма как рок-н-ролл — обязательно требует встречной энергии, чтобы замкнулось энергетическое кольцо. Рукописи не горят, а магнитозаписи стираются. Рок-н-роллу нечего переживать. У него нет воспоминания о былых старческих победах, которыми можно долго развлекаться и тешиться. В нем не развиты возможности внутрорефлекторных жанров. Когда в нем прекратился творческий процесс, прекратилось все.

И.С. В начале 80-х слушали и записывали на магнитофон, хотя доступность западной продукции



тогда и сейчас – одинаковы. А теперь все снова слушают Запад.

И.К. Дальше начинается эстетический анализ, который связан с тем, что свой эстетический язык, несмотря на отдельные успехи, не был найден. Массовое пережевывание стереотипов при желании добраться до этих стереотипов, не только со стороны коммунистов, но и со стороны приличных людей. Хотя это нелепо, это попытка привить себя к корням, к которым нельзя себя привить. Даже БГ, который при всех недостатках и слабостях все равно является неоспоримым классиком, совершил ошибку, достойную Васьки, который, выходя с фильма, говорит: "Во, в Америке-то, во!" Это печать совка: равенство первых и последних его представителей.

И.С. "Где первые так на последних похожи".

М.Т. Тогда надо перестать пропагандировать то, что вам нравится. Оставьте Богу Богово, кесарю кесарево, народу народо.

И.К. Идешь – за человеком бежит лев, а у тебя пистолет. Но ты думаешь: а вдруг этот человек подонок и уголовник? Пусть лев его съест. Помочь талантливому человеку – естественное, нормальное чувство. Сказать себе – а вдруг он скурвится? – это подонство, патология.

М.Т. А если речь идет о мертвых – Платонове?

И.К. Я могу сказать: Платонов – гений. Или: Платонов – козел. Это мое право. Но если я говорю: Платонов показал нам провидческий путь, который никто не смеет оспаривать, и весь народ должен дружно любить Платонова ... Это стыд нашей нации, что Платонов кончил свои дни дворником. Это стыд наши, но не стыд Васи, который о нем ничего не знал, а стыд тех, которые проходили мимо него для того, чтобы преподавать с профессорской кафедры Литинститута, когда он подметал. Не надо свой стыд навязывать колхозницам и уборщицам, чтобы они стыдились за тебя и твое свинство. Спрашивай с них за то, как они поступали со своими товарищами по работе. У народа есть общая вина, но каждый должен заниматься своей. А распределять на всех – это

наше любимое развлечение. Это патологический большевизм.

Классический случай – наши правые, которые в европейском смысле слова никакими правыми не являются. Прилагать европейские термины к нашей политике – все равно что анализировать по их критериям нашу колбасу или трамвай. Я – с точки зрения европейской – неоконсерватор, но приложение одного термина ко мне и Анатолию Иванову – оскорбительно. Консерватор – это Тэтчер, а не Иванов. И между ними разница значительно большая, чем между Ивановым и Коротичем. Смотри, как они рассуждают: "Козлы-либералы говорят, что все началось в 37 году. Неправда. А уничтоженные крестьяне, а гражданская война, а убиенный царь? С самого начала большевики были полны непонимания народной жизни". Читаешь – думаешь: Ну что ж, можно соглашаться – не соглашаться, но логично. Все идет нормально и вдруг: Поэтому поддержим большевиков и советскую власть.

И.С. В том самом последнем разложившемся виде, в котором она нам досталась.

И.К. Вот этот ход мысли не может быть понят с позиций рационального мышления. Они говорят о народном мышлении, и потом его наглядно демонстрируют в своих собственных рассуждениях, потому что это ход из области магического мышления. Демон приносит вред. Чтобы он перестал его приносить, задобрим демона, принесем ему жертву, сплотимся вокруг него. Эту экономику нельзя анализировать при помощи Адама Смита или чикагской школы. Эту философию невозможно соотносить ни с Аристотелем, ни с Хайдеггером. Это можно анализировать только при помощи Леви-Стросса и Миклухо-Маклая.

И.С. И многих других ученых, которые занимались подобными обществами. Ты не забывай, что между папуасами Миклухо-Маклая и капиталистической цивилизацией еще много всякого было: пирамиды успели построить, зиккураты, Великую китайскую стену тамшний Сталин – Цинь Ши Хуан – очень хорошо построил. Большая часть истории человечества.

И.К. Большая часть истории, к сожалению, базировалась на хранении культуры человеческого общества самим человеческим обществом. Оно до сих пор было и остается человечески-иерархическим. Только в последнее время в структуре постиндустриального капитализма появились первые намеки на разрушение иерархии и появление общества тотальной сознательности – назовем это так. Но до этого еще было далеко. Запад находится в кризисном состоянии. Выработанный положительный опыт иногда вступает в противоре-

чие с другими накопленными традициями. Запутанность там чувствуется. Какой-то стопор, тупик. Только тупик, полный колбасы, в отличие от нашего. Когда говорят: Запад нам не указ, он сам гниет – можно согласиться со второй частью, но не с первой, потому что это гниение на ином витке развития. Нам рано рассуждать об этом.

И.С. У Маклая, когда он высадился, тоже были проблемы, но несколько иные, чем у папуасов.

И.К. Иначе получается русская мужицкая смекалка: а чего их догонять, все равно развалится. Типичный большевистский стиль мышления: перейдем от первобытнообщинного строя к коммунизму, минуя стадию прямохождения. Беда либерализма в том, что он думает, будто насаждение акционерных обществ вызовет расцвет культуры. На самом деле, действовать надо методами, более подходящими данному обществу, менее апеллирующими к сознательности, которой нет.

И.С. Беда либерализма в том, что его нет. И реакция нашей, так называемой, либеральной интеллигенции на выступление Митраняна омерзительна. Парадокс состоит в том, что люди с наибольшей силой отталкивающиеся от большевизма, с наибольшей точностью повторяют его путь. Они апеллируют к абстрактным фетишам и возражают заклинаниями человеку, оперирующему эмпирическими фактами. Методика большевистской полемики.

И.К. У меня все время спрашивают о премии, которую я не получил. Мне хочется выйти из этой патовой истории и я говорю: Вы объясните кому-нибудь, почему не едите экскременты? Сама попытка объяснить, что комсомол вот такой – лишняя. Она унижает объясняющего. Для меня вопрос был ясен, когда я открыл газету. Либералы нам постоянно объясняют, что хорошо, что плохо. Вся эта смешная межрегиональная группа, при всем уважении к ее интеллектуальному багажу, напоминает кучу мальчиков, в одном кармане – рогатка, в другом – партбилет. И они показывают рогатку, прижав карман с партбилетом, чтобы не вытащили.

М.Т. А если приведут в милицию, то наоборот. Слушай, а что такое рефлексия? Смирнов говорит, что это красивое литературное слово – не более чем медицинский диагноз – невращения.

И.С. Один десять раз проверяет, выключил ли он газ, а другой – имеет ли он право сделать то, что нужно сделать.

И.К. Рефлексия – необходимая составляющая любого мышления, но когда она действует одна ... Это как видеоманитофон, который умеет только перематывать. И при том в одну сторону. Столь же полезная машина. "Я думаю, хотя это дается

мне с большим трудом". Все это следы деградации, плебеизации, отбора по признаку зрелости. Отсутствие в политике юмора. Подчеркивание героизма. Геройство – это низший уровень лишенной юмора реакции на противостоящие события. Это рассмотрение явления сквозь самого себя. Это тупое противостояние, стеночное животное, понимаешь? Вот как бы я мечтал оформить эту историю с премией: встретиться с Ивановым, обменяться с ним объятиями, поцеловаться. Он мне дает премию, а я ему – звезду Давида. Теперь ты наш.

И.С. А деньги перевести Союзу сионистов.

И.К. Потому что любой отказ они могут мотивировать, а на это ответить нечего. Но у нас вся эта культура отсутствует. На Западе политики тоже говорят всякие глупости типа литачевских, но на следующий день в газете в регулярном разделе "Сказано в парламенте" будет опубликовано: "Я брал взятки. Это невероятно, но факт".

Я считаю, что существует элита, которая обособляется от не-элиты и поддерживает сложное равновесие с правящим классом, облагораживая, интеллектуализируя действия правящего класса.

И.С. Американское общество, которое сейчас составляет мировую элиту, создано подчеркнуто не-элитой.

И.К. Элита есть диахронный исторический процесс. Почему американцы вытерпели первые поколения Морганов и Рокфеллеров? Вместе с их винтовками нацгвардии и пиратским прошлым, а мы не хотим кооператоров вытерпеть. Откуда же они другие возьмутся из вас?

И.С. Там при этом существовала религия.

И.К. И тем не менее человеческий материал существует только тот, который существует. Все новое будет строиться из того, что вокруг нас. Да, они заранее воспитаны в традициях стовора с внеэкономическими силами, чего не было у Рокфеллеров. Те не знали, что такое мафия.

И.С. А ты понимаешь, что это пахнет новым витком стагнации, потому что это формирование капитализма по типу XVI века? У нас времени не хватит на то, чтобы всплыть.

И.К. А это зависит того, насколько будет открыта дорога. И вообще сама природа пресупности, даже мафизированной, всегда отличается тем, что в ней центробежная сила преобладает над центростремительной. Она не может отсударствиться окончательно пока не приобретет политическую окраску, но тогда она становится уже не бандой, а фашизмом. Бессмысленно бороться с мафией, пока для нее есть самый

большой успешный образец. Бесполезно спрашивать, почему простые люди убивают друг друга ни за грош после того, как 70 лет убивали избранные. А слой предпринимательно-интеллигентный у нас планомерно уничтожался и не 70 лет, а больше. В период, когда он всплыл, Лукичу невероятным усилием воли удалось развернуть этот процесс вспять. Когда единственный раз после 1861 года был разрушен и взорван вековой союз между боярством и урлой против третьего сословия. Этот союз потерял под собой почву и дыра начала заполняться третьим сословием. Повернуть это казалось уже невозможно. Но сумели сыграть на инерции рецидивов царизма. Конечно, нужен был такой гений и беспардонный нахал, как Лукич. Нужно было уцепить такие исторические корешки и так усилить их муссировать и вытягивать со всей тонкостью политической игры ... Возможность переиграть существует на каждом историческом этапе. Все зависит от масштаба личности и сил, которые она сумеет вовлечь.

И.С. Думаю, не случайно в ряде стран, поздно вступивших на путь буржуазного развития, произошли аналогичные процессы - в Германии, Японии. Видимо, не главное, Лукич или генерал Тодзио. Главное - волна возвращения в средние века.

И.К. Это не главное, но существенное. Тут начало создаваться гражданское общество после формальной отмены феодализма одновременно с развитием системы производства, а не раньше. В Европе, благодаря во многом секулярному характеру католицизма, та же интеллигентная прослойка начала складываться раньше, чем запахло капитализмом в современном понимании этого слова. И когда начались соответствующие экономические процессы, уже существовал достаточно широкий класс свободных лиц - инициаторов, которые могли включиться в процесс сразу. У нас же все это выросло из грубого купечества и образование шло параллельно процессу промышленного производства. Поэтому всегда ощущалась убогодность, неготовность третьего сословия. Самый большой бред марксизма в том, что интеллигенция обслуживает правящий класс.

И.С. Строго говоря, правящий класс это и есть интеллигенция, просто специфическая. Две самые богатые категории Древнего Рима - это крупные латифундисты и актеры. Нерон не считал для себя зазорным выйти на сцену.

И.К. Это точное наблюдение. Самое кошмарное, что натворил Маркс - когда он в своих экономических построениях сделал внеэкономический христианский трюк - внес понятие прибавочной стои-

мости и антропологизировал его, оторвал его от чисто экономического контекста и внезапно превратил его в воровство. Это подмена: плохо отнимать деньги сверх тех, которые возникли в процессе труда. Но это же бред, потому что он не определил труд организатора или инициатора производства, как труд превосходящий. Инженер, который придумал экскаватор, должен был получить больше рабочего, который привинтил к нему винт. Поменялись все представления о труде. Ушли в область этики, нравственности. А в России это нашло хорошую почву, потому что правящее и низшее сословие не надо было учить. Они всегда знали, что надо отнять и разделить поровну.

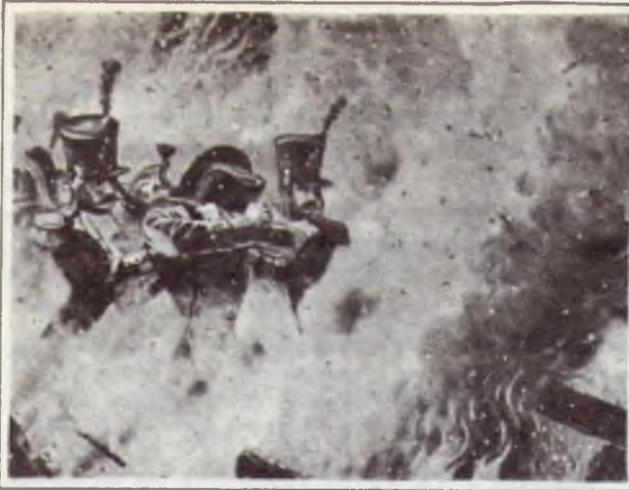
И.С. Не надо винить Маркса. Если бы дарвинизм был принят здесь как руководящее учение, мы бы еще не то увидели, но виноват ли Дарвин?

И.К. Оно и было принято между прочим. Вот эта какофония в противоположность евгенике (замечательный греческий язык: плохой, злой - какос). Выведение по принципу эрдель-терьера - пример использования дарвинизма в марксистских целях.

И.С. Вот, Марин, а ты удивляешься "Веселым картинкам" с их глистами. Поговорила с представителем интеллигентной группы ...

М.Т. О! Вернулись к группе. Так ты являешься по отношению к ней представителем интеллигентного правительства?

И.К. Н-е-е-ет. Нельзя переносить на малые коллективы законы большого общества. Я бы хотел, чтобы новый период Нау характеризовался неформально консультативным элементом, чтобы все в присутствии всех свободно высказывали свое мнение. Сейчас так и происходит. Свободная обстановка возникла, потому что сошлись совершенно новые и открытые люди. Дай Бог, чтобы это не запылилось. Со временем в малых коллективах возникает традиционные роли: записной фантазер, делец ... Маски обуславливаются уже не только их действиями, но заранее настроенным окружением. И люди уже не могут их снять. Живое общение начинает умирать, превращаться в функциональный розыгрыш. Это накладывается на творчество, потому что рождается предвзятое отношение к мнению каждого по творческим вопросам. И в этой системе инициатива начинает пробуксовывать. Поэтому они нуждаются в очищении, но не искусственном, а когда действительно чувствуешь - дышать нечем. Вот этот человек должен уйти, иначе - не жить. Мне пока очень нравятся все ребята. Собрался состав, в котором сбалансированы темпераменты. Добродушный флегматик - это Джават - Рафик Нишанов внутри коллектива, только без этически неблагоприятной роли Рафика,



на чисто человеческом уровне. Плохо, когда такого ставят в парламент, а в семье — как хорошо: "Зачем волнуешься, дорогой? Да садись, садись, я тебе потом дам слово". Человеческие качества похожи на аккорды. Они не могут быть красивы или некрасивы сами по себе, вне ладотональной системы, в которой расположены ... Стремный Игореша Копылов из "Петли Нестерова" с накатом рок-тусовки и более пристальным интересом к алкогольным напиткам. Немножко улавливаются пугающие черты Могилевского. Но на работе он этого не делает. Плюс Александр Беляев — экс-Телевизор и Лев Орлов — экс-Арсенал ...



**Илья Кормильцев**

Геркл, герой  
Герион, людоед  
Фтизий, раб-навозник

Пещера Гериона. Очень темно.  
Герион сидит на троне. Фтизий в уголке, на корточках, чистит скребок.  
В пещеру входит Геркл, вооруженный мечом.

Геркл (кричит, не замечая Гериона):  
Выходи на бой, коварный людоед!

Герион (про себя): Боги, какой он шумливый!

Геркл (продолжает с гордостью): Я — Геркл, сын Зевса и Алкмены, самый сильный из всех смертных...

Герион (про себя): Хвастливый...

Геркл (продолжает): ...убивший немейского льва и лернейскую гидру, укротивший керинейскую лань, истребивший стимфалийских птиц, победивший аримфанского вепря, очистивший конюшни Авгия, приручивший критского быка, одолевший лошадику Диомеда и лучницу Ипполиту...

Герион (громко): ...похитивший стада людоеда Гериона, укравший яблоки Гесперид, выманивший Цербера из Аида и сдохший от бабьей глупости. Великий человек!

Геркл (опешив): Не было этого. Откуда знаешь?

Герион: Будет. Знаю. Иди сюда.

(Геркл двигается в темноте, не различая

Гериона, выставив вперёд меч.)

Герион: Брось свой паршивый ножик! Терпеть не могу, когда вот так тычут. Ничего я тебе не сделаю.

Геракл (усмотрев, наконец, Гериона): Так я тебе и поверил!

Герион: Буду я ещё с сопляком в кошках-мышках играть! Зачем пришёл? За стадами? Бери - и проваливай.

(Фтизий бросает чистить скребок и начинает с интересом слушать.)

Геракл: А поединок?

Герион: Я для таких глупостей стар. Зачем мне помирать зарезанным, как свинья? А если и убью тебя, люди другого найдут и пошлют, не успокоятся. А я стар: в старости покой нужен. Куда мне эти стада - в могилу не унесёшь. Бери их, веди, режь, корми людей. Слушай, как тебя славят с набитым ртом, и как проклинают, когда жрать снова станет нечего. А можешь стада и себе оставить. Но тогда, герой, берегись героев. Всё это я знаю, всё это я видел. Вот когда я был молодой... и титана Герп передо мной вот так же сидел... да что я тебе... убирайся побыстрее. Устал я. Тошнит меня ото всех съеденных. Иной сам на вертел лезет, ножичком машет, кричит - Справедливости, людоед! - а у самого слюнки на говядинку уже текут. Съешь такого - во рту до утра запах нехороший.

Геракл: Что ж, мне легче, людоед! Не нужна мне твоя кровь. Только стада. За тем послали. А пророчества свои оставь. Разные мы с тобой. Ты для себя старался, я - для других.

Герион: Других? А ты с ними уже поговорил, Геракл?

Геракл: Нет ещё. Успеется.

Герион: Успеется... (смеётся). Спешу, герой, может и не успеется.

Фтизий (про себя): Однако, Фтизий, думай! Всё кувырком идёт. Старый хозяин с ума спятил, пора к новому пристраиваться.

Герион: Спешу, Геракл, спешу! Вот тебе ивовая ветвь - заговорённые затворы открыть на моих коровниках.

Фтизий (про себя): Ведь так и уйдёт со стадами, благородный дурак! И подвига не будет. Хозяин мой хоть и безумен, а тонко понимает - какой же подвиг без крови! Этого никто не поймёт. Были стада Герионовы - стали Геракловы, подумаешь! Такое на торжище каждый день случается. Сам он то ли не понимает, то ли не может - руки у него чистые, видно. Помочь ему, что ли, а потом всё разъяснить. Может, из благодарности с собой возьмёт?

(Снаружи слышно мычание коров, топот бесчисленных копыт.)

Геракл (снаружи): Эхой, эхой! (хлещет бич).

Герион (пытаясь привстать с трона): Как сладка месть! Я счастлив!

(Подкравшийся саади Фтизий перерезает горло Гериона скребком. Герион умирает. Фтизий выбегает из пещеры и кричит.)

Люди, великий подвиг!  
Герой Геракл убил  
в честном поединке людоеда Гериона!

ФТИЗИЙ

Геракл: Что ты несёшь, раб?

Фтизий: Геракл убил Гериона!

Геракл: Ложь! Он мне сам отдал! (Видит окровавленные руки Фтизия). Раб, твои руки!

Фтизий (смотрит на свои руки): Какие руки, хозяин? Ах, это! Это так, чепуха, вино мертвецов.

Геракл: Раб, ты испортил мне счастье бескровной победы! Сейчас я тебя убью! (Кидается на Фтизия).

Фтизий: Но, но, хозяин! (Ловко взбирается на высокий камень). Биться я не обучен, но бегать быстрее ящерицы. Могу и по другому делу повернуть. (Кричит). Люди, люди, вор Геракл варезал во сне моего хозяина и угнал его стада!

Геракл: Тебе не поверят!

Фтизий: Почему это? Сколько таких, как ты, и сколько таких, как я? Сколько поверят твоим словам и сколько моим? Других свидетелей нет.

Геракл: Кто ты такой? Что тебе нужно?

Фтизий: Я - человечек Фтизий, коровьи лепёшки подбираю. Возьми меня с собой, я тебя везде прославлять буду - в каждом городе, в каждом селе.

Геракл: Как прославлять?

Фтизий: А вот так. Самому мне славы не надо, а в тени героя - в самый раз. Все вина наливают, женщины сами под тебя ложатся. Хожу я в твоей тени, а тень - кровавая. Кто не спросит - всем отвечу. Хорош мне будешь - и кровь честно пролита, а надоешь - на тебя же всё и свалю - ничем не отмоешься.

Геракл: Страшно с тобой, раб!

Фтизий: Вот они - наши герои. Для нас стараетесь, а с нами - страшно!

Геракл: Не все такие, как ты!

Фтизий: Кто не такой, тому чужих коров и даром не надо.

(Молчат.)

Геракл: Слушай, раб! А может ты всё стадо себе...?

Фтизий: И?

Геракл: А меня здесь не было. А кто Герриона убил - сам что-нибудь придумай, ты же изворотливый.

Фтизий: Какое благородное сердце! Драгоценных коров - навозному рабу! А если сдохнут коровушки, все говорить начнут, мол, не смог раб священных коров уберечь. Нет, твоя добыча, ты и отвечай. А мы уж по бедности попользуемся...

Геракл: Подлый раб, если б я знал!

(Хватает меч и пытается перерезать себе горло.)

Фтизий (проворно выбивая меч): Геракл, а какой нежный, прямо как женщина. Раньше надо было думать!

(Геракл рыдает.)

Фтизий: Вот так они все. Сперва натворят дел, а потом раскаиваются. Ну, нам легче...

(Пинает Геракла.)

Давай, пошёл!

(Геракл ползёт на четвереньках впереди стада.)

Люди, это великий Геракл ведёт к вам стада Герриона. Радуйтесь, выходите с ножами и вертелами. Несколько недель у нас будет много мяса. Кто хочет потрогать мускулы героя или посмотреть его зубы - платить мне по четыре драхмы. Я - Фтизий, раб-навозник, смотрите все, кем я стал! Смотрите, ослы!

Занавес.

ГЕРАКЛ

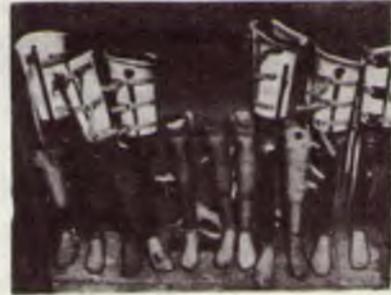


Напоминаем, что данный текст появился на свет в виде магнитной записи, поэтому он достаточно сильно отличается от обычных "рукописных" мемуаров.

ОКСВА - это Ограниченный Контингент Советских Войск в Афганистане.



О К С В А  
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)



В первых числах мая 80-го года началась Асадабадская операция. Она была самой тяжелой для нашей бригады за время моей службы, как в физическом плане, в плане трудоемкости (она была довольно длительная, но не самая длительная), так и по потерям. По потерям она, конечно, была просто чудовишной (по потерям с нашей стороны). Готовиться мы начинали заранее - получали сух-пай и т. д. Видно, в свое время наша разведка туда ездил. Колонны какие-то по шоссе проходили по дороге на Асадабад (это провинция Кунар). Там сливаются две реки: Кунар и Кабул - в общем, место довольно красивое. И предупреждали, что при въезде будут стрелять и т. д. засады... Место такое опасное было. Вообще, Кунар в этом плане считался очень серьезной провинцией: рядом Пакистан, пакистанская граница в двадцати километрах. Буквально, видишь - гора, а за этой горой уже Пакистан. В принципе, таких мест было много, но тут, видимо, и климат располагал, так сказать, к боевым действиям: тепло, в горах можно прятаться, ущелье... Там у нас уже находился третий батальон третьей батареи.

Добрались мы, правда, без приключений. Выезжали ночью - точнее сказать, вечером: часов в десять вечера, когда стемнело, бригаду протянули по нашему шоссе - и мы начали потихоньку выдвигаться в район боевых действий.

Когда мы проезжали мимо нашей медроты, колонна притормозила - и мы сначала стояли, а потом начали медленно продвигаться. Там такое местечко - Самархейль. Оно есть на картах, известное такое местечко, оно часто упоминается... Это под Джелалабадом, где-то в десяти или в пяти километрах от Джелалабада Джелалабадский аэродром, и где-то в трех-пяти километрах этот Самархейль. А уже где-то в пяти километрах от Самархейля - на-

ша бригада. На аэродроме был вертолетный полк, который поддерживал нашу бригаду. Мы его тоже на операциях охраняли, один наш батальон постоянно был на охране, в Самархейле еще постоянно была рота десантуры и потом еще приехал батальон спецназа. Но это позже все было. А в этот раз, когда мы проезжали... там такой белый домик на углу, при въезде, как дорога от Самархейля к шоссе идет... Ну, и уже ночь, темно - и наша машина проезжала, медленно так, а внутри домика свет горел - и вышли офицеры, которые там жили, и одна медсестра. У нас в бригаде было всего три женщины... И вот одна из них - я не помню ни лица, ничего - ну, и темно было - а дверь сзади них открыта и на них свет падает. И такие, вот, три сидуэта. И мы мимо них проезжали, а эта женщина подняла руку, нам помахала... Очень трогательный момент. Солдаты, которые уже практически по году не видели женщин, были весьма этим растроганы.

И мы ночью ехали, а потом под утро уже часов в двенадцать, наверное, приехали. Ну, нас никто не встречал (в смысле, душманы не встречали), никакой стрельбы не было. На одной стороне реки была расположена эта третья батарея - мы мимо них проехали, там что-то такое типа плотины, не помню уже точно... Гранаты цветут - в общем, красивые места... Тутувник, все дела... Ну, и мы тоже заняли позицию, только на другой стороне реки. Там, где стояла наша батарея, была вертолетная площадка. Туда вертолеты прилетали, селились... Генералы бегали...

В первую же ночь наше расположение обстреляли. Видно, с горы смотрели, как мы едем - и ночью, только мы легли спать... Спали мы на земле, естественно, на плащ-палатках. Ну, и в принципе ничего страшного, тепло. Уже потом, зимой, когда совсем холодно стало, мы с собой начали брать одеяла... То есть, оде-

яла мы и так брали, правда, не всегда, но по возможности брали - все-таки на месяц уезжаем... Подушки не брали, а одеяла брали. А позже мы уже начали на одну машину грузить матрасы, одеяла и подушки. Ставили палатки (если на длительную операцию выезжали), нары сколоченные с собой возили. Стелим на землю эти нары - на нары матрасы, подушки - и спали, как говорил один наш солдат, как в лучших странах Парижа.

Ну вот. А это было летом. Самое первое лето, самое... такое, поэтому мы еще были без всего. А вообще, мы ездил без матрасов еще и по той простой причине, что у нас их не было. Мы и в лагере спали на земле. Стелили маскировочную сеть на землю... У нас была только одна палатка на сорок человек. Лагерные палатки, которые мы привезли с собой из Совеа, уже все порвались, сгнили - они и были-то не новые, рваненькие - и нам выдали одну такую батареиную палатку на сорок человек. Мы клали все маскировочные сети - тоже все такие пыльные, прогнившие, рваные - на землю, на них стелили свои шинели, плащ-палатки, ватники - и на это все ложились и спали. Ну, лето - тепло, даже ночью жарко. Там, в общем... Июнь месяц - мы вернулись с операции - ночью +35. В самое холодное время суток, когда солнце еще вот-вот, уже где-то там блещет за горами, начинает светать - +35. Ну, а днем вообще атас - еще плюс тридцать. До металлических частей не дотронешься, не присядешь, солнце шпарит...

Ну, мы лежим... то есть, как лежим... заснули. И в два часа ночи начинают стрелять с горы. Из 76-миллиметровой пушки. Правда, они промазали, снаряды через реку улетели. Где-то в ста метрах от третьей батареи разрывы были. По тому месту сразу начали стрелять: из орудий, реактивщики долбанули... Командир дивизиона в одних носках выбежал на позицию, орал: "Сейчас мы им покажем!"

Вряд ли, конечно, мы им что-то показали. Показали, конечно, что у нас тоже пушки есть. Но вряд ли... Там позиция - дай Бог - в скале, фиг прошибешь. Нужно было лезть на гору и там уже что-то делать. А так издали стрелять... Когда попугаешь, страшно, конечно, - варьвы... Но вреда, скорее всего, никакого.

И, вот, числа десятого и началось. Точнее сказать, не десятого... Непосредственно батальоны ушли в горы одиннадцатого числа... вечером. А операция проводилась совместно с афганцами. И они, видимо, предали. Короче, три наши роты, которые ссадили с вертолетов... Их уже ждали. Одну сразу отсекали,

другую - сразу всю под пулеметами положили... Та рота, которую сразу отсекали, не встает, чтобы другую выручать... не идет под пулеметами. А на ту, которая осталась... пули летели сплошным слоем... и со всех сторон эти духи побежали... с таким воем... "Аллах акбер!" - и вперед. В общем, атас.

Короче, эту роту гоняли по горам всю ночь. В конце концов они зашли в какой-то кишлак. То есть - кишлак, не кишлак - группа домов, к скале прилепленных. В общем они зашли за дувал - и их там обложили и начали гранатами забрасывать... Осталось там несколько человек, решили прорываться... Дождь начался... Убитых они уже оставляли, некому было тащить, убитых уже было больше, чем живых. Брали только оружие. Оружие утопили в колодце... Ну, кто-то, в общем, вырвался. Один чувак убежал, ходил по скалам... Наши его на следующее утро нашли... Утром их начали собирать... Несколько человек раненых выплыли по реке. В общем, от роты осталось тринадцать человек. Шестеро раненых выплыли, двое забились где-то в камнях, один, вот, бродил... Но он, вроде, даже слегка тронулся... А может, и не слегка...

В итоге два человека было убито днем и пятьдесят - ночью. Когда операция началась, мы должны были поддерживать огнем... Там связь всегда есть. Пока стрельбы нету, батальон продвигался - и они передали: двое убитых, перестрелка, то, се... А потом связь пропала. Стрелять не понадобилось... Сутки не было известий - ну, не сутки, а ночь и день. Утром их уже начали собирать и привозить. С вертолетов их сразу переносили в крытые "ГАЗ-66". Солдат туда не подпускали. Те, кому удалось прорваться, рассказывали, что все тела изуродованы - видно, раненых пытали и добивали... Над погибшими надевались...

Замполит роты, старший лейтенант Шорников, стал Героем Советского Союза (посмертно). Он прикрывал отход оставшихся солдат. Об этом бое писала окружная газета "Фрунзевец". Правда, ни место, ни время действия не были указаны. Только в заключении была примерно такая фраза: "Когда фашисты окружили его..." Душманы, фашисты... Одним словом, "застой". Кстати, я видел плакат из серии "Воины-интернационалисты", посвященный Шорникову. Там тоже все написано очень туманно. А уж про количество погибших в том бою вообще не сказано.

У нас там был генерал - Меримский, по-моему - он как раз тогда говорит... У нас сержант прибежал - слышал... Не помню, зачем

его туда посылали - нам-то было видно: стояла группа офицеров наших, комбриг и все остальные... И этот генерал... Он к нам часто приезжал - и до этого, и после приезжал... "Я, - говорит, - вашу бригаду до последнего прапорщика положу, но ущелье мы пройдем до конца." Фраза была крылатая - весь личный состав бригады был в восторге.

Ну вот. И на следующий день нашей батарее тоже отбой. И погнали мы вперед по ущелью, с бронегруппой. А пока было это начало прочески, наши там тоже были. Корректировка огня... Но они с другими ротами шли, не с этой. Говорили, что Фисенко убит. Фисенко - это лейтенант, начальник разведки дивизиона. А потом оказалось, что убит был другой лейтенант, а его перепутали с Фисенко. А Фисенко, в общем, живой. И говорит: "Буду за двоих теперь жить." И он нам рассказывал, как было с той ротой. Толком-то он и сам не знает. Во всяком случае он был с другой ротой, которая должна была выручать, поддерживать первую. Он говорит, они не очень охотно шли на это дело. Вертолет прилетел, сбросил мины - и попросили помочь минометчиками... А один грузин говорит: "Что вы, у меня же сын!" Сын - значит, он не может рисковать. В общем, никто не знает, как там на самом деле было. Во всяком случае, рота погибла.

Это было с одиннадцатого на двенадцатое мая. А тринадцатого мы тоже погнали по ущелью. Один раз мы там, в ущелье, переночевали. На следующий день едем дальше. Впереди с другим батальоном ехала реактивная батарея. Они, видно, ночью перевернулись. Как раз утром мы ехали - смотрим: две машины валяются под откосом. Потом их вытащили. Но мы проехали, не останавливаясь. То ли там ночью была перестрелка, то ли черт его знает. Во всяком случае солдаты сидели, курили на своих перевернутых машинах. Одна машина боеприпасы возила, а другая - боевая.

А впереди, в километре, скалы - и душманы засаду устроили. Поставили одного своего смертника с ружьем - там ниша такая в скале на уровне дороги - а наши потом долбанули по этой нише из огнемета. Чувак как сидел с ружьем, так и остался. В той же позе, только обугленный.

А потом мы приехали... Такая деревня - Бар-Кандай. Когда мы приехали, она уже горела. То есть один участок горел. Поставили огневую посреди улицы. Но жителей уже не было, они все убежали. И там мы стояли где-то недели две.

Жрать кончилось через два дня. На со-

седней улице был наш генерал, афганский генерал. Рота афганцев рядом с нами. Жрать ничего не было. Мы, правда, прихватили в каком-то доме - ехали, там стояли афганские солдаты, но они уже свинтили - мы зашли в этот дом и прихватили там там пол-ящика консервов, брошенных впопыхах афганскими солдатами. Их снабжали гораздо лучше, чем нас. Болгарские консервы, наподобие тех, которые у нас продаются, - фасоль. Только маленькие такие баночки, граммов 150 или 125. Фасоль с мясом. Или рис с мясом, наподобие плова. У них этого добра было полно. А у нас...

Мы туда приехали, бронегруппа тоже приехала вместе с нами, а колонна не проходит по дороге в сторону Асадабада... Мы уже были глубоко в ущелье, плюнь - и уже в Пакистане. Дорога вся простреливалась. В Асадабаде в расположении, где наши были, - там-то страшно было к реке выйти. А тут выходишь, жарко - купаться идешь - и между лопатками все время такое жжение, все время ждешь, что тебя сейчас примочат. И все стараешься быстрее трепыхаться. Особенно, если один. В общем-то, по правилам, честно говоря, этого было делать нельзя, хотя я ходил купаться один. Но, черт его знает, Бог миловал... Был случай, когда солдат пошел мыть котелки и был убит. Его нашли на берегу, у самой воды.

Мы уже несколько раз стреляли, поддерживали десантуру. Наши там были, пехота... И меня и еще двух приятелей как раз поставили в наряд на кухню. Отстояли мы сутки - и жратва кончилась. Наш наряд был последний. Воды уже не было. Поехали за водой - одна колонка была закрыта, уже не качала воду, еще там где-то - тоже. Короче, в конце концов, начали брать воду из реки, но это было стремно: во-первых, высоко, откос метров шесть, песок, и мы втроем карабкались по этому песку с шестидесятилитровыми бачками воды. Все осыпается - в общем, мы еле натаскали. И все время ждешь, что по тебе сейчас долбанут. Там с другой стороны реки сопки уже горели. Бой шел, лес горел, вертолеты постоянно летали над этими сопками, долбили по ним, так что оттуда вполне могли вымочить.

Интересно, что, пока мы были в наряде, батарея стреляла... У нас же заряд раскомплектовывается, мы эти пучки пороха вынимаем - и их положено сжигать после стрельбы. Как правило, мы их сжигали, но часть, естественно, оставляли, чтобы костер развести, когда спичек нету. Тогда было пороха очень много. Мы все время стреляли четвертым зарядом, потому что горы были рядом, а за горами были наши - и надо было их прикрывать. Так что

приходилось стрелять через горы, четвертым зарядом. А после стрельбы четвертым зарядом остается около кило-триста пороха - нет, больше, почти два килограмма пороха - четыре пучка: три по полкило и один грамм триста с чем-то. Соответственно, шесть орудий после каждого выстрела - в общем, куча пороха. Ну и начали с ним всякие шутки шутить. Фантазия дошла до того - чуваки взяли стреляную гильзу от гаубицы, засыпали ее полностью порохом, забили в землю, вывернули капсюль, просыпали такую пороховую дорожку, подожгли - и спрятались. Как ...ануло - короче, эту гильзу разорвало напополам, одна половинка куда-то улетела, а другой половинкой одного сержанта чуть не пришибло. Скандал был, вообще, атас.

А жили мы в афганском доме. Стояли мы посреди улицы. Все дома уже были такие обожженные, все разграблено, всякая ...ня валяется... Падалью отовсюду воняет, блядь... Но один домик, более-менее чистенький мы присмотрели. Ну, как чистенький? Все познается в сравнении. Чистенький для Афганистана и, конкретно, для той деревни. Потому что в одной деревне я видел домик - там видно вообще богатый человек жил - на втором этаже были комнаты, обшитые деревом.

И вот мы жили... Ну, конечно, не в таком... Но кровати мы притащили. Там были такие плетеные кровати с реаным деревянным остовом. Кровати, чувствуется, старые - дерево уже все такое черное. Плетеные - вот как у нас пружины - а у них там из какой-то пеньки или чего... Никаких матрасов, это я уже говорил, но одеялами мы накрывались. Мы втроем вытащили кровати на - балкон, не балкон, но, в общем такая площадочка перед комнатами. А горящая часть была на берегу реки и горела еще неделю; днем разгорается сильнее, а под вечер - не под вечер, а скорее, к утру - затихает. А вечером, наоборот, хорошо видно было, потому что темно, и еще горит прилично. Ну, и мы перед сном смотрели на этот пожар. Погасить его было невозможно. Нас погнало туда гасить. Там уже четвертая батарея гасила, но они галопом оттуда бежали нам навстречу - и мы тоже ушли. Нечего там...

Самое страшное в этом доме: там были какие-то блохи. Говорили, что было испробовано бактериологическое оружие... Только непонятно, кем... Такие коричневые блохи. Но они кусались... Шишки надувались, как от укуса комара, но чесались они гораздо сильнее и были чуть-чуть больше. Потом у нас народ начал болеть. Один офицер, говорят, даже умер от этого. Поднимается высокая темпера-

тура - около сорока, и слабость такая, что человек лежит в отрубе. В общем, у нас с батареей почти половину увезли. Батарея была на грани небоеспособности. Их отвозили туда, откуда мы приехали. На вертолетной площадке в Асадабаде народ складывали - два-три дня - и они все уже были на ногах. Точнее сказать, когда мы туда приехали, смотрим - народ уже ходит. В общем, с этими блохами, конечно, дело темное. Во всяком случае мы расчесывались так, что, когда болячки соскакивали, на загаре оставались белые пятнышки. И когда мы вернулись с этой операции, мы все были в этих белых пятнышках.

Так вот, я говорил, жратва кончилась. Пришлось переходить на подножный корм. Скотины всевозможной там полно бегало: коровы, козы, овцы... Все брошено, все жители разбежались, а скотина осталась. Опять-же овоши на огородах растут. Ну, и мы это все ели. Инструктор от штаба бригады, старший лейтенант Павлович, - хороший мужик - увидел, что мы лук нарвали, чеснок и говорит: "Молодцы! Когда я тут был с другим батальоном, из штаба армии приехал один майор. Мудак! Увидел, что лук, чеснок нарвали, и говорит - 'Воткните на место!' - Вот мудак! Если афганцев к нам запустить, они бы у нас натворили дел. Они не поймут нашего благородства. Скажут: Во, бля, дураки!"

А комбат был в горах, и батареей командовал лейтенант. Еще один лейтенант заболел. Другой лейтенант был в отпуске. Остался молоденький, только после училища, еще год не прошел. И он командовал нашей батареей, стрелял... Ужасно гордился тем, что он один командовал батареей - и все было отлично. Пожрать он тоже был не дурак. И вот он нам говорит: Если еще два дня не подвезут жратву, я отдам официальный приказ, что будете на подножном корму - о мародерстве. Не о мародерстве, а о том, чтобы брать и есть, потому что голодные все. А сейчас можете гра-



бить без приказа. Ну, мы и без этих его слов тоже... Единственный раз мы ели кур - это на этой операции. Поймали пять кур, зажарили... Чего мы там только не ели... Как раз это был май-месяц, там уже многие фрукты поспели: абрикосы, мушмулла... Сливы, правда, еще были зеленые.

Интересно, что, когда горел этот дом, за сутки перед этим в этой деревне был бой. И один пехотинец, мусульманин - я не помню, туркмен, не туркмен, но это и не важно - у него убили земляка, и он облил дом соляркой и поджег. А афганский офицер, капитан один, увидел его, подошел и говорит: "Что ты делаешь? Это дом, тут же люди могут жить!" А тот говорит: "Из этого дома убили моего земляка. Я этот дом сожгу!" Афганец пошел к нашему генералу на прием и рассказал ему это дело. Говорит, вот ваш солдат поджег... А генерал ему: "Воин - интернационалист такого совершить не мог". В общем, афганский офицер покачал головой - и ушел восвояси.

Потом прошло два-три дня - и десантура спустилась с гор. Они шли... тяжелое, конечно, арелище, - измотанные полностью. У меня там были приятели, знакомые ребята: щетина у них, конечно, рваные, грязные, худые - одни глаза... Ну, там и пехота, и наши спускались. На этой операции погиб комбат десантного батальона. Такой лихой чувак был... Впереди всех, без каски... Говорят, пуля попала прямо в голову - даже вспышка была на голове. Его стали перевязывать, а ему еще одна пуля в шею и санитару ногу прострелило. Десантники были в трансе, они его любили обалденно... Вообще, в десантных частях в этом плане очень четко, такая спайка командиров и солдат...

Через пару дней через ущелье, наконец, прорвалась одна машина с консервами.

А когда в Бар-Кандае закончилось прочесывание, нас перебросили в Асмар. Как раз, когда протягивали колонну, подъехало еще несколько машин. Выдали сухой паек, наконец. За все дни, правда, выдали. Все сигареты выдали. Даже расщедрились - вместо солдатских ржаных галет дали белые, пшеничные, офицерские. Все в фирменных пакетах, сахар, сигареты...

Всего операция длилась где-то около месяца.

В эти дни у меня как раз был день рождения, 17 мая. Рано утром был дивизионный залп. Продолжалась операция, прочесывание - и мы поддерживали огнем. Ну, а потом, после стрельбы прибрались у орудий - и чего-то начали ля-ля - тополя, и я как раз вспомнил:

О, ребята, день рождения у меня сегодня. Ну, там все: 'О-о-о!' Начали поздравлять. И тут случился замполит. "В чем дело? Что за шум?" Мы говорим: Вот, день рождения. Он: "О, видишь, в честь тебя стрельба там, залпы, салют. Видишь, как тебе повезало, что ты здесь! А то бы там, в Алма-Ате, умирал бы сейчас." Намек на то, что в последних числах декабря '79-го года я должен был ехать в отпуск после болезни, а вместо отпуска поехал "выполнять интернациональный долг".

..... Его фамилия была Козлов - вот у нас его и звали Козел. .... Действительно, фамилия оказывает большое влияние на личность.

Интересно, что у нас замполит сам никогда не наказывал солдат. Хотя командир дивизиона тоже так никогда не наказывал. Вот есть офицеры, которые могут ударить по рылу, как наш начальник штаба, например. Майор Бабак. Он был капитан, а потом ему майора дали. Тот сразу по рылу бил. Лишних слов не тратил. Заводил в палатку - и... Командир дивизиона, наоборот, ставил весь дивизион и начинал рассказывать свои басни. Мог говорить два часа - такой крутой солдафонский юмор... А замполит сам не наказывал, он только стравливал. Вот яркий пример. Было утреннее построение. Командир дивизиона что-то завелся, начал орать, что, дескать, не все в строю. А дело в том, что у нас два человека постоянно оставались в палатках, в каждой палатке по одному, по два человека. У нас на батарее было две палатки. Офицерская палатка, где была наша каптерка и хранилось все имущество батареи, все вещи - и офицерские, и наши... И наша палатка, где мы спали. Там, конечно, могли сидеть, начиная от табуреток, котелков, кружек - все. Особенно во время строевых смотров, когда проверялось имущество. Тут начинались массовые поиски - и ночью, и днем. Глаз да глаз нужен. Короче, командир дивизиона начал орать: Всех! Всех! А у нас как: ставят, скажем, двоих ребят - и они могут быть в этой каптерке два месяца, даже на операции никуда не выезжают. Естественно, они там ни... не делают. Ну и там, короче, два чувака у нас были. Отожрали себе такие хари... Можно было об лоб поросят бить. И один, все-таки остался, а другой выходит. Ну, морда у него, конечно, была такая лоснящаяся, розовая, и никакой подшивы, ничего... Мы все-таки время от времени подшивались. Тут мы в лагере уже около недели стояли - и были подшитые. Он приходит: подворотничка нет, ремень висит на яйцах и куртка ушита. Командир дивизиона начал на

него орать: .. твою мать, равняйся, смирно, вольно, блядь, где был? - ну и так далее. Потом говорит: Встать в строй! А замполит сзади ему: А он ушелся! Командир дивизиона: "Ушелся? Ну-ка, блядь, иди сюда!" Тот подходит. "Ну-ка, сними ремень!" Тот поворачивается к нему спиной, ремень ослабил. Этот подергал так за хэбэшку - не рвется. К замполиту: "Нож есть?" Тот: "Нету." Короче, один узбек из завода управления решил подхнуть - дает нож. Ну, такой ножичек - импортный, не импортный - афганцы подарили или отнял. Командир дивизиона подрезает ножичком хэбэшку - и, ....., разорвал ее напополам. И у того одна половинка на одном плече, другая - на другом, а воротник застегнут. Получилась, вообще, такая классная вещь - со смеху можно было помереть. А замполит сзади стоит и говорит: А ножик, мол, афганский... Командир дивизиона его, раз - и сломал. Все. А замполит стоит сзади. Все отлично.

Только не надо думать, что наш замполит был этаким "серым кардиналом". Это было бы ошибкой. Самый обыкновенный пузатый майор с красным, пористым носом. Простоватый и отупевший, как многие в его возрасте. Тяготы и лишения воинской службы и обильные возлияния скааываются на умственных способностях. А уж в Афгане...

Как-то перед заступлением в наряд мы с одним солдатом пошли на ручей, готовиться - и нарвались на комдива и замполита в компании с майором из ДШБ [Десантно-Штурмового Батальона]. Они, якобы, ловили рыбу. (Комдив, правда, действительно заядлый рыбак). Комдив к нам: "Куда идете? Идите на ..., нечего рыбу пугать!" Ну, мы втихаря их обошли и постирались выше по течению, чтобы у них вообще не клевало. Все трое уже были в приличной поддаче. Десантника-то и из пупки не прошибешь - такой квадрат. Только морда краснеет... Может, правда, от солнца...

Утром мы приходим к столовой, а там всеобщее веселье. Оказывается, ночью, после отбоя, в будке командира дивизиона, где, видимо, продолжалась рыбная ловля, поднялся шум, гам - и комдив вылетел оттуда кубарем. За ним замполит потопал. Комдив вскакивает - и ему в глаз! Тот заорал, схватил алюминиевую миску и приложил к щеке. Комдив долбанул по тарелке, а потом получил сдачи - и упал под полевую кухню. Тут их разняли. У командира дивизиона два бланша (под каждым глазом), у замполита - один, но во всю щеку. Только через три дня было построение дивизиона, на которое оба вышли в темных очках. Начальник артиллерии очень смеялся...

Ну, и нас в Асмар перекинули, а там мы практически не стреляли. Это уже практически была не операция, а окончание. На отдых отвели. Там тоже как вымерло все. Но было такое впечатление, что адесь когда-то давно - может быть, год назад, а может быть, полгода - были бои, потому что остались только одни брошенные сады. Все дома были развалены. Они - глиняные; и уже чувствуется, что в них давно-давно никто не живет. Валялись обломки кое-каких десантных приспособлений... Кто и куда там бросался, непонятно. Оттуда мы уже вернулись домой. Там уже, конечно... места красивые обалденно: такая речка, прохладная вода, форель плавает - класс. Фрукты...

С июля по сентябрь в "Вечерней Москве" был ряд статей "Афганистан - как это было". Журналист, Гай, собирал материал: генералы, полковники - те, кто имели отношение непосредственно к подготовке, к вводу войск и т.д. Кто-то намекает, что, нечего, мол, вам об этом знать, ребята, еще рано. Кто-то говорит: я был категорически против, но нас заставили... В таком, вот, духе. Но все сходится в одном: что решение было принято в последний момент и т.д. Я не знаю. Во всяком случае, в середине июля 79-го года мы приехали в Алма-Ату - точнее сказать, нас, семьдесят человек, привезли в Сары-Озек, раскидали - и мы, семь человек москвичей попали в Алмаатинский мотострелковый полк. Сержант, который нас забирал (мы сидели там, в Сары-Озекке, на автостанции, ждали автобуса на Алма-Ату), сказал нам (а он собирался увольняться, на дембель): Поедете в Афганистан осенью. Правда, тогда ни о каких ограниченных контингентах не было и речи. Он мотивировал тем, что срок дислокации полка в Алмаате - десять лет - истекает, и теперь он должен будет быть передислоцирован на новое место. И перекинут именно в Афганистан.

Причем, эти слухи были не только среди солдат. Офицеры говорили совершенно открыто, что, вот, в Афганистан. Не все, конечно. Но можно было... Я, вот, лежал в госпитале. Со мной там был заводный из моего завода, еще два с батареей и старший лейтенант Кувшинов из минометной батареи. И он говорил: поедете в Афганистан...

Ну, я не знаю... Школьные представления: Афганистан - соседняя страна, значит, там обязательно должна быть группа советских войск. Как в Германии или в Чехословакии. У

меня даже никакой мысли не мелькнуло, что чего-то там будет. Ну, в Афганистан - и в Афганистан, за границей послужим. Опять-же, думаю, там тепло, панамы, то, се, тропическая форма...

В конце этих статей помещена подборка воспоминаний бывших солдат. Такие коротенькие... кто во что горазд. Я не знаю, что там писали остальные. В общем-то, я прочитал первую... Мне приятель мой один... Мы вместе служили (он пулеметчиком в пехоте служил) и призывались в один день. Он поехал в Панфилов, а я - в Алма-Ату, и потом мы встретились уже в Афганистане. И он мне говорит: в "Вечерке" есть такие воспоминания, и Логунов там опубликовал... Читаю - действительно, Логунов...

Кто вообще, участвует в движении афганцев на гражданке? В первую очередь, это настоящие боевые офицеры, которые получили увечья, ранения в результате боевых действий - остались без рук, без ног и т.д. Но их очень небольшой процент. Затем офицеры примазавшиеся, которые в Афганистане вообще никогда не были. Время от времени они приглашают "больших людей", которые на самом деле много сделали для Афганистана, которые врубались и в политику в Афганистане, и в их обычаи, и т.д.

Затем "афганцы" - солдаты. Настоящие ребята, которые на самом деле... Их очень мало. И опять-же инвалиды. Или - и их, я считаю, большинство - люди, которые были как-нибудь комсомольскими лидерами. Т.е. не лидерами, а просто их выдвинули на эту комсомольскую работу. Они там закрепились, и по приезде в Союз, на гражданку развили бурную деятельность. Как правило, это люди, которые с солдатской точки зрения, с точки зрения солдатского товарищества, братства, ничего не стоили.

А сейчас - суровые лица, скупая мужская немногословность... Следы пережитых испытаний... Логунов, который сейчас стал председателем городского совета воинов запаса, вообще не вылезает из маскировочного комбеа и десантного тельника... Офицерским ремнем подпоясан... Сюда бы еще шпоры... Героика мирных дней, ....., ... Не служил бы с ним - обманулся бы обязательно.

И вообще, что за замашки - носить форму войск, в которых ты не служил? У нас командир дивизиона очень любил проверять солдатское имущество, обнаруживать неуставные дембельские вещи и уничтожать их. Публично, перед строем. Причем, уничтожение должно

проводиться хозяином. Вот однажды строят наш дивизион - и майор выносит мешок с сюрпризами. Для начала извлекаются совершенно умопомрачительные сапоги с тройным скошенным каблуком. Выходит старослужащий Котов - получает свою ...юлину и отрывает каблуки. Комдив победно восклицает: "Сапоги отдадим молодому! У старослужащего не может быть новых сапог!" Теперь следующий: "Рядовой Манько, выйди из строя!" Манько выходит. Майор извлекает из мешка голубую тельняшку, берет и китель с голубыми петлицами. Видно, землячки из ДШБ расстарались к дембелю. "Так, десантник! Я теперь Вас буду звать десантник Манько! До самого дембеля!... Десантник Манько! Встать в строй! Десантник Манько! Выйти из строя! Десантник Манько! Ко мне!" Манько, весь багровый, подходит. "Рви берет и тельняшку!" Манько стоит, опустив руки, молчит... "Рви!... Ну ладно..." - Малоков вдруг пришел в хорошее, душевное расположение: "Я люблю, когда солдаты сами рвут свои вещи. Но и сам тоже люблю рвать..." - и быстренько разделал все шмотье.

А вот "Десантник Логунов!" уже крикнуть некому.

По приходе на гражданку такие люди чувствуют себя героями, кричат об этом на всех углах и без мыла лезут... всюду.

Вот, создан Московский Совет воинов-интернационалистов запаса (СВЗ) - от каждого района по человеку. В Москве около тридцати районов - значит и в городском Совете около тридцати человек. Я был там... Не помню уже, кто там был из героев... Я случайно был как раз на самом первом собрании. Недосидел, ушел оттуда. Пришла масса гражданских, которые вообще к этому отношения не имеют. Два офицера говорят: "Мы никогда не были в Афганистане, но давайте соорганизуемся, давайте создадим организацию. Почему одни афганцы? Давайте, будем все. А придут гражданские - возьмем и их. Будем работать под руководством комсомола..." Вот так они говорят. Но, правда, с последним предложением их послали.

В общем, никого из нормальных, стоящих ребят, которых я знал... никто из них особо не лезет в это дело... Так, помогают в меру... Ни мои старые приятели, которые со мной служили, ни те, кого я после знал. Они просто в стороне. А кто лезет к самой кормушке...

Например, Логунов призывался со мной в одно время. Служил он в зенитно-ракетной батарее. У них там "шилки" и "стрелы". "Стрелы" - это ракеты с самонаводящейся тепловой

головкой, а "шилки" - счетверенные пулеметы. "Шилки", естественно, всегда прикрывают пехоту. На дорогах ездят, в оцеплении участвуют. В горы они, естественно, не ходят, шилкачи. Так же, как и артиллеристы. За всю мою службу у нас в горы пошли... Вернее, один раз должны мы были идти в горы на одной операции, когда не хватало людей. Просто в пехоте были большие потери. И то артиллерию так и не сняли, никого. Потом один раз оружейные номера пошли на прочесывание. Это было буквально несколько часов. Пошли - и вернулись, одно селение только прочесали.

А Логунов в боевых действиях практически вообще не участвовал. Ну, в первый месяц мы ездил все бригадой; операции проводили - тут никуда не денешься. А потом, когда мы лагерем встали, они баню строили, посты вокруг бригады, оцепление... Так вот он вообще не ездил. Даже ни в оцеплении не был - нигде. Они строили баню... Как ни придешь, постоянно в грязи: то ли копает, то ли моет. А теперь он на коне. Теперь выяснилось, что он, вообще, хлопчик геройский... "Десантник"...

В "Вечерней Москве" он описывает случай, который действительно был, когда бой шел за тела наших убитых солдат, чтобы их... Ну, и в конце он пишет: "мы подошли", "когда мы освободили" и т. д. Мы... Он-то сидел в "шилке"...

Вот, хватает наглости... Причем, о наградах тут, конечно, нечего говорить. В первых эшелонах был минимум награжденных, хотя убитые и раненные - обязательно все... Но и то... Вот приятель у меня был... То есть, и был, и есть. Из Грузии парень. У него два ранения. Первая награда ему пришла только через пять лет, уже на гражданке. А вторая - пришла или не пришла - я не знаю, он в Грузии живет. Я его давно не видел.

На гражданке все поменялось местами. И чушки теперь ходят в героях. В общем, в двух словах, в этом движении минимум боевых, по-настоящему заслуженных людей; остальное - грязная накипь, всевозможные примазавшиеся и т. д., которые были только краем задеты или вообще не были... Просто пришли и сказали: Здравсьте... Я уже не говорю о том, что есть масса народу, которые просто на самом деле спекулируют. Вот есть один чувак. Я не помню его фамилию, но она очень известна в Москве. (Я уже не говорю о том, что в радиопередачах говорили про таких-же...) Он представляется капитаном таким-то, Героем Советского Союза, кавалером каких-то там орденов... по-моему,

Славы, чуть ли не двух... короче, не помню. Он вообще не был в Афганистане никогда. По-моему, он даже и в армии никогда не служил. Не поймешь, то ли сумасшедший, то ли какой... Ну, его уже все знают и... может быть, даже и бьют при встрече...

Потом у Логунова еще один случай описывается: стреляли, якобы, по бегущей женщине, потом она свалилась... То есть кто-то в паранже бежал из дома, из которого стреляли. Была перестрелка - и из афганского дома выбежало какое-то чучело в паранже. В него кто-то попал, оно упало, снимают паранжу - оказался, душман. Но стреляли-то в женщину.

Эта история - я ее во время службы не слышал - напоминает мне еще одну. У меня приятель был - Альберт. Он тоже служил в Афганистане... 81-83... Дембель у него был в 83-ем. Он служил в Ферганской десантной дивизии, в Кандагаре. И, вот, он рассказывал, как у них ехал взвод десантников - три машины - и проезжали они селение кочевников. И кто-то выстрелил из этих чумов... Ну, не чумов... Там такие шатры... Ну, естественно, взвод спешивается и начинает строчить, наступать на эти чумы. Короче, чумы эти, расстрелянные, упали - и из них выскакивает какой-то комок тряпья и начинает прыгать вокруг этих поваленных... Ну и взводный поднимает руку: "Не стрелять, там баба!" - и гранату туда...

Это уже слушается, как анекдот. Что то анекдот, что это... Председатель Совета воинов запаса рассказывает анекдоты на страницах "Вечерней Москвы"... Набраться такой наглости... Использовать свое служебное - ну, служебное, не служебное - положение... Его, как человека, избрали председателем. У Совета воинов запаса большие цели: помогать семьям погибших, инвалидам - масса работы... и она ведется. Я знаю, что в Черемушкинском районе у Совета еще шефство над интернатом для детей-инвалидов. Они и детям помогают. В общем, такая большая благотворительная работа...

На самом деле, есть еще, по меньшей мере, две организации афганцев. Это, во-первых, Союз Ветеранов Афганистана (СВА), включающий в себя участников боевых действий в разных странах - Вьетнам, Ангола, Египет, Чехословакия, Корея и т. д. Его спонсорами являются МВД, КГБ и т. д. Председатель - полковник Котенев. Мне кажется, что эта организация в большей степени защищает интересы офицеров. Советы воинов запаса, может быть,

не имеют столь могущественных спонсоров, но это и к лучшему...

СВА и СВЗ имеют свои печатные органы - "Побратим" и "Перевал".

А есть еще какая-то альтернативная, демократическая организация воинов-интернационалистов, но я про нее практически ничего не знаю.

А Логунов - это мое мнение - использует свое положение для удовлетворения своего тщеславия и непомерных амбиций. Выступает по телевизору и говорит: "Подростков нужно уберечь от вредного влияния улицы, они должны расти с чистой душой." Только для этого надо, чтобы и твоя душа была чистой...

Если у него была такая возможность - выступить в газете... Ведь погибла масса людей... Они совершили подвиги, о них никто ничего не знает, или в газетах доходят какие-то искаженные сведения.

Вот, хотя бы такой Стовба. Он погиб в конце марта 80-го года. С ним погибло еще шесть человек солдат из его взвода...

Нас, восемь человек, привезли в Алма-Ату. Логунов и Коршунов попали в ЗРАБ, Фокин и еще один парень (но он не попал в Афганистан) - в роту связи, Богомоллов остался в пехоте, а мы с еще одним парнем попали в артиллерию. А еще один, Ходырев, тоже попал в артиллерию, но потом он дослуживал в штабе, в секретной части. Он, конечно, ни в каких боевых действиях не участвовал, сидел все время в штабе - разве что в самом начале - он в третьей батарее был. Я помню мы доехали до Пули-Хумри - это была середина февраля, двадцатые числа - и его как раз вызвали в штаб - и все. Пришли его документы (там проверка длительная, чтобы в секретной части работать) - и все, он там был писарем, что-ли... Он себя вписал в наградные списки и прекрасным образом получил орден... Красной Звезды, по-моему.

Так вот Слава Богомоллов был в пехоте как раз во взводе Стовбы. Я вообще всегда старался поддерживать дружеские отношения с земляками. Нас и так было очень мало. Были земляки хуже, лучше... С кем-то я общался постоянно, с кем-то меньше... Просто адорвались при встрече... Но всегда были друзья. Логунов, кстати был... ну, не самым плохим... земляком... Но общались мы очень редко. У меня был такой, совсем закадычный приятель из танкового батальона. Лучший земляк. Он сам из Каширы... Но это неважно... И вот Слава Богомоллов. Мы в один день призывались, вместе ехали, постоянно встречались по возможности. А потом, когда мы были в ПулиХум-

ри, я к нему зашел (мы стояли рядом)... И главное, что у них рота была, в основном, укомплектована молодыми, одного призыва. А в девятой роте были одни дембеля. И дембеля, как более опытные солдаты постоянно больше участвовали в боях. А молодые очень мало. И он говорит: "Вот, дембеля - они воюют, а мы..." Я говорю: "Слав, куда ты торопишься? Еще навоеешься." И точно...

Как раз была самая первая операция... Вернее, когда мы стояли в Кабуле на формировании - нам добавляли батальон десантников, реактивную батарею, в общем усиливали полк - сначала уехал один батальон, потом - второй... И так по частям... И все время известия: каждый день убитые, помногу, по 10-15 человек или больше, каждый день бои... В общем, обстановка, не дай Бог. И как раз я со Славкой виделся, поговорили... И они говорят: послезавтра уезжаем. Я с ним так даже и не успел попрощаться перед отъездом. И потом мы тоже туда же уехали. Потом уже заканчивается операция - мы долго ведем ездили, куролесили... Причем, в Кабуле еще было холодно, а это 180 километров вперед, к Пакистанской границе - и там уже было 28 градусов тепла. Пальмы... Самое первое впечатление: мы кемарили на марше - и начало светать, я открываю глаза - стоят две или три пальмы. Как раз у въезда в Джелалабад. Высокие пальмы...

И потом проходит буквально час-полтора - мы проехали город... Там апельсины растут, какие-то цветы цветут - то есть там уже субтропическая зона, и мы буквально приехали из зимы в лето. И - бам! - подрывается танк. Мы проехали через город, там какая-то такая скала, под скалой заминировано - и танк взорвался. Вот такой контраст сразу... Уже началось.

Приехали - там долина такая... Окопались, разгрузили снаряды. Жара сразу, солнечные ожоги у многих, кто неосторожно разделся, тепловые удары... такой перепад температур обалденный.

Пехота сразу полезла куда-то в горы, мы начали стрелять в какое-то ущелье... в общем, включились в боевые действия сразу. Месяц непрерывных боев и постоянные переезды. Больше одной ночи мы нигде не ночевали.

И вот, мы стоим на какой-то сопке, стреляем на другую, а за той сопкой уже Пакистан. Тоже были очень тяжелые потери. По 22-23 человека батальоны теряли. И как раз были случаи, что два-три убитых - а пока отбивают тела погибших, еще несколько человек, может быть, даже больше, чем было, погибнет. Был случай, когда троих отбили, а шесть че-

двоек еще погибло. И долбили по этим горам и осколочными, и шрапнелью...

Возвращаемся с операции - приходит парень с третьей батареей и говорит: "Приходил Пономарев..." Я его [Пономарева] знал, я месяц служил в третьей батарее - наши койки рядом были, а потом его перекинули в пехоту... причем, в пехоте он буквально за неделю до дембеля получил три пули в бедро из ДШК - и ногу до самого верха... Его один парень видел в госпитале, когда его с операции привезли. Я заходил в Ташкентский госпиталь, навещал парня раненого из дивизиона, и он мне сказал... Не повезло... За неделю до дембеля...

Вот, а тогда тот парень зашел и говорит: "Андрей, твой земляк погиб."

- Какой земляк?

- Говорят, что Богомолов.

Ну, и сам он толком никаких подробностей не рассказывал. То есть я с ним не разговаривал, мне просто передали. Позже я ходил в ту роту, узнавал у ребят... Старался как-то выяснить, что там было... Но все говорили по-разному. То есть не совсем по-разному - основное все рассказывали одно и то же, но были некоторые непонятные нюансы - и я так и не смог их выяснить до конца. Короче, там получилось так. Лейтенант Стомба со своим взводом прорвался... Они вышли на седьмую роту. И уже начало темнеть... Солнце заходило за гору, темно становилось... И рота шла на отдых. Ротный им говорит: "Оставайтесь здесь, у нас, переночуйте..." Ну, в общем, я не в курсе их разговора, но им было предложено остаться, потому что прорываться ночью... Но Стомба - молодой лейтенант, только после училища - 'У нас задача...' А с ними были раненые... Или их потом уже ранили... Короче, взвод ушел. Окончательно стемнело, их окружили. И к тому времени, когда их окружили, у них уже было трое раненых. Этих троих раненых несли три человека. Все шестеро были русскими... Вернее, я не знаю, кто там был ранен, но трое русских их тащили. И Стомба - украинец. И все рассказчики сходились в одном: их бросили азербайджанцы. Правда, я не мог понять, откуда во взводе столько азербайджанцев... Дело темное... Хотя, когда я ходил к Славке, там их действительно было полно. И у нас батальоны, особенно третий, были на 80% укомплектованы Средней Азией и Кавказом. Так что вполне возможно. Короче, как все говорят, азербайджанцы их бросили и убежали. Причем, одного из азербайджанцев ранили, когда они уже убе-

жали... Потом его нашли... Пуля в пах попала... И они их бросили и нашли седьмую роту. И говорят: "Мы, - мол, - пришли за патронами." А один парень, раз, за вещмешки - у них в вещмешках патроны... Короче, искать... Этих тоже погнали. Искать пошли уже взводом, потому что эти бросили - и осталось-то шесть человек и лейтенант. Но полночи искали - не нашли. Нашли только этого раненого. Он там орал... Но еще боялись подходить, потому что у душманов тоже такой прием: одного кладут, он орет - и ждут, что будут подходить, и по этому месту стреляют тех, кто будет прочесывать. Боялись, но тем не менее подошли, забрали.

А их нашли утром. Все убитые, порезанные... И лейтенант тоже... Зажал в руке пистолет - и не вырвали у него из руки...

А я уже на гражданке прихожу - и читаю газету "Труд". Статья называется "Аист - птица добрая". И фотография. Короче, пишут, что, вот, десантник, лейтенант, на учениях... Конечно, понятно, период "застоя", мы не знаем, что говорить... Вот он на учениях шел, зашел куда-то, оторвался от своих десантников - и тут они видят: его окружают душманы; но было поздно, когда они подоспели, лейтенант уже лежал бездыханный...

То есть я обалдел. Я тоже не располагаю достоверными сведениями, но то, что я выяснил, уж никак не стыкуется... Причем, все рассказывали - это уже было, когда я прослужил полтора года: эти азербайджанцы погибли в других боях... все погибли. Непонятно, то ли их Аллах наказал, то ли... Ну, в общем, погибли...

Потом есть такая книжка из серии "Когда им было двадцать". Она называется А. И. Стомба (Александр Иванович). И там непосредственно про сам этот эпизод, подвиг - как, что там было... 'Лейтенант отдал приказ взять раненых и отходить. Мы прикроем! И пятеро остались прикрывать'. Может, так и было? Не знаю...

В газетах про солдат вообще ничего не было. То есть был ряд статей - я их все читал. Вот эта "Аист - птица добрая" - наиболее полная статья, в остальных было сказано еще меньше. А в книге упоминаются те ребята, шесть человек, но о них, я бы сказал, упомянуто весьма скромно.

Очень странно получается: все герои Афганистана или офицеры, или, в крайнем случае, десантники. На самом деле, наибольший удельный вес имела пехота, и, соответственно, большая часть работы была на ее плечах.



Ну, я не знаю, Логунов тоже служил, знал, что в нашей бригаде был такой человек - Стомба. Богомолов - мы с ним в карантине месяц вместе спали рядом, москвичи... Знали все друг друга. И вот, человек погиб... Логунов - председатель совета - и ему вообще наплевать, кто с ним вместе служил, погиб, был героем... Он чихал и кашлял на все это дело, на этих героев. Он теперь у кормушки сидит...

Андрей Полторацкий

(продолжение следует)

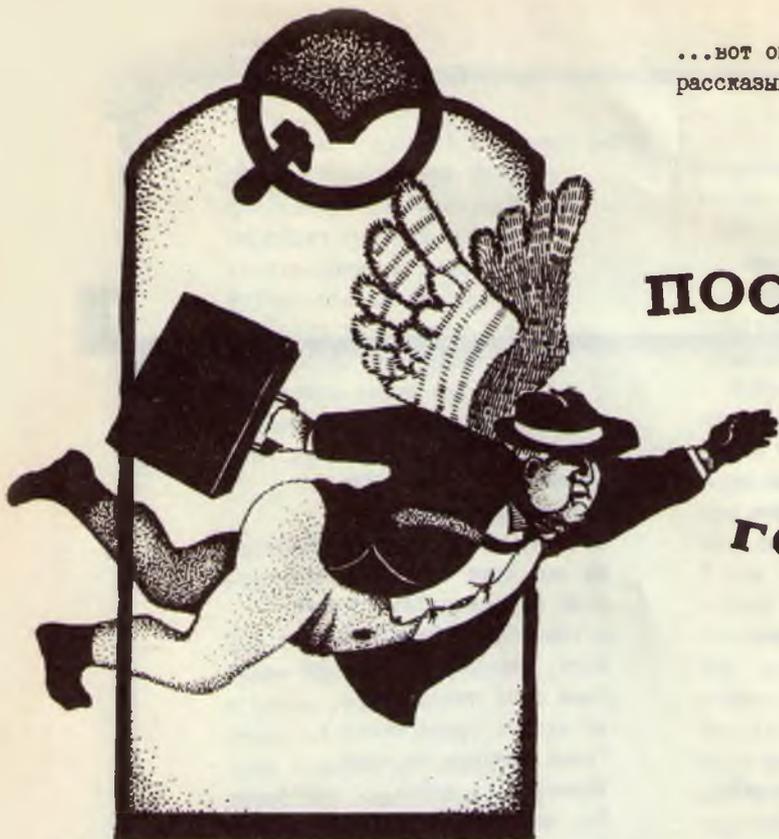


**К ЭКСТЕРЬЕРУ №8 РУКИ ПРИЛОЖИЛИ: Р.МЕЛИХОВ\*  
И.ЕФИМОВ\*И.СМИРНОВ\*М.СМЕКАЛКИН + Ю.НЕПАХАРЕВ\*  
Г.МОЛИТВИН\* А.ТАТИЩЕВ\*ЕГОР\***



...вот он и уложит их, а потом уже начинает рассказывать сказки.

Г.-Х.Андерсен ОЛЕ-ЛУКОЙЕ



## ПОСВЯЩАЕТСЯ очередным ГОДОВЩИНАМ

**З**натокам доверюсь тонким,  
сам же я не знаю толком -  
сказка это или факт...  
В общем дело было так:  
девка клитор потеряла...  
Ворошила одеяло  
и подушку с простыней -  
нет его!  
Тому виной  
был, возможно, гороскоп.  
Так пошла она в оскоп,  
будто евнух при гареме -  
только пол другой и время:  
перестройка шла уже...  
А у девки неглиже  
без существенной детали,  
от которой улетали  
в космос, что ни говори,  
кой-чего секретари.

Клитор еле извлекли,  
девку чуть не упекли  
в край таежный за террор...

Спас беднягу прокурор,  
проведя на склоне лет  
следственный эксперимент...  
Он кряхтел, пыхтел, потел -  
девку выручить хотел.  
И поднял мундира честь  
тем, что выручил раз шесть  
или семь - не наше дело...  
Девка чуть не обалдела,  
но свободу обрела.  
А потом...

поцли дела!

Как сорока в детской байке,  
тем, кто холост, тем, кто в браке,  
всем на радостях дала...



Может, в спешке содрала  
или в страсти скovyрнула...  
С той поры дня три минуло,  
и по-прежнему - хоть вой! -  
ищет девка клитор свой.

...Побежала в стол находок.  
Там какой-то ипохондрик  
говорит, мол, нет пока,  
чтоб не больше пятака,  
да с налипшим волоском.  
Может - где на дне морском?  
Может - выбросит пучина?..  
А в глазах - тоска-кручина  
ото всех людских потерь...  
Девка бросилась за дверь,  
чтоб, забравшись на карниз,  
порешить свой организм  
и утешиться в беде...  
Да не видано ж нигде:  
из-за краешка телес  
кончить к жизни интерес!  
Но найдёт, бывает блажь,-  
и зонтов забытых страж,  
сей предвидя оборот,  
девке вслед совет даёт:  
- Нынче гласность - не застой -  
нам дарована Москвой,  
чтобы мог герой труда  
обратиться хоть куда,  
а тем паче - инвалид,-  
прямо так и говорит,-  
Вот что, девка, не ленись  
и спешь не на карниз,  
а неси статью в журнал...  
И успехов пожелал.

...Но в редакции главред  
уверяет:

-Места нет

втиснуть даже полслова -  
пишем только про Отца  
Всех Народов, а у вас  
личный, так сказать, нюанс.  
Мы вам дали б целый номер,  
если б только был виновен  
в этом Гений Всех Времени,-  
жаль, конечно, что не он...  
Ваша тема интересна,  
но займет чужое место -  
Гений клитора не крал.  
Извините... мчусь... аврал...  
Вы, как было испокон,  
обратитесь в Исполком,  
там с народом крепнет связь...

...Девка мухой понеслась.  
Но совсем как было встарь,  
встетил девуку секретарь  
и, узнав её беду,  
призывал иметь в виду,  
что сегодня, как вчера,  
здесь не ищут клитора,  
и по логике вещей  
могут выставить взащей...  
Лишь, учтя эпохи стиль,  
попытаются внести  
в дело толику свою,-  
мол, скажу и не совру,-  
секретарь склонил чело,-  
люди наши - ничего,  
но нашедший данный член  
не вернет его... Зачем?  
Приспособит как-нибудь,  
скажем, орденом на грудь!  
Но вопрос не стоит слез,  
и решается вопрос,  
если кнопку от плача  
перешить взамен... прыща  
или скотчем прилепить...

...Девка - в плач! В глазах рябит -  
два фонтана застыт взор:  
как носить такой позор?  
Перейдет границы страсть,  
кнопка может и упасть,  
тотчас обнажив подлог!?  
...Голос внутренний помог -  
так прозря последний шанс,  
оказалась через час  
в Местном Штабе Перестройки  
наша девка...

...Двери створки  
распахнули. Главный чин  
молвит девке:

- Не кричи!

И в соплях какой рожон?  
Лучше выпей-ка "боржом",  
а потом утраты вид  
опиши мне, - говорит, -  
пред народом мы в долгу -  
всем, чем надо, помогу...  
Описала девка клитор  
в духе гласности, открыто -  
указала цвет и вес,  
пробудила интерес  
и участие в себе...  
- Будет сделано к среде!!! -  
содрогнулся кабинет...  
Взяв в свидетели Портрет,  
перестройки проводник  
ставит подписей одних  
штуки три, на них - печать:  
- Приготовься получать!!!

...Слово все дают легко.  
А кто держит? Сплошь - никто...  
Но другой разряд мужчин  
представляет главный чин.  
Только девка вышла вон,

набирает телефон  
прямо в массы, прямо в цех...

...Излагает нужный текст,  
и, заканчивая речь,  
указует сделать вещь!  
Отвечает мастер в тон:  
- Извините, дело в том,  
что нельзя решать за нас:  
брать заказ, не брать заказ...  
В данном случае завод  
зря потратит целый год  
на какую-то пердню. \*  
В чем загвоздка? Объясню:  
тонкий профиль, малый вес...  
Вот реактор для АЭС,  
ЗЕМ, аэроплан  
впишем хоть в недельный план.  
Что нам слава и почет,  
если нынче хозрасчет?  
Для завода благодать -  
подороже вещь продать,  
а пердне такой цена,  
знамо дело, ни хрена.  
Так, какой же интерес  
целый год пускать под пресс?  
Время - всё-ж-таки, не брак...

...Чин звонит в валютный банк.  
Поприжав державный перст,  
излагает прежний текст,  
но для девкиных причуд  
просит долларов чуть-чуть...  
Возражают вновь ему:  
- Нам не хочется в тюрьму.  
Закупили б клитор, но  
вдруг не хватит на зерно,  
а коровы и быки  
посжирают языки  
с наших праздничных столов?  
\* Возможен вариант...





Голодуха у коров  
 поважней, чем клитор ваш!  
 За подобный саботаж,  
 как в итоге ни крути,  
 не поглядят по шерсти -  
 разберутся и поймут:  
 что навесить и кому...

Где ни спросит - всем во вред!  
 Каждый ищет аргумент...  
 - Как же сделать, чтоб к среде  
 клитор был уже в звезде? -  
 слова чин не искажал,  
 с детства так соображал:  
 всем предметам средь светил  
 точно тезку находил...

...Озаряет звездный лоб  
 мысль: не сунуться ль в КООП?  
 И - скорей звонить туда -  
 асам сдельного труда,  
 чтоб к среде, в ударный срок,  
 предъявить пропаяну смог...  
 Но в КООП сказали:

- Нет,  
 дорог нам авторитет.  
 Чтобы сделать "под фирму",  
 нужно делать по уму,  
 а в такой ударный срок  
 выйдет явный самострок -  
 где морщит, а где ползёт...  
 Девка клитор не возьмет.  
 Девке нужен первый сорт  
 ГОСТ 3500,  
 чтоб захватывало дух  
 сразу минимум у двух,  
 посягнувших на колосс...

...В третий раз всё сорвалось!  
 И взывая к небесам,  
 чин берёт напильник сам,  
 клещи - сам, и сам - пилу...  
 -Буду делать, хоть умру  
 за проклятым верстаком.  
 Слово данное - закон!  
 Только б верная жена  
 не прознала...

- Вот-те-на!!! -  
 скажет девка, - Вот мастак!!! -  
 и возьмет, да не за так,  
 а пройдет с девкой он  
 на ближайший полигон  
 испытать плоды трудов...  
 Размечтавшись про любовь,  
 быстро девкин меценат  
 позабыл, что он женат.

Но сопит в объятьях снов  
верный спутник всех чинов -  
притупили годы нух...  
...А напильник: "ух...ух...ух...",  
клещи жмут, пила поёт,  
чин уже сверхплан даёт,  
и отменных колеров  
сделал десять клиторов!  
Знать недаром этот чин  
это званье получил -  
Перестройки Главный Штаб  
подбирать умеет штат!

...Утром в среду в кабинет  
чин пришел, а девка нет.  
Минул час... Другой бежит -  
весь комплект в столе лежит.  
Вот уже трамвай замолк -  
чин всё ждёт...

Звонит звонок.  
Поднимает трубку он -  
девкин голос:

- Миль пардон!  
Просьбе я даю отбой -  
клитор вырос сам собой...  
Утром встала - шасть рукой,  
а там, знаете, какой!!!  
Лучше прежнего раз в сто...  
Ей в ответ - протяжный стон...  
следом - клёкот горловой.  
В час полночный роковой  
чин утратил речи дар...  
до утра!

Такой удар  
пережить не всем дано...

Было это не давно,  
а едва ли не вчера:

девка... чин... и клитора...  
Сказка - ложь. Но как везде,  
друг познался лишь в беде.  
И не будет мнений двух:  
чья беда? и кто есть друг?,  
кроме мненья дурака...

Не прощайся я - пока  
не вписал строки одной...

**СЛАВА  
ПАРТИИ  
родной!**





С горестными предчувствиями ехал я встречать Новгородцева в Шереметьево-2. Выйдет иностранец, милостиво кивнёт почитателям, и только его этот НОРИС и видел. Сядет в тачку и отправится с Лигульским, Липницким и К<sup>0</sup> по валютным местам отдыха.

"Ты приедешь в Опалиху, в наш лагерь?"—спрашивали командоры НОРИСА Андрей Кочевин и Игорь Гаращенко,—"Там и Сева должен быть к вечеру."

"Ха-ха"—думал я про себя,—"Идите. Так он и потащился на ночь глядя куда-то в леса, к чёрту на кулички."

Но в дураках оказался я сам.

Сева не только приехал в палаточный лагерь но и до самого конца "пребывания" в СССР ни разу ни в чём не обманул и не подвёл своих друзей.

А перед отлётом вообще каким-то непостижимым образом исхитрился провести всю бригаду, пришедшую его проводить, в "буфет, для людей закрытый." Мы пили кофе, Сева с Каринной —свой английский чай, и юбиляр рассказывал напоследок, чем настоящие буржуа, обладатели "старых денег", отличаются от наших фарцовщиков из "СП". И ещё многое другое.

Может быть, то, о чём я пишу, это для Англии просто норма — "элементарная", так сказать, "порядочность." И не стоило бы об этом писать.

Но у нас-то норма другая: что для музыкантов публика —это "урла", а депутатам уже на следующий день после избрания трагически не хватает времени на тех, кому они вчера ещё клялись в верности (на поездки за границу за их счёт времени хватает).

Поэтому для меня чисто человеческий момент в поведении Севы значил гораздо больше, чем весь его несомненный профессионализм, талант, etc.

Как западный человек, он прагматист, он за то, чтобы всё имело право на существование. Но своё такое же несомненное право выбора он реализует в передаче, где он сам хозяин и как хозяин поддерживает вполне определённый культурный уровень. И вот оказывается, что у этой умной, интеллигентной передачи поклонников в СССР уж во всяком случае не меньше, чем у "Зв. дорожки" и "Программы А-а" вместе взятых. Вдумайтесь: почти 4 сотни человек приехали в Москву со всех концов страны, некоторым ехать было дальше, чем из Лондона — только для того, чтобы поздравить Всеволода Борисовича с днём рождения.

Значит народ у нас, оказывается, разный.

ИИ имля Новгородцев вернулся в Альбюн. Реальность заключается в том, что сегодня профессионально заниматься своим делом — просвещением России — он может только из Лондона. В Отечестве места для этого по-прежнему нет.

В рубке речного крейсера "НОРИС", следующе-  
го по маршруту "Площадь Ногина - Коломенское".



над крейсером, пугая набережные, развевается  
рядом с его родным флагом, ещё и чёрный с че-  
репом и с надписью "МЕТАЛ"

Вопросы учеников и членов команды поров не-  
сколько изменяют курс севиного монолога.

Если бы я приехал в ноябре, то 18 ноября  
исполнилось бы ровно 15 лет, как я не был в  
Союзе.

Москва расстроилась по новому проекту. Есте-  
ственно, это железобетон. Английский опыт уже  
показал, что эти застройки социалистического  
типа - они странным образом влияют на новое  
поколение, на его психологию. Этот наш англи-  
ский социалистический опыт - весь целиком и  
полностью отрицательный. Сейчас в Англии  
застройку "для трудящихся" (говоря нашим язы-  
ком) взрывают, потому что там никто не хочет  
жить, там развивается бандитизм, городская  
всякая сумятица нехорошая... Я верю в метафи-  
зическое взаимоотношение человека и искусства  
человека и его окружения. И к сожалению, дол-  
жен сказать, что в этих кварталах следующее  
поколение вырастает не теми людьми.

Расстроенная Москва тяжёлое впечатление про  
изводит.

- Английский социализм - это лейбористы?

Да, английский социализм - это лейбористы,  
это составная часть нашей сегодняшней англис-  
кой жизни.

- А люди в России?

Люди изменились в две стороны. Во-первых,  
деградация национального характера - процесс,  
который не приостановился за 15 лет. То есть,  
люди стали злее, агрессивнее. Но за последние  
5 лет, конечно, они стали и более открытыми.  
Так что всё, что есть внутри людей, выплёски-  
вается наружу в большей степени и становится  
заметнее.

- НОРИС?

Мы говорим на одном языке. Это можно срав-  
нить с семейной беседой.

- Советский рок? Катастрофическая ситуация?..

Рок - что видит, о том поёт. Рок отдельно ви-  
нить нельзя: всё идёт, как идёт. Кроме того,  
рок встаёт на свои ноги - и поэзия, литерату-  
ра, все виды искусства. Какая ещё страна мог-  
ла собрать вечер поэзии на 100 000 человек?  
Не было такого нигде, нет, и никогда уже не  
станет, - но это был не совсем вечер поэзии.  
Воспринимался он как политический митинг, дру-  
г друга локтями толкали и подмигивали: "ну, ты  
понимаешь, что здесь творится?" Наконец, с от-  
крытием политической жизни поэзия встаёт на  
свои ноги. Она уже считается "изящной словоес-  
ностью", как 10 тысяч лет тому назад. В обще-  
стве всё встаёт на места. И вода принимает фо-  
рму стакана. То же самое и с роком. Рок при-  
влекал внимание не своими достоинствами, вер-  
нее - не только своими достоинствами. Теперь  
когда он встал на свои ноги, естественно, маят-  
ник качнулся в другую сторону. Но маятник  
не может долго удержаться в этом положении -  
он стремится к центру.

- Наши за рубежом?

- Помните, у Ильфа и Петрова: "Запад нам по-  
может!" Они, конечно, издевались в своё время,  
но к сожалению, категорические заявления о ка-  
ком-то "Западе" до сих пор гуляют. Какой "За-  
пад"? Юго-Запад? Северо-Запад? Мы же говорим  
о колоссальном множестве стран, каждая из них  
со своей национальной культурой, укладом. И  
совершенно разными системами оценок. Например,  
Италия - страна совершенно эстрадная, как и  
Франция. Там наш рок может казаться чем-то  
заотерическим и крутым. Приедете вы в Англию -  
на это никто и бровью не поведёт, потому что  
они всё это видели-перевидели. И т.д. Ни о ка-  
ком "Западе" нельзя говорить. Это происходит  
от нашего полного незнания заграничной жизни.  
То есть: для нас был "кордон" и было "закордо-  
нье". А сейчас, когда люди начали ездить, на-  
чали и разбираться. Да поговорите с любой гру-  
ппой, побывавшей в разных странах - она вам  
даст дифференцированную информацию. В Германии  
прошли, во Франции прошли, в Англии не прошли  
и т.д.

- Идеализируете. Будет картина в свою пользу.

- Ну, всякому артисту, конечно, лестно, когда ему хлопают. Они всю жизнь воспринимают через аплодисменты. Всякий артист в каком-то смысле шизофреник, как и всякий серьёзный писатель. Нормальный человек так просто на сцену не полезет. Нормальный, здоровый и сбалансированный человек должен жить и радоваться жизни - теоретически он не должен ни писать, ни рисовать, ни играть...

- Ни политикой заниматься.

- Да, просто должен жить и жизни радоваться. Если он куда-то лезет, значит, у него есть какие-то лёгкие отклонения.

- И всё-таки: был у наших в Англии успех?

- Ну, какой успех? Ну, хлопали, вызывали на "бис". АВИА вызывали на "бис". Успех определяется тем, пригласили ли ещё раз.

- Пригласили?

- АВИА едет в Шотландию второй раз, и вроде бы их приглашают ещё, в третий раз. Так что у них в этом плане какой-то успех есть.

- Это мода: "перестройка-Горбачёв" или действительно восприятие искусства?

- На такой уровень, если кто и начинает выходить - но не вышел. Единственный пример, который я пока приводил - АВИА - и то они не на Англию замкнулись, а на Шотландию. Но приезжают в третий раз - это уже реально.

- Не совсем тактичный вопрос: были ли "источники вдохновения" при создании передачи?

- Если говорить о влиянии, то может быть, наберу процентов на 15, не больше. В частности, был такой человек, он сейчас у нас на телевидении работает - Терри Логан. Он был диск-жокеем для старшего поколения... более литературный. У него был ряд приёмов, которые я, кстати, не перенял - но дух этих приёмов впитался в меня. Я его часто по утрам слушал, просыпаясь.

Он, например, не боялся делать паузы в эфире до 30-40 секунд. Это у него был такой артистический метод подчёркивания: он как бы в замешательстве. Мне трудно это объяснить. Но он очень остроумный мужик - ирландец, литературный, как все ирландцы. У них страна, которая производит Джеймсов Джойсов разных калибров беспрестанно. У них мышление другое, у ирландцев. Многие их считают глупыми, и над ними

смеются, как над чукчами. Английский эквивалент анекдота о чукче - это анекдот об ирландце. Типа: ирландца, предположим, уволили - он на буровой вышке работал - за то, что он булкой кормил вертолёт. Его считают идиотом, а на самом деле он, может быть, просто человек высокой поэтичности, а это на буровой вышке никому в голову не пришло.

У них мозги немного набекрень с нашей точки зрения. Но это не значит, что они не правы, а мы правы. Они странные люди - отсюда ирландский терроризм. Их нашей логикой не прошибёшь. Для нас - терроризм, а для них это - свобода. Они там лошадей взрывают... беззащитных людей солдат, которые учатся играть на тромбоне... Им всё нипочём.

Ещё я привёз фольклор - я же 10 лет на гастроли ездил. А что делает гастрольный артист в автобусе? Надо же заниматься травлей, рассказами, развлекать друг друга, иначе просто помрёшь. Вот это я привёз с собой. И я всё-таки читал довольно много. Последние 7 лет в России я читал только по-английски.

И самая главная побудительная причина - что мне стало скучно. Потому что чем отличается музыкант или артист, выступающий на сцене, от критика? Музыкант и артист должны чувствовать свою аудиторию. Они должны так строить выступление, чтобы аудитория не заснула и не ушла. Ощущение аудитории у меня со времён работы на сцене осталось. Одной из причин ухода из джаз-оркестра было как раз то, что я видел как аудитория нас принимает, очень плохо. И мне было просто стыдно в зал смотреть. Первые ряды ножкой притаптывали в такт, а остальные сидят с совершенно стеклянными глазами. Мне было настолько неудобно в течение нескольких месяцев, что это стало одной из причин, почему я ушёл. И вот этот стыд - быть непонятым аудиторией - во мне очень так сильно сидел. Поэтому развлекательный момент, который у меня поначалу пережлётсявал, происходил именно отсюда. Мне страшно было, что кому-то станет скучно. Это раз.

Во-вторых, что такое критик, вещающий сверху вниз на аудиторию? Это идёт по русскому принципу:

Ебёна мать для русского народа -

Как соль для щей,

Как волк для огорода.

Ебёна мать имеет разное значение.

Вот, например, к себе почтение:

Вот Я, ебёна мать!

И например, к другим презрение:

Эй ты, ебёна мать!

Так вот, критик выступает с позиции: "вот Я, ебёна мать!" Я вот знаю, я вот вам вещаю. Это

происходит от нашей культуры около- или псевдо-научности. Опять сошлюсь на анекдот, где девочка спрашивает, кто такой Карл Маркс, и ей говорят: "это был великий экономист". Она говорит:

- Как наша тётя Роза?

Ей говорят: "Что ты, наша тётя Роза - старший экономист." Вот эта жажда чинов, званий, важность - это в принципе корнями уходит в неграмотных родителей, или дедушек. Это желание через учёность, образованность свою показать, что я что-то значу. Кроме того, система наших научных степеней, когда "учёным можешь и не быть, а кандидатом быть обязан", привела к тому, что написаны тысячи диссертаций ни о чём. Эта "образованщина", наукообразность - она заполонила всё. Поэтому и критик может быть только тот человек, который кончил "критический факультет", который всю эту магию слов, все эти штампы выучил и сигнальным языком всем говорит: "Слушайте меня! Я знаю слова! Я критик." И здесь был абсолютный культурный тупик. Из него нужно было как-то выбираться. Я-то всю эту академическую и научную сферу глубоко презирал внутренне, и надеялся досмеяться. Но в одиночку-то не погрёшь же - их вся страна! В их руках все газеты, радио, ТВ. Но я понимал: это их сила, и это же их слабость.

Ну что можно было в 77-м году? Выстраивать какие-то теории завоевания мира? Я просто тихонько сидел у микрофона и своим людям что-то говорил, что, может быть, им на кухне понравится. Вот и всё. А что уж из этого вышло - это мы сегодня вы свидетели.



(Звучат разные высокие оценки Савиной передачи, в том числе: "все, кто в Союзе в этой области работает - в лучшем случае ученики Новгородцева, в худшем - ученики Уданова, притворяющиеся рок-критиками...")

- Но это ведь не моя заслуга. Меня перст Божий привёл. Моё попадание - это стечение такого количества случайностей, какое теория вероятностей не объясняет. Выстраивается цепь событий - чистая мистика. Не я на Би Би Си попал, а как бы меня работа выбрала. История длинная, когда-нибудь я её расскажу. Меня нашли совершенно случайно. Алексей Леонидов из Лондона пришёл в нашу квартиру мать свою разыскивать. Почему-то приехал в Рим, из Рима в Остию, из Остии в наш район. В нашем районе она нашёл нашу квартиру. Почему так - я до сих пор понять не могу. И он меня начал сманивать. Не на эту роль - просто работать. Им нужны были люди со знанием языка, которые могли бы переводить и вещать. Я ведь на Би Би Си пришёл просто как рабочий ослик. Сдал экзамены по переводу, по голосу. На Би Би Си же не берут вести такую-то программу или такую-то. Я прошёл все стадии. Собеседования... И первые месяцы четыре ни о каких передачах и речи не шло. Это уже потом, узнав, что я работал музыкантом, мне дали пол-программы Сэма Джонса: неделю вёл он, неделю я. Потом он уехал в Америку. Поначалу зарождалось всё очень скромно. Я первые годы занимался чисто партизанской деяте-



льностью - с постной миной шёл в студию, записывал там свои эти выпады всякие - и тихонько, скромненько, как набедокуривший школьник, ленту клал на полку. Её передавали, и никому дела не было до этой музыкальной передачи. Народу мало, работы много, прослушивать всё это было некогда,

Прошло полтора года, стали поступать письма.

*- Неужели доходили?!*

- Да -одно из сотни, через третьи страны. Мною заинтересовались, стали смотреть мои сценарии и ужаснулись. И к 1980 году относятся трения мои с начальством. Трения, скажем, чисто эстетического плана, потому что моя редакторша - дама из средней буржуазии, *upper middle class*, живёт в загородном поместье, у неё конюшня своя и конь в серых яблоках. Мы говорили, что если она в плохом настроении, значит, конь сегодня не покакал с утра. Это была жестокая шутка. Может, несправедливая. Но что-то в этом было. Она была дама одинокая, замуж так и не вышла. Из очень хорошей английской семьи. У неё фамилия была с чёрточкой - с дефисом: типа Щепкина-Куперник, Карнович-Валуа. А в Англии это уже признак породы. И конечно, ей было уже за 50, и хоть она русский знала прекрасно, но как она могла, дама почти аристократического происхождения, живущая в своём поместье, понять проблемы, ну, скажем, русского полурбочего молодого человека, раздавленного, забитого со всех сторон, оболганного и загнанного вообще на уровень половой доски. Конечно, нет. А я свою аудиторию более-менее чувствовал, но ей этого было не объяснить. Поэтому у нас возникли стилистические разногласия. Так продолжалось около года. Резали немного, но резали. Почему я расстраивался? Чтобы выбить хорошие 1,5-2 минуты выступления, нужно 8 часов работать, так сурово работать, потому что нужно придумать что-то концептуальное, а это самое трудное.



*- Передача делается долго?*

- Довольно долго. Не по деньгам долго. Передачу, в принципе; надо за полдня записать -а и над ней сижу два дня. И так до сих пор, уже 12 лет спустя, я спуску себе не даю. Бывает, время отнимают какие-то дела, остаётся - полтора дня или день. Ну тогда я несчастный человек. Потому что на чистом адреналине...Хотя я писать могу быстро, могу сесть, наговорить, но не в этом же смысл. Надо, чтобы каждая передача хотя бы на миллиметр шла дальше предыдущей. Но этот механизм, как оказалось спустя 12 лет, хорош тем, что он стимулирует собственный рост. Есть люди, с которыми мы начинали вместе, и которые шли по пути меньшего сопротивления - и там роста меньше. Себе потакаешь, гладишь по шёрстке, и стимула нет.

У меня на столе лежит 400 нечитанных писем. Сердце болит. Читать, отвечать... Каждую минуту я трачу на общение. Общение стало работой.

*(Предлагается: не открыть ли в Москве, где есть музыкальный центр Стаса Намина, Центр Севы Новгородцева).*

- Звучит громко. Я подхожу чисто по-английски, прагматично. Будет дело - будем делать. А просто так заниматься созданием сказок, и мифов ни к чему. Мы уже и так от сказочного сознания страдаем. Вся страна на сказочном сознании выражена.

- Есть ли в Англии такие, кто открывает рот под фонограмму (а потом из-за этой фонограммы ещё между собой дерутся)?

- Все, что у нас есть - всё и там есть. Этой эстраде там столько же лет, если не больше. Только наша беда в том, что мы до сих пор страдаем некой однопартийностью мышления. Всё время у нас одна пара рельс, и по ней мчит один паровоз. Надо мыслить так: как на станции - рельс порядка 150, и поезда снуют туда-сюда. Всё должно быть. Сейчас обрушились на этот "Ласковый май". Ну выключите вы телевизор, Господи, переключите на то, что вам интересно. Видимо, не на что переключить. Из-за этого заикленность на одном и том же явлении

- Вы здесь смотрели коммерческий канал?

- Нет, не смотрел.

(Севу пытаются убедить, что "переключиться" не на что).

- К сожалению, я должен сказать, что демократия имеет свои издержки. И одна из них - это снижение качества, особенно в искусстве - потому что все восхищаться высоким не могут. Есть высокое, среднее, низкое и очень низкое. И, к сожалению, первый результат демократии - это снижение в сторону общего знаменателя. Потом начнётся образование народа, медленный подъём - общий подъём.

Помните, в 50-е годы была песня "Мишка, Мишка, где твоя улыбка?" Это был страшный хит, и народ его весь дико обожал. Но по радио играть было нельзя. Почему? Критики говорили, что это банально. Но какое право имеет критик говорить на всю Москву: это банально. Это было время диктата. Если б сегодня этот "Мишка, Мишка..!" был написан, он бы заполнил весь эфир.

Каждый должен слушать то, что ему нравится. А я делаю программу не то, чтобы под себя, а под людей, которые её как бы слушают. Я по сравнению со своими вкусами передачу занижаю. Под себя я бы делал, может, совсем не то. Но у меня функция общественная, я - слуга народа, я что-то несу из одной страны в другую.

(Высокие оценки передачи Новгородцева, уровень которой и так совсем не низкий...)

- Как по-христиански относиться к тем, кто 5 лет назад писал статьи про "Левенштейна, именуемого себя Севой Новгородцевым" и пр. (См. "Экран и сцена", 1990, № 26, "Пасьянс")

Букву даже не ту ставили. "Левенштейн" - это от слов "львиный камень", два "е" в фамилии, а они писали "Левин", как будто от "левита". У нас предки пришли через Восточную Пруссию. По отцу фамилия живёт в России 100-110 лет. Мы говорили о христианском прощении. Можно обмануть, можно украсть - и даже, может быть, никто не заметит, и не узнает. Но в тот момент, когда ты это делаешь, ты наносишь сам себе непоправимый вред, потому что рубцы на душе, как бы незаметные, остаются. Есть закон тяготения, который можно определить, уронив предмет - он сразу брякнется на пол. Или поскользнёшься и расшибёшь себе нос. Точно так же в невидимой духовной сфере есть совершенно







(Сеу уверяют, что никакой его вины в ссылке художников из группы МУХОМОР в 84 г. нет)

- Кто сделал концептуальное открытие в своё время - так это они. Качественный скачок.

"Молодой солдат стройбата..."

До сих пор помню!

"Сапогом прошёл по яйцам..."

Это было художественное осмысление жизни и игра с языком. Жаль, что лента у меня скверного качества - я бы с удовольствием её переписал.

- А делалось все между стаканами портвейна.

- Как и всё лучшее - всё начинается с шутки. Потому что в юморе есть своя непонятная энергия, и юмор пробивает напрямую.

- Может, ещё что-нибудь новое появится...

- Но появление нового мерками старого никогда не измеряется, поэтому о будущем мы никогда ничего не можем знать. Будущее непредсказуемо совершенно, рождаются качественно новые категории. Куда выплеснет всё это дело? Сейчас начинается новый период, скорее горизонтальный, нежели вертикальный: когда участвует большое количество людей, происходит "растекание" на большой поверхности, массовые процессы.

- Вы намеренно не сделали из своего приезда официального шоу?

- С моей-то самоиронией... Я самого себя совершенно не уважаю. И если есть какая-то жизненная сила, то она только в этом: по-английски говорят - "нельзя верить собственной рекламе". Обо мне могут писать всё, что угодно, но если я сам действительно поверил, что да, я такой, ну и всё - конец всему. До тех пор, пока себя не принимаешь в том виде, как о тебе говорят, ты можешь оставаться самим собой, самостоятельной личностью. Этим я благодарен эмиграции. Для аудитории я могу оставаться стилистически чистым, незапятнанным.

Мистическая фиговина получается: одни и те же слова, опубликованные на Западе, звучат так, опубликованные в советской газете - иначе

Я этого всегда старался избежать. Основной лозунг у меня - это та фраза, которую Синявский сказал в 65 году на допросе. Ему следователь, полковник КГБ говорит: "Ну как же вы можете такую антисоветчину писать?" Он отвечает: "Это не я, это мои герои в книге так говорят." Ему шили за это статью, и пришли. На том же допросе Синявский выдал гениальную фразу полковнику: "Понимаете, у меня с советской властью разногласия чисто стилистические." Эта фраза остаётся для меня до сих пор ключевой. По многим пунктам мы можем начать сходитьсь, но стилистические разногласия остаются и будут оставаться ещё некоторое время.

Хотя такие статьи как в этом приложении к "Советской культуре" - "Экран и сцена" ... начинаются проблески.

(Рассказывают про несбывшуюся мечту Кормильцева наградить А.Иванова 6-конечной звездой, а премию перевести в фонд сионистов).

- Есть определённого вида юмор, который рассчитан не на первое поколение, а на следующее. Дети лет через 20 просекли бы, в чём дело. Так что ему следовало это сделать.

Всё хорошее, всё заметное начинается со скандала. И размер скандала определяет размер самого события.

- Сейчас все диссиденты стали хорошими, а кто их травил, теперь цитирует Солженицына...

- К сожалению, я в эту мельницу тоже попадаю. В "Комсомольской правде" выходит очерк. Я это сделал умышленно. Мне позвонили люди из Бристоля, с телевидения. Оказалось, что новый корреспондент "Комсомольской правды" через своих знакомых вышел на ТВ Би Би Си в Бристоль - мне передали (мой телефон засекречен). Я ему позвонил, мы встретились. Он предложил сделать интервью - я после этого исчез на 3 месяца с намерением не делать ничего. Сами понимаете, "Комсомольская правда" относится к числу терминологических противоречий. К той же категории я отношу выражения "воровская честь" или "карело-финская полька". То есть первая часть исключает вторую. Но поехал в Киев на выставку и выяснилось, что на Украине местные партийные власти блокируют печатание "Комс. правды". Акции её начали повышаться. Вторая причина - клуб наш, НОРИС. Его пинают и бьют из-за того, что у меня образ непримирим-

мого. Я в принципе непримиримый в какой-то степени. Но когда меняется ситуация — ломать хватит, надо начинать строить. Клуб наш — маленький кирпичик. Поэтому я решил всё-таки встретиться с этим комсомольцем, тем более, что он мне в частной беседе признался, что он как ответственный секретарь в своё время получал от комитета распечатки моих передач и всё думал: как бы его уесть? В каком-то смысле это на него повлияло: человек в течение многих лет карандашиком по моим строкам водил. Он уже знал, о чём говорить, и задавал грамотные вопросы. Мы с ним в течение 2 дней разговаривали

и он накатал очерк. Разговор вёлся без магнитофона, поэтому цитаты все переиначены, но он мне читал по телефону материал, и я дал согласие. Почему? У "Комсомольской правды" свой читатель, он отнашего дела отстранён. И вот говорят о всяких новых веяниях в жизни, о голодании, христианстве, работе на Би Би Си и пятое-десятое. Выходит очерк в принципе хвалебного толка. Об этом мечтали многие.

(См. "К П" от 11.07.90)

### Сева Новгородцев Лондон Би-Би-Си

Братцы! Закончились шесть дней нашего пребывания в Союзе, поездки в Москву и Ленинград, концертов, встреч с норисменами. Шесть дней были для нас радостными, но и тяжёлыми. Спать приходилось мало, на еду иногда времени не оставалось. Сейчас, по окончании шести дней, мы собираемся лететь в свой Лондон.

Что хочется сказать тем, кому на съезде побывать не удалось? Те, кто приехал, может быть вам расскажут, какая была обстановка — я этим заниматься не буду.

Впечатлений у меня много. Их за две минуты не расскажешь. Но встреча в лесу с норисменами была, конечно, памятной.

Карина Арчибальдовна, вспомни, как мы в потемках шли к костру, потом на следующий день ездили с норисменами на пароходе по реке.

Если бы удалось приехать всем, не знаю, как бы нам совладать со всей этой обстановкой, потому что те человек 250-300, которые приехали, не были обделены вниманием. Нам всё-таки удалось со всеми поговорить, но я с трудом себе представляю, что было бы, если бы приехало в два раза больше. Два парохода, или уже целую флотилию бы выстроили по реке. Поэтому не огорчайтесь те, кто не попал, потому что протолкнуться было бы невозможно.

— Вы зря оправдываетесь. Комсомольская правда" действительно изменилась в последнее время (рассказывает об интервью с ген. Калугиным статье Нуйкина, о борьбе за освобождение А.Новикова).



— Что хочется пожелать на будущее? Обращение мое к I-му съезду, смысл которого сводился к осознанию собственного достоинства и пониманию, что вы являетесь, в принципе, будущим, завтрашним, и хозяевами страны, и людьми, на которых все будет строиться, остается в силе. Я увидел, что сегодняшние люди отличаются от людей 15-летней давности. Они более умственно свободны, но физически еще не свободны вообще. Потому что жизнь, конечно, давит, как и раньше, но надежды не оставляйте, братцы, потому что зерна нового уже видны. И хоть не сразу, но они прорастут. И вот одним из таких зерен и является ваша свободная организация, не причастная пока ни к кому. Если даже она и будет официальной, то все равно она останется по сути своей независимой.

Так что, братцы, продолжайте переписываться друг с другом, дружить, потому что кроме вот этого человеческого общения друг с другом у нас в жизни не так уж и много есть радости. На этой основе человеческой ткани, которая у нас начала формироваться кирпичик за кирпичиком, так жизнь и будет строиться. Это старье, может быть, штампы о дружбе, на которой будет строиться жизнь, но этого хочется пожелать.

— Пьем чай английский, из травы.

— Карина Арчибальдовна добавила: "Я хотела бы поблагодарить норисменов и норисменок, самое главное, за все. Мне было так радостно, что вы так любите Севу, как и я люблю Севу. Большое спасибо за все."

Братцы, помогай вам Бог!

УР ЛАЙТ начинает публикацию фрагментов из воспоминаний активного участника молодёжного клуба "Антарес" /70-е гг./ . Воспоминания составлялись непосредственно по следам событий и без всякого расчёта на публикацию поэтому многочисленные лица и явления подполья в них предстают в несколько...хм...ином свете, чем в лакированных публикациях нашей "молодёжной" прессы. Имена иногда заменены кличками или псевдонимами - в сюжетах криминальных и интимных. Мы выбрали три отрывка: о московских хиппи, о коммунарах, о дебюте группы МУХОМОР.





(история начинается с того, что двое бойцов Антареса, основательно потрепанные в драке, выбираются из леса...)

...Однако плащ мне разорвали снизу доверху, рука была разбита и соответственно вся в крови, а волосы даже от лёгкого поглаживания выпадали пучками, как при облучении.

Мы выбрались на одну из аллей на территории больницы и под фонарём изучали повреждения друг друга —Феликс смотрелся не лучше, как вдруг заметили приближающуюся женскую фигурку. Массируя разбитую губу, Феликс направился к ней, чтобы попросить сигаретку. Покурить то мы так и не успели. И хотя знакомство в II часов на аллее возле леса могло бы насторожить даже мастера по боксу, девушка не испугалась. И сигареты у неё нашлись, и ко мне они подошли уже друзьями.

Польская короткая модная куртка —голубого цвета с воротником, фирменные джинсы, стройная подростковая фигурка, чёрные волосы —похожа на болгарку.

— Да...—в свою очередь оценила она меня,— Хипуем.

Или нет, вру, так по-свойски она тогда ещё не разговаривала, а производила впечатление очень приличной девочки. Так уж получилось, что она задержалась в больнице. А вообще то она студентка 2-го меда, 3 курс, зовут Инна.

И какие же мы стали джентльмены: да что вы, да как вы поедете в такую ночь в такую даль, да вокруг же бандиты, скромную девушку могут обидеть. А у нас здесь неподалёку роскошный апартамент с финской мебелью (жм...) в тишине и покое (да...) вы можете там переночевать.

— Ладно,— неожиданно согласилась она.

Мы поднялись в мою халупу, где ещё оставались винные запасы, извлекли курёнка из холодильника, сервировали стол, а Феликс с Инной ещё читали стихи Вознесенского и Евтушенко, говорили что-то за искусство...

На 2-й день она сказала мне: "Конечно, сначала я тебя обманывала, потому что думала —мы разойдёмся как в море корабли." Короче: в ме-

де она действительно училась, даже сохранила зачётку, только её выгнали ещё со 2 курса. Теперь где-то работает и надеется восстановиться. На 3-й день: Восстановиться будет трудно, потому что уже два года она не работает нигде. И вообще зовут её не Инна, и живёт она не с папой-партийным работником, а где и с кем придётся, поскольку прописана (была) под своей родной фамилией в г. Целинограде Каз.ССР, а основное место приложения её творческих сил — "центра" г. Москвы.

Итак, выясняется, что Инна —будем называть её по-прежнему этим именем, поскольку так её называли все — представляла социальную категорию т.я. "центральной урлы", выросшую из альянса хипов-старосистемников с обычными блатными. Получилось нечто забавное. Прежде всего о хиппах: не знаю, как в Питере, но в Москве они быстро потеряли высоко-идейный облик, и уже к середине 70-х вожак старой системы "Солнца" /Солнышко, по имени которого система и называлась "Солнечной"/ по прикиду и выражению лица мало чем отличался от рядового хангы. Кстати, он был большим другом Инны.

До сих пор, тусуясь по центрам, вы можете встретить ту или иную оборванную и обосранную фигуру, которая попросит у вас 20 копеек и с гордостью добавит: "А ведь я из старой системы."

Я уже касался вскользь этих кругов, когда рассказывал про Стаса и Рольфа, но те двое были изначально уголовники, а Инна, насколько я могу судить, зашла туда с "цветочной" стороны и проделала путь по УК вместе со всем букетом.

Основной штаб-квартирой им служила "Яма", она же "Ладья", пивнуха на углу Столешникова и Пушкинской, где команда Солнышка могла собираться без всякого стрёма и пропивать заработанное в других районах города, в основном центральных. Обстановка, конечно, резко отличалась от делегатского "Шалмана". Сюда заходили и приличные люди, просто освежиться пивком, и подгулявшие гости столицы, и военные, люди и при бабках, и неплохо прикинутые. Но ядро общества составляла вышеупомянутая капелла. В неё входили спившиеся интеллектуалы, чуваки с хазрами ниже пояса, направлявшиеся в сторону Вудстока, но ставшие по пути почему то профессиональными ворами, наркоманы и очень своеобразные женщины, которых, конечно, можно было назвать и проститутками, но такое простое определение не исчерпывало бы их талантов и не отвечало бы тому авторитету, который они имели в "Яме". Вопреки распространённым представлениям об униженном положении женщины в блатной среде, Инна и её ближайшая подружка по кличке "Ринга" были настоящими хозяйками дома. Такая власть моей женщины над опасными силами

"Ладьи" даже меня пугала — когда я наблюдал, что любой мужик, позволивший себе насмешку или не дай Бог грубость по отношению к ней, будет моментально окружён корешами самого зверского вида и покинет питейное заведение. Если станет возражать, хотя бы и с друзьями — покинет с ускорением. Иннины единовверцы управляли своей вотчиной не менее жестоко, чем Каддафи и Нимейри своими.

— Ах, блядь, — говорят Инна и Ринга, — Мы хотим в дабл.

А женский дабл засорился, как водится в русских селеньях. Тотчас выходят из-за столиков трое молодцов, освобождают по-быстрому мужской сортир и, впустив дам внутрь, стоят на страже столько, сколько нужно, даже не утруждая себя особыми объяснениями с возмущённой толпой любителей пива.

Здесь за столиками составлялись наполеоновские планы, обсуждалось прошлое, кто-нибудь читал рассказы или стихи, нередко замечательные — но талантливые, и здесь же хвастались, на сколько штук флэт помыли. Мусора были свои, как и во всех подобных притонах. Они здоровались с завсегдатаями за руку. А персонал "Ямы" как бы вообще составлял с урлой единую семью. Что кстати, и объясняет полную безмазовость конфликтов с этой урлой: администрация, а вслед за ней и полиция в любом случае окажутся на стороне "своей" системы, а не "чужого хулигана". Особенно мил был один официант интеллигентного вида с бородкой лет 25, всегда чисто выглаженный и похожий в своём белом халате, пока трезвый, на дореволюционного доктора. На кирявшись в дупелину, он обыкновенно отдыхал на подоконнике, а Инна драпировала его занавеской.

В отличие от пролетарского "Шалмана" здесь можно было не только махнуть припасённого винца, но и закусить как следует: рыбой, креветками, сосисками, горошком. Не как у Гиляровского, конечно — но лучше, чем солёные сушки. А фирменное блюдо составлял циклодол, средство для лечения паркинсонизма — его хавали в больших количествах, запивая пивом. В результате торчёрный персонаж вполне сходил за простого советского алкаша (по запаху), и только намётанный глаз мог выделить не-винные детали в поведении. Хотя такие новички как я не могли найти с циклол общий язык. Обнаружив её в болевой аптечке (где проходил практику), я заинтригованный рассказами Инны, решил попробовать, но съел слишком малую дозу, и вместо того, чтобы ловить кайф, просто уснул, как от снотворного. Но вообще-то я был довольно равнодушен ко всякой дурме. А Ринга — та жрала её пачками, и умудрилась ещё родить от таких же отцов пару детей, отличающихся от большинства

знакомых мне детей только тем, что слово "мама" они уже с ясельных лет произносили в жёсткой форме и в устойчивых сочетаниях.

А у Инны всё складывалось не так гладко. Не случайно впоследствии наш старший друг психиатр Константин Петрович обнаруживал у неё разные диагнозы, требующие медикаментозного лечения. Только ведь не циклолом, надо полагать. И не удивительно, что отходняк от той дряни, которую она хавала, проходил у неё поров очень круто. Однажды, приехав ко мне из "Ямы", она решила пилить себе вены, объяснив заплетавшимся языком, что "такая жизнь ей настопи..ила." (Не сомневаюсь). И пока я отнял у неё "жиллет", изрезала себя и меня так, как будто мы вышли из штыковой атаки. Пришлось вязать её полотенцами, как в дурке, что было о-очень непросто, потому что драться она умела не хуже мужика. После чего я взял с неё слово не прикасаться к цикле. Сами понимаете, сколько это слово стоило.

Зато Инна могла выпить бесконечное количество спиртного: говорят, такой феномен в природе случается, но я просто торчал, наблюдая за тем, как она пила со здоровыми мужиками наравне, и те уже не вязали лыка, а она читала стихи, веселилась, и вообще хрен бы кто сказал, что она выпила больше, чем бокал шампанского. Потом и я переставал выполнять функции наблюдателя, а она продолжала играть в свои любимые игры. Не знаю только, как всё это совмещалось с утверждениями Инны о том, что у неё-де больные почки, пиелонефрит... услышав о котором, я закричал, что пить с ней не буду, и другим за это бошки оторву. Кстати, "другие" только посмеялись бы над таким старомодным гуманизмом, Хотя в драке могли бы пойти друг за друга на смерть. Но позже в моей голове поселились серьёзные сомнения по поводу стать серьёзных недугов. Ведь Инна могла с лёгкостью навешать на уши кому угодно какую угодно сказку и имитировать любое состояние. Тот же приступ боли, например. Поров она ради развлечения проделывала такие эксперименты со мной — и я тоже верил. Не поверить было просто невозможно. Здесь, наверное, симптоматика т.н. "гипертимной психопатии" развилась в профессиональные качества. Ведь главным источником существования для Инны служили "аск" и менее безобидный "кидяк". В первом варианте основная сложность заключалась не в том, чтобы просто сшибать бабки у прохожих — 20 копеек всегда дадут — а в том, чтобы сшибать по многу, разыгрывая для этого целые представления. Настоящие мастера тонко улавливали психологию жертвы. Например, парень гуляет с девушкой — наверное, ему неудобно будет выглядеть скупым Плюшкиным. За часовую прогулку професс-

сионалы собирали по несколько червонцев. Организовывали такие эстафеты: ходили весь вечер из кабака в кабак таким образом, чтобы заработанного по дороге хватало на следующее заведение. И так до упора — а после упора гудёж продолжался на блатхате.

Партнером Инны был обыкновенно длинноволосый чувак по кличке "Лир", предпочитавший тем не менее не "Лиру", а "Московское". Он отличался литературными способностями: участвовал в известном переименовании столичного метрополитена в "Наркоткинские", "Дискоотеку имени Леннона", "Водковскую", "Филовский фак" и пр. (Фил — один из первых хиппи) Непереименованным осталось только "Динамо". Лир сочинил ещё поэму об интернациональной свадьбе в Национале с рефреном "Нелегко теперь таджичке выйти замуж на Руси", поэма сделала бы честь и Звездчётову, и Свену, и Лимонову, её разучивала наизусть половина "центров". Как настоящий русский поэт, Лир утверждал, что доживёт максимум до возраста Иисуса — а стукнуло ему четвертак — и с помощью циклы и прочей дряни двигался к цели с опережением графика.

Порой за "аскающей" парой двигалось прикрытие из тех, кто хуже владел языком, но куда лучше — руками, ногами и приёмами самбо.

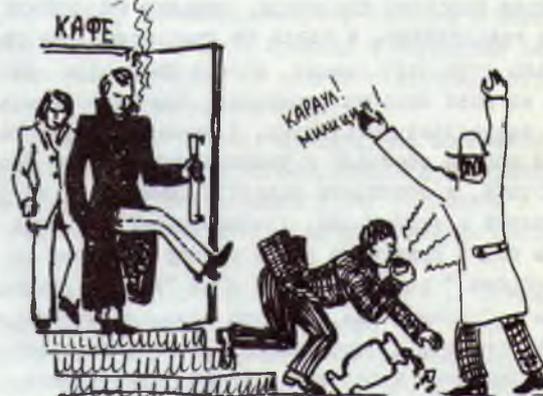
Другое занятие Инны и К<sup>0</sup> — кидняк, т.е. мошенничество, тоже требовали театральных способностей. Например, обещаешь товар, берёшь бабки и скипаешь. Или вместо обещанного впариваешь какое-нибудь говно: скажем, одну штанину от джинсов, запечатанную в пакете.

Даже близкому человеку трудно было просечь, что в Инне — правда, что — аггравация (преувеличение имеющихся симптомов — мед.) а что, по русски говоря, полный п..дёж. Зато любо-дорого было посмотреть, как она входит в доверие к самым разным людям и за считанные минуты становится лучшей подружкой. Когда я познакомил её с антаресовцами, она вошла в наш круг так, как будто бы училась со Звездчётовым с I класса. Но это, скажете вы, естественно — что может быть роднее лимпену, чем его лимпенская организация. Разумеется. Но что заставляло Ричарда (директора Форпоста культуры при МГПИ им. Ленина, в чьём помещении размещался антарес — Урл.) утверждать, вплоть до самого последнего дня нашего сотрудничества, что Инна — единственный в Антаресе интеллигентный человек? А возникла эта любовь всего за один день, когда она была совершенно бухая; и по дороге в тачке рассказывала такие анекдоты и случаи из жизни, что шофёр покраснел. А на подступах к Форпосту я ей сказал: "Будь умницей, ради Христа" и дал жвачку, чтобы вином не пахло. Она только засмеялась. А потом поговорила с Ричардом о проблемах педагогики так, что впе-

чатлений хватило на полгода.

Ещё удивительнее то, что за весь наш роман она меня ни в чём серьёзно не продинамила. Был, правда, случай сомнительного характера: она обещала Феликсу достать фирменные сигареты в "Интуристе", получила 40 рублей и потом начала фаить мозги, в результате чего мне пришлось самому расплачиваться за эту сделку. Но, во-1-х, это финансовая мелочь на фоне её обычных дел (не для нас с Феликсом, конечно же), во-2-х, вполне возможно, что она искренне раскаивалась в происшедшем и какие-то серьёзные причины мешали ей посетить "Интурист". Ду-маю, в конце концов она где-нибудь надбала бы проклятые сигареты — если бы не прозвонел звонок.

А вот что произошло со Стасом (опасный человек, познакомился с рассказчиком, когда был в бегах — Урл.)



Пронёсся слух окольный, что в конце лета он переломался, бросил ширяться, и теперь появляется в центровых кабаках в длинном кожаном пальто и вообще в таком виде, что и не просышь, какого он подданства человек. Однажды зимой мы с Феликсом зашли в "Московское", где тогда можно было относительно дешево по нашим прайсам посидеть в культуре и тепле. Выхожу покурить в фойе — и встречаю там, кого бы вы думали — Стаса. Мы распили бутылочку десертного за встречу. Он действительно помолодел, поздоровел и повеселел.

Но когда мы выходили из "Московского", какой-то клиент, коротко стриженный, приклеился к стасовой герле: "цыпочка, поди-ка сюда!" Она его оттолкнула, а ваш покорный слуга, шедший следом, слегка развернул и открыл им дверь кабака, чтобы товарищ не задерживался и скорее проходил на воздух. По дороге он ещё получил от Стаса лёгкий поджопник, но вылетев на улицу Горького, как шампанская пробка, тут же достал свисток и стал свистеть, намекая на то, что он не только жлоб и полный идиот, но ещё и имеет отношение к охране порядка. А может, это с самого начала была против Стаса какая-

то провокация. Набежали какие-то люди, началась свалка и неразбериха, как обычно у дверей кабака, где публика не очень трезвая. Появились и полюса. Но в тот самый критический момент, когда нас уже хватили за одежду и собирались "задерживать", Инна с Лиром, оказавшиеся на боевом посту, врезались в толпу с фланга, стали что-то лепить одному, другому — по принципу: "Что случилось?! — Я свидетель! — Вот он, вот он побежал!", тащили за рукава тех, кто хотел тащить нас. Образовался ком, похожий на пчелиный рой, из которого опытный Стас тут же ломанулся на свободу, увлекая за руку и меня. "Слушай, какая клёвая герла" — сказал он потом, когда мы несколько отдышались и пришли в себя. Да, кажется в Антаресе появилась атаманша.



Дебют группы МУХОМОР

Настало время объяснить причины неожиданной симпатии т. Максимилиана Равашолы-Звездочётова к форпосту культуры при МГПИ им. Ленина. Дело в том, что нашему анархисту удалось наконец собрать в своей школе-студии МХАТ и за её (отчасти) пределами небольшую, но стойкую группу юных дарований, готовых даже на 10-15 суток ради своей Музы. Они изучали доктрину некоего "концептуализма" и пробовали устраивать "хэппенинги" — как мне объяснили, модное на Западе времяпровождение молодёжи. Первый состоялся на Кузнецком мосту с участием одного Андрея Филиппова и многих прохожих, к которым Фил приставал с вопросом "Где американская манекенщица?" В дурку его не сдали, я думаю, только из уважения к атлетической комплекции. А числа 10 марта (1978 — УрЛ.) Костя привел в Форпост ещё одного здорovenного "концепт...тёфуалиста" Серёжу Мироненко. Тому, правда, спектра придавали интеллигентности. Их предложение сначала ко мне (я естественно, всегда за передовое искусство), а потом к директору Форпоста Ричарду Валентиновичу заключалось в том, что не слабо бы нам замастирить выставку молодых гениев. Ричард совсем уж было собрался послать их в анальное отверстие, как появилась Нелли Александровна. "Да что вы, — возмутилась она, — Почему вы ничего не хотите разрешать? Дик, я тогда уйду из вашего Форпоста, потому что здесь скучно."

Итак, только благодаря Н.А. 16 марта состоялось боевое крещение группы МУХОМОР. Боюсь, что сами они тогда не очень просекали, что именно хотят народу показать. Термины, которые они употребляли, не вошли даже в элитарный обиход. Скорее подходило традиционное антаресовское — "акция", как культурный заменитель понятия "хулиганский бардак."

Первыми появились Мироненко и Алексей Каменский, постарше и посерьёзнее прочих МХАТОМОРОВ, как Михайлов-Дворник в "Народной воле" или Го-

лицы в Антаресе. Они приперли палки с искусством. "Закрывайте зал, — сказал Алексис сурово. — Ты нам поможешь, а больше чтоб никого на хер не было." Так устранили на время директора и его супругу.

Папки открыты. М-да... Давешнее "Альтернативное искусство" показалось бы на этом фоне академическим соцреализмом. Лист картона с отпечатком грязного шуза. Портреты знаменитых деятелей, выданные из "Огонька" — с подрисованными рогами, носами, хвостами и прочими органами. Признаюсь, кое-что, несмотря на протест Миро, я забраковал: "в галерее у себя повесишь, а я пока, спасибо, постою." Остальное мы развесили по стенам многострадального помещения. Потом постучал Свен Гундлах. (Свен был за образцовое поведение исключён из полиграфа. В Антарес его привёл всё тот же Звездочётов. Помню, Чуня долго не мог усвоить его шведского имени и как то раз даже заступился: что это вы, мол, его так обидно называете, кореш-то он, вроде, неплохой. — Как обидно?! — Свином) Итак, Свен принёс тяжеленный чемодан. Из чемодана возникли: авиационная бомба, часть пулемёта, патронтаж, толстая богослужебная книга, по словам носильщика чемодана — купленная на "Мосфильме" за четвертной у алкаша, да ещё механическая Хреновина непонятного назначения, типа "в-жопу-попадалка советского производства" (жужжит, пердит, воняет, только в жопу не попадает). Вооружение и литературу положили на стол в качестве "экспозиции". И наконец, прибыли главные герои — Костя и Фил с "костюмами". До бабских чулок и накладных буферов, как на "Распятии" у Лёлика, дело пока не дошло — но каждый получил что-то вроде ряс из мешковины, в чем бакалейные отделы хранят крупу. Прочие элементы МУХОМОРской униформы определялись личной фантазией, но также были выдержаны в религиозных тонах. Комиссар по изо-искусству (Филиппов — УрЛ.) прицепил себе проволочный



нимб и подползаясь канатом.

— Ещё чегонибудь надо? — спросил я, радуясь в душе за Костю, который придумал такую ловкую отмазку: что бы дальше не произошло, всё можно будет списать по графе "театр", "маскарад"

etc. Не так как обычно, когда с порога начинается политика, завершающаяся грубой и неэстетичной вязаловкой.

— Толчок нужен, — отвечал Звездочётов.

— Какой толчок?

— Унитаз.

— Где ж я тебе его возьму — выломаю, что ли?

— Ломать не надо. Мы уже присмотрели один на помойке.

Делать нечего: пошли на помойку за толчком. Попереду — славный батяка Фил с нимбом, потом я — единственный нормальный человек — потом прочие стрёмные МУХОМОРЫ. Взрослые шарахались как от холерного поезда, но дети, напротив, бежали следом, приставали с вопросами, а мы им объясняли, что в Форпосте будет спектакль. Никогда за всю свою историю это мрачное педагогическое учреждение не собирало такой оравы счастливых ребятишек, как в первый и последний "концептуальный" день.

Когда мы наконец откопали из под говна свой сосуд, и Фил понёс его, прижимая к груди, как чашу Грааля, общему восторгу не было границ.

— Мы знаем, где есть ещё, — сообщил один пацан, решивший, что мы собираем сантехнику.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался Фил, — Это нам пригодится. Толчки на дороге не валяются.

Весь Форпост, кроме зала, по-прежнему затертого изнутри, тем временем заполнили посетители авангардного искусства. В том числе — человек 15 из детского дома, которых Инна доставила в организованном порядке для эстетического воспитания. Среди многолюдства совершенно затерялся Ричард, тем более, что он был занят собственными детьми, Орионом и Стеллой, приведёнными в Форпост по причине воскресенья и закрытия сада.

Наконец, триумфальные врата распахнулись и мы приобщились к святости. Первой композицию с участием унитаза углядела жена Ричарда (вторым компонентом, по слухам, был красный флаг. Впрочем, я сам произведения не видел, как и подавляющее большинство посетителей.) И она, как тигрица, метнулась вперёд, чтобы ликвидировать кривизну до того, как его осознают другие. Можно считать, она добилась своего. Во всяком случае ни в каких протоколах задранированный флаг толчок не фигурировал. МУХОМОРЫ отнеслись к покушению на свою творческую свободу вполне лояльно: они сидели кучкой в углу с отрешёнными лицами. Я предложил присаживаться всем остальным: под обычные прибаутки "мы ещё с вами насидимся" женщины расположились на стульях, а мужики, по моему примеру, на полу.

— Поговорим? — лениво предложил Свен.

— Давай!

Свен по..здел немного о современном искусстве

-он вообще неплохой лектор по натуре. Посыпались вопросы: зачем то, зачем это. Стало действительно интересно, особенно когда в дискуссии вступила Нелли Александровна.

Потом Костя завёл механическую жужжалку, и она ползала под ногами у зрителей.

- Может, стихи почитаем? - и он под жужжание стал декламировать следующее:

Я мысль, что хочу,  
И что хочу, приемлю.  
Мы выйдем в вольный мир  
Возделывать землю.

Гори, святой пожар,  
Сжигающий все рамки.  
Пусть будет земной шар  
Любвеобильной самкой.

Ночу я на бедре  
Гранату и наган,  
Я пош и уркаган,  
Марксистский наркоман.

Без страха говорю:  
Я супер-большевик,  
Забава для меня -  
Свергать земных владык.

Очарованные поэзией антаресовцы не заметили опасности.

-Мы поняли всё!!- раздалась ария резаной сви-  
ньи,- Мы взяли сюда детей -а здесь оказалось  
хулиганство!

(Интересно, а чего они таки ожидали увидеть:  
балет "Ангара", что ли?)

В качестве свидетеля Ричард хотел призвать до-  
чку, но Стелла со старшим братом его не слуша-  
ли, потому что в самом углу под руководством  
Фила заводили жужжалку. Директора Форпоста  
это предательство окончательно взъярило.

- Антарес за безобразие ответит полной мерой!  
Мы собираем 23-го Совет Форпоста, а до тех  
пор прекращаем всю деятельность Антареса. Па-  
а-прошу покинуть помещение!!

Замечу, что он вёл себя не как советский чи-  
новник, избегающий стрёма -чтоб не попало са-  
мому за то, что "не углядел" - а именно как  
натуральный провокатор, который заинтересован  
повернуть дело именно худшей стороной, да пог-  
ромче.

Нелли пыталась его успокоить, взывая к рас-  
судку:" Дик, да ведь ребята ничего не сделали  
плохого, просто посмеялись, что вы так шуми-  
те?" Но он грубо её оборвал.

Мы вышвыривались из форпостовского подвала,  
закуривали, хлопали друг друга по плечу:"Ни-  
где мы не задерживаемся...Опять вып..дрили!"  
Вдруг в дверях появился Ричард.

-Забыли вашу картину!, -и сунул Ржевскому чуть  
не в нос картонку с отпечатком шуза, -и доба-  
вил, скривившись: "Это пахнет Антаресом!"

Потрясённый последним оскорблением (нас  
ещё никто так не оскорблял), я нервно затяги-  
вался "Беломором", когда мимо меня двое МУХО-  
МОРОВ с сосредоточенными лицами вынесли злопо-  
лучный фаянсовый предмет. У них была злая цель,  
которую я просёк только тогда, когда со сторо-  
ны улицы раздался треск, грохот и возмущённые  
крики. "Что ещё за х.дня?"- спросил я раздра-  
жённо.

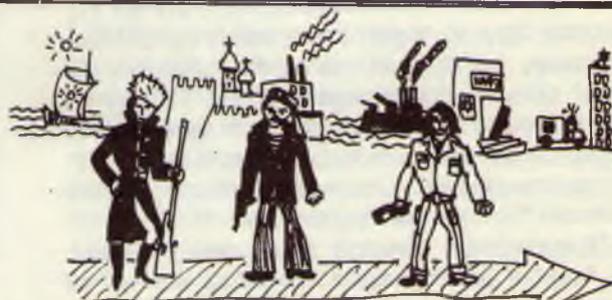


-Ребята шалят,- объяснил комиссар по внутрен-  
ним делам (Ржевский -Урл.),-Они с Михальчем  
выставили прибор на дорогу, а тут какие то Жи-  
гули не сумели его объехать.

- Козлы, человек в Жигулях ничем перед ними  
не виноват!

- Все они буржуи,- отрезал Костя.

Надо признать, что движение там, считай, что  
никакое -поэтому столкновение тачки с унитазом  
можно отнести только за счёт полного ох..ния  
водителя при виде столь необычного "гриба",  
выросшего на проезжей части ранней весной.



Три этапа русского освободительного движения

... Под такой расклад Фур передал мне приглашение своих коммунаров на т.н. "сбор". Делал он это нехотя, как и всё, касавшееся старых школьных друзей. Потом я узнал, что его новые друзья интересовались Антаресом, но он не только не поощрял их интерес, а напротив, вешал им на уши, что это, мол, всё лажа, мы дураки, шпана, не стоит овчинка выделки. Наконец, эту берлинскую стену с двух сторон проковыряли, и он позвонил вашему пок. слуге: "Приезжай в Калининград /Подмосковный/ в школу № 17 в субботу 10 сентября."

Наш клуб не успел ещё развернуть по осени боевые порядки, поскольку Ричард общее дело тормозил, и я не стал собирать большой делегации (да и сил, честно говоря, не хватало), а просто позвонил своему "шефу" Греше. Он обещал подкатить на место с утра 11-го. А я отправился 10-го часа в 4 в гордом одиночестве.

Школа оказалась недалеко от станции. Нормальное новое сооружение из двух коробок с перемычкой, типа Костинной. Все мои воспоминания о подмосковном Кёнигсберге, между тем, упирались в весёлую летнюю экспедицию с Чуней, Феликсом и Киришей. "Неужели они там все такие?"—как бы в подтверждение моих подозрений, школа издала приподнятый шум.

Вхожу. С удивлением замечаю, что фойе не зашпано, и нетвёрдо стоящих на ногах не заметно. Напротив, меня встречают вежливые школьники. И предлагают пройти по коридору в зал.

— Здесь сбор? (Хорошо бы ещё знать, что это такое).

— Здесь.

...На этом прервёмся ненадолго для экскурсии в историю и идеологию т.н. коммунарского движения. Прервавшееся так недавно, оно осталось практически за пределами исследований как тут-ошних, так и тамошних советологов. А влияние его было и остаётся: через побег, пущенные им в системе воспитания, в культуре, в общественных организациях. Коммунарство было одним из немногих явлений всесоюзного масштаба. По численности некоторые его региональные организации могли бы соперничать с крупными религиозными... А начало делу положил вскоре после кончины Иосифа I ленинградец И.П.Иванов. Называлось оно тогда "Союз энтузиастов", а с 59 г., получив базу во Фрунзенском доме пионеров Ленинграда, преобразовалось во "Фрунзенскую коммуну" (отсюда — "коммунары"). Игорь Иванов, Фаина Шапиро и С<sup>0</sup> выработали его основные принципы, прежде всего "сборовскую методику." Цитирую коммунарское Евангелие — книгу С.Л.Соловейчика "Воспитание творчеством":

"Коммунарскую методику невозможно разложить на "как" и "что" — каждый отдельный элемент вызывает недоверие, пока не увидишь, чем он под-

крепляется. Надо увидеть, как одна идея вытекает из другой, понять, почему один приём невозможен без другого, и заметить, что любое явление можно рассматривать и как причину и как следствие."

"Результат — вот он, налицо, его достигает каждый, кто точно следует методике, это теперь бесспорно. А вот понять... Ничего удивительного: искусство легче перенимается, чем понимается."

До сих пор суть этого искусства не удалось ни только как следует формализовать, но и просто внятно объяснить. Никому — и Соловейчику в том числе. Но параллель с искусством — это уже "тепло", хотя само слово лучше понимать по-средневековому, как "творческое ремесло". Вот оружейник, он по творчески переработанным отцовским методикам изготавливает чудесный кинжал — потом он отдаст его купцу, рыцарю или просто бандиту, и начнёт творчески изготавливать следующий. Мастер не думает о конечном результате своей возвышенной деятельности. А вот коммунары: "целью сбора является форсированное создание коллектива." "Воспитывать — это значит учить детей лучшей жизни... не рассказывать о лучшей жизни, а показать им эту лучшую жизнь, причём не со стороны, а так, чтобы они сами были действующими лицами этой новой жизни... создать вкрапления лучшей жизни в обычную..."

Итак, усилиями специально и тщательно подготовленных "комиссаров" для некоторого количества ребят создаётся "вкрапление лучшей жизни" М-ное количествоней коммунизма, или ещё как-нибудь назовите этот карнавал. Они же говорят коротко: "сбор". Количество дней определяется запасом энергии, мощностью двигателя. Теоретики сознательно противопоставляют сбор нормальному существованию людей, именуя последнее "разрезанным". А что на выходе? На выходе имеем сформированный сборами, в том числе коммунарскими летними лагерями, которые суть ни что иное как длинный-длинный сбор — коллектив, в котором ребята: да, умнее, да, искуснее в разных искусствах, да, по человечески относятся друг к другу и к человечеству в целом. И это прекрасно. Здесь мы подходим к объяснению того, почему коммунарство так мало известно исследователям общественной жизни СССР, и почему оно так долго процветало, не навлекая на себя особых репрессий, а порою и захватывало города или центральные издания. Здесь не было мимикрии, ибо не может быть мимикрии там, где нечего прятать...

Что кроме сбора вышло из Питера конца 50-х? Красные галстуки, обламывавшие антаресовцев и вообще нормальных людей. Зелёные рубашки и будённовки. Коммунарские аналоги тоталитарных приветствий: "Смело и гордо вперёд!" — "Победа

во что бы то ни стало!" Законы и ритуалы: "Жить для улыбки друга", "Закон круга", "Огонёк" и пр. Коммунары считали себя марксистами но Маркса читали крест накрест. Иначе им трудно было бы сохранять невинность первоклассницы во всех социальных вопросах. Зато -нажимали на психологию.

Исторические вехи таковы: 1962 -I-й "клуб юных коммунаров" при "Комсомольской правде". Летом того же года под эгидой нашего любимого ЦК ВЛКСМ учиняется коммунарский сбор во всесоюзном пионерлагере "Орлёнок", там формируется основной рассадник.

На этой волне численность движения достигает нескольких сот тысяч "подопечных", "коммуны" открываются в административном порядке. Говорят, в Средней Азии комсомольцы поспешими объявить коммунарскими целые районы.

Поспешили.

Последнее, что успела Фрунзенская коммуна - издать свою историю, она же манифест - в "Юности" - а потом погрязла в раздорах. Инициатива перешла к москвичам во главе с вышеупомянутым Симой Соловейчиком, которого уважительно называли Сен-Симоном. Его окружали такие люди, как молодой Ричард, который был тогда ещё не Ричард, а знаменит был гордой фразой, брошенной в комсомольские вафельники ЦК: "мы не комсомольцы, мы коммунары." (Жаль, что мы с ним тогда не познакомимся). В это время, с одной стороны, нарастает раздражение властей против проявляемой коммунарами независимости, с другой - появляется размежевание в их собственной среде. Но до поры до времени все, от интеллигентного клуба "Каравелла" писателя Крапивина до военизированных отрядов Волкова в Туле (разгонявших крестьян на рынках и маршировавших по Москве с автоматами - вручать цветочки Тяжелышникову) - все они держатся в общем ритуальном кругу. Тем более, что появляются претенденты на роль ЦК: в 1974-75 гг. пара молодых журналистов организуют под сенью интеллектуального авторитета Соловейчика и при "Комсомольской правде" "комиссарскую бригаду" - Комбриг, по весьма оригинальному принципу: они собирают в редакцию авторов самых интересных писем. 70% оказались с "5 пунктом", не менее 40% успели отдохнуть в дурдомах.

...А сейчас меня, вовсе не знакомого ни с историей, ни с идеологией движения, отослали в зал, полутёмный и полный людей. Группами по 5-6 человек они сидели на полу. Все о чём-то живо дискутировали. Спрашиваю:

-Ребята, а где Сама Фурман?

-А какой это отряд?

Пожимаю плечами: "Отряд? как в пионерах, что ли - или как на зоне?" В конце концов мне указывают на одну из кучек, а там - натурально Фур, только хаэр у него ещё длиннее, чем у меня.

-Привет!

Никто меня никому не представлял, тем не менее появление совершенно незнакомого чувака в пиджаке из кожаменителя воспринимается так спокойно, как будто бы я только 5 минут назад отходил покурить. Постепенно врубаюсь в структуру: оказывается, вся масса (ок. 150 чел.) разделена на отряды чуть меньше школьного класса. В каждом, присмотревшись, можно выделить пару-тройку активных личностей нешкольного вида. Это, надо понимать, комиссары. Но между прочим, с определением я лажанулся. Например, в нашем отряде очень клёвая герлуша, основная помощница фура, оказалась не из Комбрига, а

местной десятиклассницей, быстро усвоившей правила игры. Каждый отряд в свободной дискуссии готовил спектакль: небольшую комедию дель арте на тему "школа будущего". И скажу я вам, государи мои, что глядя на развертывавшиеся одно за другим представления, я позабыл все свои недуги и обиды. Такие импровизации могли бы показать ребята из театральной школы - студии - но из обычной подмосковной?

Восхищаясь, я сидел в своём углу - и здесь картина легко и беззвучно, как в балете, переменялась. Группы слились в большой общий круг.

Ко мне подошла какая-то подруга: "Давай с нами!"

Меня втокнули в круг, и тут же на мои плечи легли руки рядом стоящих, и сам я оказался обнимающим их, и всё сооружение начало ритмично раскачиваться в такт исходящему из центра гитарному перезвону. Время от времени полумрак разрывали фотовспышки.

В центре же стояли с гитарами двое, похожие на эльфов - хрупкие и очень красивые: девушка с роскошным вьющимся хаэром и черноволосый парень в джинсовом сюте. Они выдавали сопровождение и запевали, дальше круг узнавал песню и качаясь, подхватывал.

Кроме меня, потому что из этих песен я слышал от силы пару: "Возьмёмся за руки, друзья" Окуджавы и "Свечи":

Ночь притаилась за окном,  
Туман рассорился с дождём,  
И в непробудный вечер, в непробудный вечер  
О чём-то дальнем вневременном,  
О чём-то близком и родном  
Сгорая, плачут свечи.

В центре действительно горели две большие свечи. А песню я знал благодаря Людке, солистке нашей училищной рок-команды КРИС, но её манера пения, особенно в подьезде, была - как бы это точнее сказать? - несколько более ажитированной, как будто бы она не про свечи пела, а про нашу зам-директора училища.

Ненавязчиво въехал я в первый коммунарский закон - закон песни. Во время пения нельзя разговаривать, вообще отвлекать ближнего. А ког-

да попели, за окном уже стемнело. Кра Велтонен из "Комсомолки" — маленький, подвижный, в красном галстуке (что за маразм?) и в будённовке (а это уже по-нашему) — распорядился сесть на пол в кучу, что и было исполнено с радостью, потому что многие уже обламывались от усталости, и просто ложились, пристроив голову на коленях у соседей. Я сначала сидел менее удобно, но потом обо мне позаботились незнакомые девушки. Подобные отношения навевали мысли о Вудстоке, о детях цветов. Имел бы я тогда больше житейского опыта — вспомнил бы баптистов, только у коммунаров было не в пример веселее.

Пошёл разговор о разных коммунах, о прошлом о традициях. Когда наконец романтические темы оказались исчерпаны, нас разогнали по отрядам в классные комнаты. Начался т.н. "Огонёк": итоги дня, планы, серьёзная деловая часть в узком кругу. Мой друг детства поставил перед отрядом проблему: как организовать жизнь современной школы на коммунарских началах, и каждый ораторствовал и фантазировал на втором дыхании (дело шло к полуночи). Я хотел было обломать им кайф парой ехидных вопросов: а как, мол, посмотрит калининградское горно на ваши проекты? — но потом решил, что не стоит быть говном, когда людям хорошо. В конце концов, я их гость.

Ночью это было всё что угодно, только не советская школа. Отрубившиеся валялись в классах на раскладушках: там было темно. А в коридорах горел свет, но там тоже, как в нашей гор-больнице, лежали на раскладушках люди. Где ж они насобирали столько спальных агрегатов? В местах для курения висел смог, как в кабаке, особенно на 3 этаже, где в пионерской комнате, приспособленной под редколлегия экстренной сборовской газеты, с ходу печаталось, проявлялось, сушилось, клеилось всё, что завтра ..то есть сегодня утром уже должно было висеть на стене.

— Ну ладно, — задумался я, привалившись к стене и надуваясь беломорным дымом, — А как я завтра пойду встречать Гришку?

Все попытки выяснить, кто во сколько встает, у кого есть будильник, и как мне не проспять 7 утра, уткнулись в глухую стену: коммунары не ворочали ни мозгами, ни языками. Тогда я нашёл варварское средство: выставил раскладушку под открытое окно, откуда с завываниями вторгался холодный ветер, и лёг без одеяла, рассчитывая, что отключиться больше чем на час в та-

ком ледяном аду всё равно не удастся. Просыпаешься — вздрагиваешь — смотришь на котлы — и отрубаетесь снова. Тем более, что где-то на этаже еще начинают петь. Раза три неизвестные доброжелатели пытаются меня накрызть — я спугиваю их рывканьем: "Жарко мне!!"

А в 7 утра школа в серой мерзости дождливо-го рассвета предстаёт городом после чумы. Остались в живых только пара человекообразных в пионерской комнате. Ползу, ругаясь, по коридорам I этажа, перешагивая через тела и дёргаю каждую оконную раму. Дверь, естественно, на замке, а окна наглухо заколочены гвоздями. Где же выход из коммунистической ловушки?

Что ж — поднимаюсь на 2 этаж, нахожу незаконченное окно и перекрестившись, выпадаю из него в осеннюю грязь.

Потом тащусь под дождём на станцию. Там сижу, кутаясь в свой кожзаменитель, целый час, и вспоминаю всех знакомых блядей с ихними матерями, пока не убеждаюсь, что никакого Грини в Калининграде не было и не будет. Пустое возвращение в школу становится неизбежным.

И здесь Фортуна, которая не член, повернулась ко мне первый раз не залупой: первый, кто приветствовал меня в столовой очнувшегося здания, был комиссар Антареса по пропаганде. Он уже хавал котлеты с гречневой кашей в компании Велтонена (Вела, по коммунарской сокращённой кличке). Я с удовольствием к ним присоединился. А потом телемское аббатство принялось за утренний туалет.

И дома-то у себя современный плейбой не слишком любит наводить порядок: мама вымоет! — а здесь презренная, не-мужская по-восточным понятиям работа была организована так мило и весело, что мы и не заметили, как включились в "коллективное действие" (хэппенинг). Таскали, выметали что-то... уборка плавно перешла в следующий день сбора. Песни, полузабытые игры из детства, и вдруг резкий переход — в историю иконописи на Руси, которую вдохновенно разъясняла на слайдах интеллигентная дама.

— А вот к нам гость!

Команда рассредоточилась по стеночкам, а в середину зала в сопровождении Вела и других "вождей" вышла очень клёвая подруга лет 20 с чем-то, я её опознал ещё до официального представления: когда-то она по ТВ выступала. Да, именно она делила с Велом "консульство" в Комбриге.

Когда пипл кончил выражать ей свою радость, она подошла к нам с Гришей, и мы, стоя у окна, закурили хороших сигарет.

— Затрахал уже Беломор, — обрадовался я, — Ну, Гриша, здесь такие дела крутые — как у хиппи в Америке.

Может и не совсем слово в слово, но стиль своей рецензии я передаю точно. Нашу собеседницу это шокировало, а тут ещё Григорий атаковал ее вопросами:

— А зачем это всё? А какова ваша конечная цель?

Она пыталась что то объяснить, но получалось у неё это примерно так же хитро, как у меня

по пьяни: -петь. Поэтому после её бегства (под благовидным предлогом) мой учёный друг имел полное право заявить:

- Нету здесь никакой цели. Сахарная водица для страдающих половым бессилием (Это был вообще его любимый полемический оборот).

Чтобы не обсуждать свои серьёзные дела у всех на виду, я предложил пройтись к станции, купить яблок, благо дождь уже кончился. По дороге у нас выявились серьёзные разногласия, как у Пальмиро Тольятти с Мао Дзе Дуном. Только теперь я понял, насколько глубоко коренится гришино неприятие террористической романтики, которую пропагандировал Звездочётов. -Красные бригады, -сказал он прямо, -Это убийцы.

А для меня тогда и "бригадисты", и РАФ ходили в героях, и я стал возражать: "Они же буквально следуют марксистской теории."

- Да, конечно, к исходной теории они ближе, чем изображают шулера в "Литературной газете". Но кто тебе сказал, что теория важнее людей? А? Люди-то их теории не хотят!

... Я молчу. Для нас это нечто новое. Он засыпает в сумарь плоды калининградских садов. - И если хочешь знать, - заканчивает он неприятный разговор, - Я очень уважаю еврокоммунистов. Ведь истинна та теория, которая работает, а работает сейчас скорее еврокоммунизм, чем анархизм.

Что-то в моих убеждениях тогда надломилось. И хотя я ещё не раз борзел по поводу очередных "акций" РАФа, и ссорился из за этого с отцом, но всё-таки в глубине души от гришинных слов остался осадок.

Мы возвращались в школу -но не успел мой грязный шуз переступить порога, как в плечо вцепилась чья-то крепкая рука.

- Вы из Антареса?-спросил незнакомый мужчина. Вид у него был слишком интеллигентный для опера, поэтому я спокойно признал свою парт-принадлежность и проследовал за ним в маленький кабинет, где сидела ещё женщина средних лет. Гриша нас сопровождал. Оказалось, что теперь Антарес в гостях у местных учителей.

- Знаете, - улыбнулся мне внезапный знакомый, - когда мне сказали, что вы "радикал", я почему-то подумал, что вы будете агитировать бить евреев, и несколько испугался. То есть меня вами напугали. Но при виде вашего товарища ко мне вернулось душевное равновесие.

Мы рассмеялись над этим прологом, затем рассказали кое-что о себе и выслушали кое-что о них. Помнится, тогда их концепцию жизни и воспитания я расценил как беспартийный либерализм, но теперь, конечно, совсем иначе взглянул бы на самоотверженную деятельность этих подмосковных подвижников, проповедовавших в советской

школе вечные нравственные законы. Рисковали они куда больше, чем мы со своим уличным хулиганством - когда, например, объясняли старшеклассникам, что военное училище - это начало карьеры профессионального убийцы (1977 год!) Обменялись впечатлениями и о коммунарах. Они сразу же заявили, что униформа отдаёт фашизмом: галстуки, рубашечки, будённовки.

-Как так? -удивились мы. Для нас, наоборот, главными недостатками Комбрига были бесхребетность и нерешительность. Мы тоже любим форму - разве ж мы фашисты? Просто есть хорошая форма, коммунистическая, и плохая, фашистская - или эти дебилские галстуки, над которыми будут дети на улице смеяться. Нам печально кивали, и мы поняли, что здесь никого даже гришиным красноречием не переубедить. Но расстались дружески - обменялись телефонами, обещали приглашать друг друга, если будет что интересное и вернулись на карнавал.

А тот уже близился к закату. Темнело, и устало счастливые школьники с элитарными московскими комиссарами во главе вышли на улицу, чтобы вместе идти к поезду. "Споём!" И в 150 глоток под гитару грянули: "Вихри враждебные веют над нами, тёмные силы нас злобно гнетут!" Я от счастья чуть не прослезился - наша песня! А "случайные прохожие шарахались в неотложки" при виде такого шествия. Их можно было понять.

- Ну что? -гордо повернув лохматую голову к компаньону, спросил я, когда песня кончилась, -Кто на Комбриг катил баллоны?

- Не снеси, дорогой, - с улыбой отвечал Гриша. И точно, как в насмешку, следом за любимой песней те же полторы сотни глоток, только без наших двух, затянули: ...о Боже! -"Взвейтесь кострами, синие ночи."

Я отошёл в сторону. Мне стало стыдно. А Гриша безжалостно догонялся: "Ну как, не хочешь ещё спеть революционную песню "Жил-был у бабушки серенький козлик"?"

ОБЪЯВЛЕНИЕ. БЫВШИЕ ЧЛЕНЫ КЛУБА "АНТАРЕС" ПОЛЬЗУЮТСЯ СЛУЧАЕМ ОБЪЯВИТЬ ЧЕРЕЗ СВОЙ ЛЮБИМЫЙ ЖУРНАЛ УР ЛАЙТ О ТОМ, ЧТО ОНИ РАЗЫСКИВАЮТ В КАМЕННЫХ ДЖУНГЛЯХ МОСКВЫ СВОЕГО БЫВШЕГО КОМИССАРА ГРИШУ ЛОЙСЕРМАНА, С КОТОРЫМ ДАВНО ПОТЕРЯЛИ СВЯЗЬ. ГРИША, АУ !





# ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В свое время замечательный автор Силя (из группы "Выход") назвал "Максима и Федора" Шинкарева "энциклопедией русской жизни". Тогда я счел это явным преувеличением "Максим и Федор", конечно, очень жизненная книга, — подумал я, — но ведь она имеет отношение к жизни очень узкого круга людей, и называть ее "энциклопедией" нельзя. А потом я стал вспоминать "Евгения Онегина", к которому первоначально относились эти слова (сказанные Белинским) и понял, что "круг", к которому относится пушкинский герой, отнюдь не шире, чем круг "Максима и Федора". Дело вовсе не в количестве людей, близких герою по духу, а в том, что именно через "Евгения Онегина" проходит некая "эволюционная нить", которая остается, когда почти все остальное умирает. То же самое относится и к "Максиму и Федору". Все наше "наследие" выпадет в осадок, а "Москва — Петушки" и "Максим и Федор" останутся.

Вопрос о том, можно ли называть лермонтовского Печорина "Героем нашего времени", в свое время тоже достаточно активно обсуждался. С одной стороны, таких, как Печорин, было очень мало; с другой стороны, многим он не нравился, поэтому слово "герой" часто вызывало раздражение у современников Лермонтова. Сейчас Лермонтов стал "классиком" и никого уже не волнует, был Печорин героем или нет. Но для меня Григорий Алесандрович Печорин — живой человек, и 150 лет, которые прошли с того

времени, абсолютно не играют никакой роли. Он был и остается "Героем нашего времени". И когда Олег Даль в "Записках из дневника Печорина" читал "И скучно и грустно", он читал это от себя.

Я часто удивлялся, почему же никто из "наших" не описал этого героя таким, каким он стал сейчас. Если бы я умел писать, я писал бы именно про него, про моего любимого, желчного, "рефлексирующего" героя.

Но оказалось, что такой герой есть, только он появился в другой области и оказался не совсем "литературным" героем. Как-то я говорил про Майка Науменко и почему-то употребил слово "герой". Потом подумал про смысл, который я в данном случае вложил в это слово, — и понял: да это же он — Герой нашего времени.

И первоначально статья должна была называться именно так, в единственном числе — "Герой нашего времени".

Но, прочитав написанное, я понял, что, начиная говорить про Майка, я неизменно перехожу на Боря Гребенщикова и "Аквариум". Наверное, это естественно, ведь для меня и моих товарищей они были первыми и всегда как бы стояли рядом, и оба играли очень большую роль в нашей жизни. Поэтому я изменил название, несмотря на то, что при этом оно утрачивает тот смысл, который, как мне кажется, вкладывал в эти слова Лермонтов, и приобретает более традиционный оттенок.

---

В отличие от шинкаревских книжек, ко-

торые являются достаточно кривым зеркалом, отражающим нашу жизнь, майковские персонажи настолько конкретны, что я вполне однозначно воспринимаю их в качестве самого Майка. Так же как и Григорий Александрович Печорин у меня в голове как бы сливается с самим Лермонтовым. Хотя это не означает, что в действительности Лермонтов ничем не отличается от Печорина, а Майк — от своих персонажей.

И Шагин, и Шинкарев, и Гребенщиков, и многие другие люди, относящиеся к "нашему кругу" (да простят они меня за то, что я нагло пристраиваюсь к ним "в хвост") как бы стремятся поймать что-то на стороне или найти в себе что-то, от чего "небо становится ближе", а он оценивал себя таким, какой он есть.

"... горько обвиняет он себя в своих заблуждениях. В нем неумолчно раздаются внутренние вопросы, тревожат его, мучат, и он в рефлексии ищет их разрешения: подматривает каждое движение своего сердца, рассматривает каждую мысль свою. Он сделал из себя самый любопытный предмет своих наблюдений и, стараясь быть как можно искреннее в своей исповеди, не только открыто признается в своих истинных недостатках, но еще и выдумывает небывалые или ложно истолковывает самые естественные свои движения." Белинский сказал это про Печорина, но я думаю, что эти слова вполне можно отнести и к Майку.

И "Иванов", и "Электрический пес", и "Пепел", и "Пригородный блэк", и "Странные дни", и "Ода ванной комнате", и многое другое явно написано в одной компании и, может быть, за одним столом. Ни в одной из этих вещей нет никакого вранья, и за всем этим стоят ощущения примерно одного порядка, но написаны эти песни, не знаю уж, как это сказать, то ли при разном освещении, то ли еще как-то.

Боря смотрит на все это несколько "томным" взглядом и вроде бы временами и не одобряет, а осуждает; но те, на кого глядит "электрический пес", все равно, смотрятся довольно мило, а Иванов просто-таки очень приятный человек (и на самом деле это так и есть, несмотря на то, что это примерно тот же самый герой, что и в "Пригородном блэке"). Я никоим образом не хочу сказать, что это плохо. Это, наобо-

рот, хорошо, и дай Бог, чтобы Боря хотя бы немножко "приблизился к небу" (и приблизил к нему нас) при помощи своих песен. Я очень люблю и его, и почти все, что он сделал.

Но вот я смотрю телемост "Ленинград — Лондон" и слышу, как Курехин предлагает объединить нашу духовность с их техническим потенциалом (никаких претензий к Курехину у меня нет, он, наверное, прекрасно все понимает). При этом их "технический потенциал" представляют Ино, Гэбриэл и прочие совершенно нормальные люди, а в качестве "нашей духовности" сидят Липницкий и Троицкий и мечут понты. Мне, конечно, ужасно неприятно наблюдать это зрелище, ну да Бог с ними, хотят метать — пусть мечут. Но рядом с ними сидит Боря и смотрит в объектив как Нарцисс в воду. И мне хочется сказать ему: Боря, встряхнись, что ты делаешь? Ведь мы же "пили эту чистую воду". Снежная Королева околдовала тебя — и ты обо всем забыл. Представь себе, что рядом с тобой сидят не Липницкий с Троицким, а Митя Шагин с компанией...

Я бы не стал уделять особого внимания этому телемосту, но Гребенщиков — автор настоящий и его песни — это он сам, поэту все его "заходы" присутствуют и в песнях, хотя там они и не так заметны. Правда, при этом не исключено, что эта "поза Нарцисса" является всего лишь защитной реакцией на публику.

В ноябре я снова увидел его на телеэкране. Это была премьера "Красной розы..." в ДК МЭЛВа. То, что пел "Аквариум", мне понравилось, но выглядело это ужасно. Я хорошо понимаю Марка Захарова, который имел весьма кислую физиономию, наблюдая все это безобразие в своей собственной передаче. Может быть, Боря прав и Сергей Соловьев действительно приятный человек, но все, к чему он прикасается, оказывается испохабленным, все родное и близкое становится обычной дешевкой. За каким, извиняюсь, .. ем он схватил балалайку (или мандолину) и полез на сцену? А тут еще Абдулов с инвалидной коляской, какие-то собаки дорогостоящие бегают, какие-то девочки в тельняшках прыгают ("митьки", .. твою ...). Правда, если я не ошибаюсь, Боре это тоже очень не нравилось, но, как говорил один мой знакомый, "если человек пить не хочет, в него и насосом не закачаешь". Это была самая настоящая профанация, которая в данном случае кажется еще более противоестественным явлением, поскольку по-

давящее большинство авторов занимается профанацией самостоятельно, без посторонней помощи, а к Боре это как раз не относится (хотя при том, что песни у него часто носят достаточно патетический характер, это вообще очень сложно). С "душевым содержанием" песен у него действительно все в порядке, поэтому тем более обидно то, что он вписывается в подобные "попрыгунчики".

В интервью, которое было напечатано в предыдущем номере "Урлайта", Боря высказал множество мыслей, которые мне очень близки, и я восхищаюсь тем, как замечательно они выражены. Тем не менее, некоторые вещи, которые он произносит, вызывают у меня смешанное чувство раздражения и жалости к тому, кто их высказывает.

"Просто я нашел для себя ключ: если не трогать этого говна (политики и денег), то есть жить, как мы жили раньше, все становится точно на свои места..."

Не было никакой опасности.

- Ну что значит не было, когда Романов девять месяцев сидел в тюрьме?

- Так вопрос в том, что, если все это раскопать... Не было ли у него какой-то завязки с властью или деньгами? Как только есть, за что схватить человека - все."

Действительно, если человек занимается тем, что для него естественно, и не трогает того, что ему противно, многое "становится точно на свои места". Например для Соловьева естественно заниматься коммерцией - он ею и занимается. И все нормально, все на своих местах. Мне не нравится то, что он занимается профанацией, но ничью жизнь он не заедает (и даже наоборот, некоторым помогает), так что я вполне признаю его право делать то, что ему нравится делать. Ключ не в политике и деньгах, а в естественности поведения.

И в "Аквариуме" финансовые проблемы тоже существуют, только их, в основном, решает Миша Файнштейн-Васильев, причем ведет он себя при этом довольно-таки жестко. И Гребенщиков, если и не знает, то, по крайней мере, догадывается об этом. Поэтому иногда его слова (в контексте всего интервью) звучат как оправдание. Оправдываться ему не за что, он - замечательный автор и вполне имеет право вести себя так, как это для него естественно, но то, что здесь "имеет место быть" некоторый самообман, мне очень неприятно. (Интересно, что бы он сказал, если бы Соловьева и Файнштейна посадили за "завязку с деньгами"?)

"Не может быть" или "сами виноваты"?)

Мне кажется, что, очень глубоко вникая в то, что происходит "с той стороны зеркального стекла", Боря иногда перестает видеть лица окружающих его людей, поэтому он и путает "Божий дар с яичницей". Я не могу сказать, что это плохо. Может быть, без этого он не увидел бы того, что ему удается увидеть, но мне все это неприятно.

Для меня "время" тоже понятие достаточно эфемерное, но, по-моему, это должно выражаться в том, что давно умершие "классики" остаются такими же живыми людьми, как и мои друзья, а не в том, что лица всех (или почти всех) окружающих превращаются в пятна и растворяются в какой-то вечной идее.

Боря совершенно справедливо сказал, что "Россия - отчаянно любимая страна, которой отчаянно не хватает любви по мелочам", но, по-моему, для того, чтобы проявить эту "любовь по мелочам" надо хотя бы как-то чувствовать каждого конкретного человека, к которому ты собираешься проявить эту любовь. Я тоже люблю переводить старушек через улицы и одалживать товарищам червонцы (когда они есть). И это доставляет мне удовольствие, и я уверен, что при этом я прав, а те, кто не делает этого, неправы, но это всего лишь простой способ самооблажения (хорошо описанный у Альбера Камю в повести "Падение"). И такая "любовь по мелочам" происходит, в основном, не от доброты и не от любви, а от способности более-менее точно просчитывать свои собственные ощущения.

"Политическая деятельность" действительно намного чаще приносит вред, чем пользу и заниматься ей нужно крайне осторожно, но я думаю, что Ельцина от Сахарова Боря не отличает не потому, что уверен в том, что они занимаются "грязным делом", а потому, что он не особо-то и думал на эту тему, заранее зная, что ему "слабо" оказаться в положении Сахарова, что он не пойдет на крест ради "любви по мелочам", которую он проповедует. Слабость - это тоже сила (по крайней мере, слабому часто удается то, что не удается сильному), но не надо чересчур умиляться на свою слабость. Любовь по мелочам - это безусловно необходимое, но явно недостаточное условие. Ключ, который нашел Боря, это его собственный ключ. Он совершенно правильно его обозначает, но легкий оттенок презрения по отношению к тем, для кого этот ключ не подходит, сквозящий в его словах.

по-моему, совершенно неуместен.

У Боба Марли есть видеоклип "Love On". Ничего особенного в нем нет, но от него почему-то исходит какое-то очень сильное ощущение братства и вообще чего-то очень хорошего. Я посмотрел этот видеоклип и подумал: вот какие песни я хотел бы услышать у нас в СССР. Но у нас таких песен, по-моему, нет. Из всего, что я слышал, самое близкое к "Love On" по настроению — это аквариумовский "Вавилон" (Гребенщиков действительно любит и чувствует Боба Марли, поэтому у них достаточно много точек соприкосновения). И я смутно надеялся, что, может быть, Боря когда-нибудь напишет нечто, несущее в себе то же самое. Но для этого нужно видеть лица, а не только то, что происходит в "Зазеркалье".

Моя бабушка говорила, что про людей надо говорить только хорошее, потому что плохое и без нас найдется, кому сказать, а я почему-то делаю наоборот и говорю одно плохое про то, что мне, на самом деле очень нравится. Но я считаю, что есть два случая, когда не следует держать "фигу в кармане": если речь идет о ком-то совсем гнусном и если ты имеешь дело с очень близкими людьми. Боря я как раз считаю очень близким человеком (без претензии на взаимность), поэтому и позволяю себе подобные выпады. Кроме того, его песни неизмеримо выше всего того хорошего, что я могу про них сказать, поэтому хвалить их я могу только "в общем", а "в частности"...

(Но и при этом в обоих случаях следует соблюдать принцип "лежащего не быть".)

... пусть каждый слушает сам.

Майк Науменко тоже в основном смотрит в зеркало. Но у него с ним несколько "другие отношения": "И зеркало, твой лучший друг, плюнет тебе в глаза..."

Я иногда задавался вопросом: почему Майка в свое время с такой силой гоняли? Ведь он был одним из самых одиозных и самых гонимых авторов. А при этом никакой "социальности" в его песнях нет. Он, наверное, единственный, кто вообще не реагирует на "общество" и все, что с ним связано. В жизни майковских персонажей как будто не существует ни Советской власти,

ни КПСС, ни ВЛКСМ, ни всего остального из этой области. Конечно, он, как и все остальные, что-то думает по этому поводу, но я думаю, что написание песен — это не планируемый процесс, то есть нельзя захотеть написать нечто на такую-то тему и получить что-то достойное; достойное рождается само по себе. А в сознании Майка советское государство занимает, может быть, чуть побольше места, чем самодержавие в сознании Пячорина (который, по моему, ни разу не высказывается на эту тему), поэтому "социальные" песни у Майка просто не рождаются.

Я думаю, что профанация различных святых понятий нигде не достигала таких масштабов, как в нашей стране [см. примечание в конце]. Поэтому в головах многих советских людей, а тем более, чиновников, произошло некое раздвоение: с одной стороны нечто сладкое — любовь к Родине, просто "любовь", светлое будущее, цель жизни, работа на благо... и т. д.; а с другой стороны нечто простое-кухонное — бабы, водка, шмотье и все прочее. С одной стороны, вроде бы и то, и другое является жизнью, а с другой стороны, вроде бы и то, и другое — игра. Эта профанация всего святого выработала в головах советских служащих определенный иммунитет. По крайней мере, иначе я не могу объяснить, почему масса знакомых мне людей в "годы застоя" действительно с интересом читала советскую прессу и смотрела телевизор, и никого из них при этом не тошнило.

Я думаю, что советский чиновник мог возмущаться "социальными" текстами Шевчука или "Облачного Края" (и мог применить к ним любые "меры воздействия"), но про себя вполне понимал авторов как людей. Он мог негодовать по поводу "ДК", но в то же время внешне все это очень напоминало родной и близкий сердцу, кухонный "блатняк". И даже Гребенщиков, несмотря на то, что он явно "не наш человек", все-таки ищет что-то, стремится к чему-то, то есть что-то "святое" в нем все-таки есть. А у Майка ничего этого нет. Это просто убудок, распеваящий гнусным голосом про свою убудочность. И в голове у него нет ничего "святого", а только одно говно. И вообще непонятно, чем он живет, и где он родился, где воспитывался, и почему при этом такой наглый и уверенный. (В свое время кто-то сказал Мандельштаму [могу перевернуть текст]: "Вот Пастернак — тоже не наш человек, но нам с ним намного легче." Я думаю, что примерно так же чиновники должны были

расценивать и Гребенщикова с Майком.)

Майк немало огреб за свою "лишность", но все равно остался таким-же, и, наверное, единственным, что хотя бы как-то указывает на то, где находится "белая полоса", на которой он сидит, это различные атрибуты нищеты и чисто советские привычки всплывающие в его песнях.

Боря Гребенщиков опять-же правильно сказал, что и Вертинский, и "Beatles" "были одинаково далеки от советского общества начала 60-х годов. Поэтому я с энтузиазмом принял и то, и другое." А ведь Майк от "совка" намного дальше. И "Beatles", и Вертинского можно хотя бы как-то "понять" или уж, по крайней мере, "простить". А вот Майк - совсем чужой, и простить его нельзя, потому что... Потому что он - "Герой нашего времени", и "совок" в данном случае просто будит и активизирует в чиновнике (да и в простом обывателе) все то, что в нем и так есть.

"Вы предаете его анафеме не за пороки, - в вас их больше и в вас они чернее и позорнее, - но за ту смелую свободу, за ту желчную откровенность, с которой он говорит о них. Вы позволяете человеку делать все, что ему угодно, быть всем, чем он хочет, вы охотно прощаете ему и безумие, и низость, и разврат, но, как пошлину за право торговли, требуете от него моральных сентенций о том, как должен человек думать и действовать, и как он в самом-то деле и не думает, и не действует... Да, в этом человеке есть сила духа и могущество воли, которых в вас нет; в самых пороках его проблескивает что-то великое, как молния в черных тучах, и он прекрасен, полон поэзии даже в те минуты, когда человеческое чувство восстает на него..." - мне кажется, что в данном случае эти слова Белинского опять-таки вполне уместны.

Майк написал не так много песен, но даже к тому моменту, когда был сыгран концерт "Зоопарка" в ДК "Москворечье" (в 1982 году), его великий роман уже был, в основном, написан, а "LV", "Уездный город Н." и "Белая полоса" завершили его. Может быть, "Уездный город Н." и "Белая полоса" уже не самые яркие главы в этом романе, но, например, без "Вперед, Бодхисатва" и "Буги-вуги каждый день" он был бы все-таки неполным.

"Буги-вуги каждый день" - вообще странная песня, которая, казалось бы, ничего такого в себе не содержит. И тем не менее, когда мы ходили на концерт "Ноля" и дядя Федор вдруг заиграл на баяне "Варшавянку" и вместо "Вихри враждебные веют над нами..." запел "Субботний вечер - и вот опять...", меня и моих не очень трезвых дружков как будто пружиной с места подбросило, и мы орали и размахивали руками непонятно почему. Для себя, когда я пытаюсь все это рационализировать, я думаю, что для нас слово "борьба" давно уже превратилось в гнусную карикатуру, и главной "боевой" задачей было не ассимилироваться, не смешаться с общим потоком дерьма, хотя бы немножко остаться самим собой. "Самим собой? Это сложно, но это возможно..."

У Майка все это есть. В том числе и в "Буги-вуги каждый день", хотя никаких прямых слов на эту тему там, конечно, нет. И дядя Федор все это выловил и тем нас порадовал.

Из "Буги-вуги каждый день" можно "выловить" и многое другое (гнусное слово "выловить", но лучше не получается).

У Марка Болана ("T. Rex") на пластинке "Dandy In The Underworld" есть песня "Love To Boogie":

-Love To Boogie

A cross between Ramon  
Navarro and Marlene Dietrich

"Belinda Mae Fenders got a Cadillac bone,  
Jenny lost her cherry walking all the way  
home,  
The passions of the Earth blasted her mind,  
Now she's neat sweet ready for the moon  
base grind.

You rattlesnake out with your tailfeathers  
high,  
Jitterbug left and smile to the sky,  
With your black velvet cape and you  
stovepipe hat,  
Be-bop baby the dance is where it's at.

I love to Boogie on a Saturday night."

Говорят, что Марк Болан - второй по читаемости поэт Англии после лорда Байрона, и нормально перевести эти девять стро-

чек на русский язык невозможно – все потеряется. Но на русском языке есть две песни, которые с ней очень сильно перекликаются: "Буги-вуги каждый день" Майка и "Досуги-буги" Пети Мамонова:

\*\*\*

-Буги-вуги каждый день

"Субботний вечер – и вот опять  
Я собираюсь пойти потанцевать.  
Я надеваю штилеты и галстук-шнурок,  
Я запираю свою дверь на висячий замок.  
На улице стоит ужасная жара,  
Но я буду танцевать буги-вуги до утра,  
Ведь я люблю буги-вуги,  
Я танцую буги-вуги каждый день.

Но тут что-то не так, сегодня я одинок –  
И вот я совершаю телефонный звонок.  
Я звоню тебе, я говорю тебе: Привет!  
Я не видел тебя сорок тысяч лет,  
И если ты не знаешь, чем вечер занять,  
То почему бы нам с тобой не пойти потанцевать,  
Ведь ты же любишь буги-вуги,  
Ты танцуешь буги-вуги каждый день.

В дискотеке темно, мерцают огни,  
Танцуем мы и танцуют они.  
И если ты устала, то присядь, но ненадолго,  
В сиденье на скамейке, право, нету толка.  
Новую пластинку ставит ставит диск-жокей,  
Я приглашаю тебя потанцевать: хэй, хэй!  
Мы любим буги-вуги,  
Мы танцуем буги-вуги каждый день."

Досуги-буги

"Я уволился с работы, потому что я устал.  
Я совсем не пью вина, я хожу в  
спортивный зал.  
Ночью я лежу – читаю, когда все рабочие  
спят,  
Ночью я кроссворд решаю, и я этому так рад.  
Ну и на досуге я танцую буги,  
На своем досуге я танцую буги,  
Танец буги.

Я перестал ругаться матом, папирос я не  
курю.  
Я купил фотоаппарат – и с ним по городу хожу.  
Ночью я лежу, мечтаю, у меня есть одна мечта:  
Чтоб всю жизнь под ногтями оставалась  
чистота.

Ну и на досуге в чистоте станцую буги,  
На своем досуге в чистоте станцую буги,  
Танец буги.

У меня совсем нет денег – не поеду я к жене.  
В голове моей идеи, я гуляю по траве.  
Ночью дверь я открываю, знаю – меня здесь  
не ждет никто,  
И никто не отругает, если я продам пальто.  
Ну и на досуге без пальто станцую буги,  
На своем досуге без пальто станцую буги,  
Танец буги.

Перестал я даже бриться, но щетина не растет.  
Стал я чистым, чистым, чистым с той поры,  
как взял расческу.  
И никто мне не мешает, нету у меня друзей.  
Жаль, что мне не разрешают поселиться жить в  
музей.

Там бы на досуге танцевал я буги,  
Плясал бы на досуге я с чучелами буги,  
Танец буги."

\*\*\*

Эти песни ни в коем случае не являются ни переводом, ни плагиатом с Марка Болана (Мамонов вообще вряд ли как-то имел в виду "Love To Boogie"). Просто три достаточно разных человека посмотрели на какую-то определенную сторону жизни и описали ее. Болан как бы смотрит на это и грустно улыбается. И стихи у него получаются исключительно красивые, изящные и "мягкие".

Майк, как всегда, сам встает на место героя, и, как всегда, не очень его жалуется, поэтому и песня получается существенно более жесткой, уже без всякой улыбки, хотя в изяществе ей тоже отказать нельзя.

А у Мамонова эта улыбочка возвращается, но превращается уже не непосредственно в улыбку, а в оскал. И здесь уже выплывает что-то пушкинско-гоголевское – маленький трагический герой, полностью раздавленный жизнью. Но это уже нечто из совсем другой оперы.

Иногда я слышал идеи о том, что "Чистая Вода" Гребенщикова – это плагиат с "When the music's over" Моррисона. По-моему, это совершенно неверно. "Чистая вода" – это замечательная и совершенно самостоятельная вещь, но это песня-воспоминание о Моррисоне и о себе. А в "Буги-вуги каждый день" Майк не вспоминает о Болане, а просто с его подачи, не скрывая этого, смотрит на тот же самый предмет.

Поэтому я надеюсь, что, если сказка снова станет былью и "все огни погаснут", то у нас хватит сил, чтобы сыграть свою роль и помочь "живым" остаться живыми.

\*\*\*\*\*

-Примечание . -к "профанации всего святого", непосредственно не связанное с основным содержанием

Отвечая на вопрос о том, что он думает по поводу переоценки журналом "Rolling Stone" и прочими представителями "истеблишмента" роли Sex Pistols в истории рок-музыки, Джон Лайдон сказал:

"Все это - прошлое. Сейчас моя первая группа вполне безопасна... Sex Pistols - это модно и доступно. Это означает, что эти люди не могут принять настоящего и не намерены думать о будущем. Все это ужасная глупость... То, что люди, как им кажется, знают о моей первой группе, - все это вранье и мусор. Все это миф, а плебеям, идиотам, бездарным людям, живущим в чужой тени, так легко и удобно поверить во все это дерьмо."

Может быть, он сказал это слишком резко, но человек действительно слаб и ему свойственно "канонизировать" то, что уже отходит в прошлое. Причем, эта канонизация всегда приводит к профанации того, чего она касается и живое становится мертвым (или полумертвым).

В этом смысле очень характерным примером является судьба стихов Пушкина. Я думаю, что Александр Сергеевич повеселился бы от души, если бы прочел, например, то, что про него написано в школьном учебнике литературы.

Когда я услышал, как поэт Андрей Туркин читает "Я вас любил", я очень удивился. Он читает этот стих тоном скандалиста, и тот же текст приобретает совершенно противоположный смысл. Сначала я подумал: неужели великий поэт допустил лагу и, написав прекрасные по форме стихи, ничего в них не вложил, а просто "подделал" "высокие чувства"? Но кто сказал, что там вообще есть какие-то претензии на "высокие чувства"? Пушкин? Конечно нет, это учительница сказала, а у Пушкина, только по официальным данным, количество дам, к которым он успешно "подбивал клинья", превышает сотню. И каждую "так пламенно, так нежно"? Он написал именно то, что хотел, а унылые потомки, для которых он уже перестал быть живым, приписали ему "высокие

В области музыки, пения и т. д. мало кто из авторов долго сохраняет свою первоначальную способность к творчеству. С годами восприятие притупляется, сил становится меньше, и какая-то пелена усталости ложится на все, что делает человек. В этой усталости, наверное, уже меньше того отчаяния, которое, например, присутствует в "Пригородном блкзе", но она как бы похожа на туман, который присутствует везде и сковывает движения.

Это касается и Гребенщикова, и Майка, и Питера Гэбриэла, и Дэвида Боуи, и Игги Попа, и многих, многих других.

И этот "наш круг", который не творит, но, в принципе, живет тем же самым, тоже постепенно выпадает в осадок. Мы движемся в некоем полусне, ходим на работу, более или менее лениво шевелимся до вечера и т. д. И мало что способно вызвать в нас оживление, кроме водки, которая еще дает нам возможность увидеть какие-то очертания и услышать какие-то звуки в этом тумане.

Я думаю, что, для Бори Гребенщикова тоже не особо принципиально то, что он ездит в Америку, выступает по ТВ и т. д., потому что и он, и Майк, который сейчас играет почти что "на автопилоте", уже давно живут в том же самом полусне.

Но в то же время я знаю, что в крайнем случае многих из нас можно подвинуть на какие-то действия, и, если это случается, то сломать кого-то из моих "лишних" товарищей так же трудно, как заставить Печорина делать то, чего он делать не хочет, или подвинуть Майка на написание чего-то более "достойного".

Тем, кто хочет что-то взять от жизни и от окружающих, бывает достаточно тяжело иметь дело с теми, кому почти нечего терять и нечего приобрести.

Может быть, нехорошо так говорить, но у меня есть некая "вторая Библия". Это "Lord of the rings" Толкиена. И периодически то, что я думаю, ложится на какие-то страницы из этой книги. Так вот там есть такой момент, когда темные силы побеждают и уже не остается никакой надежды, но Арагорн идет "дорогой мертвых" и зовет мертвых. И мертвые идут за ним, и появляются там, где уже нельзя ничего сделать - и темные силы бегут.

чувства" там, где великий поэт просто игрался.

Еще более карикатурна мысль о том, что декабристы не принимали Пушкина в свое общество, оберегая его талант. В воспоминаниях Ивана Пущина совершенно ясно сказано, что декабристы не доверяли Пушкину, опасаясь, что такой легкомысленный человек, как он, вполне может ненароком загубить все дело. Конечно, людям, которым нравится образ "великого поэта", не очень приятно признавать то, что великий поэт по характеру был редкостным раздолбаем, но Иван Пущин любил Пушкина таким, какой он есть и совершенно не боялся его "очернить", а большинству (а уж тем более тоталитарному режиму) нужен не поэт, а тень "великого поэта".

"Однажды в присутствии Иосифа Виссарионовича зашел разговор о Пушкине. Буденный сказал: "После Сталина мне стал понятнее Пушкин." Посмотрел Сталин на него внимательно, устало улыбнулся и отвечает: "Но и Сталина без Пушкина не понять".

Это один из "Двадцати рассказов о Сталине" Дмитрия Александровича Пригова (часть цикла "СОВ Ы", частично опубликованного в прошлом номере "Урлайта"). Может быть, я не совсем к месту привожу этот рассказ, но, по-моему, образы "великого поэта" и "великого вождя", живущие в наших головах, явно перекликаются. Конечно, невозможно бездумно и бесчувственно воспринимать слова одного "великого" и в то же время чувствовать то, что пытался тебе передать другой. Поэтому в том, что в одно и то же время в газетах славят вождей, а в школе проходят "великих русских поэтов" и читают "Бориса Годунова" и "Смерть поэта", нет ничего удивительного, хотя, если бы автор дожил до соответствующего времени, его слова воспринимались бы совсем по-другому.

"А вы, надменные потомки  
Известной подлостью прославленных отцов,  
Пятой рабской поправшие обломки  
Игрою счастья обиженных родов!  
Вы, жадную толпой стоящие у трона,  
Свободы, Гения и Славы палачи!  
Таитесь вы под сению закона,  
Пред вами суд и правда - все молчи!..  
Но есть и божий суд, наперсники разврата!.."

По-моему, и семьдесят лет назад и сейчас это звучит вполне современно и даже более того, своевременно.

Когда кто-нибудь ругает Ерофеева, Шинкарева, Майку и других наших современников, не успевших стать "классиками" и при этом приводит в пример Пушкина и Лермонтова (или, например, Бетховена и Чайковского), я всегда с большим недоверием отношусь к таким речам. Конечно, можно "не въехать" в то, что делает отдельный автор, но, если человек в принципе неспособен почувствовать то, что еще совсем не искажено и живет само по себе, то, значит, и "классик" в его сознании существует в деформированном виде; это уже не живой человек, а его тень. И, как ни грубо звучат слова Джона Лайдона, но в них есть немалая доля истины.

\*\*\*\*\*

Михаил Науменко

..Странные дни

Странные дни отыскали меня,  
Странные дни принесли с собой странные ночи  
и запах огня.

Кто был прав, кто - виноват?  
Кто запер Рай и спустился в Ад?  
Кто, кто, кто поставил мне детский мат  
в эти странные дни?

Странные дни пришли как туман,  
Странные дни подарили мне горькую правду  
и сладкий обман.  
Кто превратил твою воду в вино?  
Кто вышиб дверь и вышел в окно?  
Кто, кто, кто? Не все ли равно,  
странные дни.

Зачем ты считаешь, кто сколько взял,  
Кто сколько выиграл, кто все проиграл,  
Кто взял все и ничего не отдал  
в эти странные дни.

Странные ночи и странные дни.  
Тусклые будни мерцают как яростный праздник,  
как странные сны.  
Нет сил, чтобы думать, нет сил, чтобы петь.  
Я прожил жизнь, я попался в сеть,  
И я уже не боюсь умереть  
в эти странные дни.

\*\*\*\*\*

-Ода ванной комнате

Ванная - это место,  
где можно остаться совсем одному  
Сбросить груз забот,  
растворить их в воде  
Дверь заперта -  
и сюда не войти уже никому  
Ты, наконец, один,  
совсем один в этой белой пустоте

Ванная - это такое место,  
где можно раздеться совсем донага  
Вместе со своей улыбкой  
сбросить страх и честь  
И зеркало, твой лучший друг,  
плывет тебе в глаза  
Но вода все простит  
и примет тебя таким, как ты есть

О Боже, как хочется быть кем-то!  
Миллионером, рок-звездой  
Святым, пророком, сумасшедшим  
Или хотя бы самим собой

Самим собой? Это сложно...  
Но это возможно... лишь только здесь

Ванная - это место,  
Где так легко проникнуть в суть вещей  
Поверить, что ты знаешь,  
Где правда, а где ложь  
А главное, никто не видит,  
Чем ты занят здесь  
То ли режешь вены,  
То ли просто блвешь

О, ванная комната, пох тебе хвалу  
За простоту, за чистоту, за мыло и за душ  
За всепрощение, за воскрешение, за очищение  
наших душ

\*\*\*\*\*

\*\*\*

Я проснулся днем, одетым, в кресле  
В своей камерке среди знакомых стен  
Я ждал тебя - интересно где  
Ты провела эту ночь, моя сладкая Н.?

И кое-как я умылся и почистил зубы  
И, подумав, я решил, что бриться мне лень  
Я вышел и пошел, куда глядели глаза  
Благо, было светло, благо, был уже день

И на мосту я встретил человека  
И он сказал мне, что он знает меня  
И у него был рубль, и у меня четыре  
В связи с этим мы взяли три бутылки вина  
"Арбатского"

И он привел меня в престранные гости  
Там все сидели за накрытым столом  
Там пили портвейн, там играли в кости  
Танцевали так, что трясся весь дом

И кто-то, как всегда, нес мне чушь о тарелках  
Кто-то, как всегда, проповедовал дзен  
А я сидел в углу и думал: с кем и где  
Ты провела эту ночь, моя сладкая Н.?

Не принимая участия в общем веселье  
Я забился в кресло и потягивал ром  
А люди приходили и опять уходили  
И опять посылали гонцов в гастроном

И дамы были довольно любезны  
И одна из них пыталась захватить меня в плен  
А я молчал в углу и думал: с кем и где  
Ты провела эту ночь, моя сладкая Н.?

И я был зол на себя, и я был зол на вечер  
И, к тому же, с трудом отыскал свой сапог  
И, хотя меня так просили остаться  
Я решил уйти, хотя остаться мог

И когда я вернулся домой, ты спала  
Но я не стал тебя будить и устраивать сцен  
Я подумал: так ли это важно, с кем и где  
Ты провела эту ночь, моя сладкая Н.?

\*\*\*\*\*

-Пригородный блюз

Я сижу в сортире и читаю "Rolling Stone"  
Ванечка на кухне разливает самогон  
Вера спит на чердаке, хотя орет магнитофон  
Ее давно пора будить, но это будет моветон

Дождь идет второй день  
Нужно спать, но спать лень  
Хочется курить, но не осталось папирос  
Я боюсь спать, наверное, я трус  
Денег нет, зато есть пригородный блюз

Какая-то мадам звонит мне третий раз  
От нее меня тошнит, тошнит уже не первый час  
Я говорю ей: ненавижу, не люблю и не хочу  
Я говорю: меня здесь нет, я давно ушел к врачу

Разбиваю телефон, иду пить самогон  
Хочется курить, но не осталось папирос  
Я боюсь пить, наверное, я трус  
Денег нет, зато есть пригородный блэк

Часы пробили ровно одиннадцать часов  
Венечка взял сумку с тарой и без лишних слов  
Надел мой старый макинтош - и тотчас был таков  
Вера слезла с чердака, чтоб сварить нам плов

Двадцать лет, как бред, двадцать бед - один  
ответ

Хочется курить, но не осталось папирос  
Я боюсь жить, наверное, я трус  
Денег нет, зато есть пригородный блэк

Я боюсь думать  
Я боюсь спать  
Я боюсь пить  
Я боюсь жить  
Наверное, я трус - ну и что же -  
Денег нет, зато есть пригородный блэк

\*\*\*\*\*

#### -Ночной гость

Сегодня ночью где-то около трех часов  
Я поймал на себе чей-то взгляд  
Я оглянулся - и в зеркале увидел его  
Я знал его много лет назад

Мы уставились с ним друг на друга  
Я не знал, кто он, он не знал, кто я  
Я улыбнулся ему, он улыбнулся в ответ  
И я решил, что мы с ним друзья

Но я не знал, что ему нужно  
И я не знал, о чем с ним говорить  
Я сказал: прости, уже поздно  
Но он не хотел уходить

И я заглянул ему в глаза  
Но ничего не увидел в них  
Мне стало страшно: я никогда  
Не видел глаз настолько чужих

Он смотрел на меня с упреком  
Он смотрел на меня, как судья  
Я не мог оторвать свой взгляд  
Я не знал, где он, я не знал, где я

И я подумал: если он пришел сегодня  
То завтра он вернется опять  
И я разбил это зеркало ко всем чертям  
И с чистой душой лег спать

\*\*\*\*\*

#### -6 утра

Серый туман и дождь  
Светает, шесть утра  
Вот и наступило то самое завтра  
О котором я что-то слышал вчера

И звезды на небе гаснут  
И звезды рок-н-ролла ложатся спать  
А я - я возвращаюсь домой  
Всю ночь резвились опять

И восприятие очень обострено  
Все любопытно, все не просто так  
Я смотрю на себя и я смотрю вокруг  
И в голове царит сплошной бардак

И люди спешат к метро:  
Кому работать, кому служить  
Кому на учебу, кому в дорогу  
А мне - мне некуда спешить

О, город - это забавное место  
Он похож на цирк, он похож на зоопарк  
Здесь свои шуты и свои святые  
Свои Оскары Уайлды, свои Жанны Д'Арк

Здесь свои негодяи и свои герои  
Здесь обычные люди - и их большинство  
Я люблю их всех - нет, ну скажем, почти  
всех -  
Но я хочу, чтобы всем им было хорошо

Серый туман и дождь  
Светает, шесть утра  
Вот и наступило то самое завтра  
О котором я что-то слышал вчера

\*\*\*\*\*

#### -2I-й дубль

Ты проснулся днем, ты не знаешь, зачем  
Шум за окном - вестник перемен  
Ты говоришь сам себе: мой мальчик, как дела?  
Ты берешь стакан воды с грязного стола

Я думал, что ты коронованный принц  
Я думал, ты знаешь все  
Но взгляни на себя: ты разбит с утра  
Тебе нужно побриться и сделать кое-что еще

Все верно, вот, до чего ты дошел  
Вот, до чего дошло  
И это был такой долгий путь  
И это был такой странный путь

Нет горячей воды, на дворе мороз  
На улицу страшно высунуть нос  
Нет, дело вовсе не в грязном стекле  
Ты просто видишь все испачканным в золе

Намыль подбородок, встань в красивую позу  
Смотри: ты чем-то сродни Деду Морозу  
Аплодисмент заслужен, но от кого его ждать  
Кстати, не забудь застелить кровать

Я думал, ты стайер, ты бежал вперед  
Но ты сбился с пути – и второе дыхание уже  
не придет

В зеркале процессия: идут, не спеша  
Спроси: кого хоронят – ответят: тебя!

Все верно, вот, до чего ты дошел  
Вот, до чего дошло  
И это был такой долгий путь  
И это был такой странный путь

Ты помнишь, когда ты был юн  
Ты думал, что ты всегда будешь таким  
Ты бродил по лесам, ты смеялся и пел  
Ты помнишь, что это такое, быть молодым?

И, где бы ты ни был, твоя любовь  
была с тобой всегда  
И ты был влюблен, я помню, ты был влюблен  
Но, ах, как быстро текут года

Все это прошло, растворилось, как дым  
Ты помнишь, что это такое, быть молодым?

Ты сжимаешь кулаки, кровь стучит в висках  
И вены, как мосты, встают на руках  
В крови бьется тигром адреналин  
Ты помнишь, что это такое, быть молодым?

Все верно, вот, до чего ты дошел  
Вот, до чего дошло  
И это был такой долгий путь  
И это был такой странный путь

Ты можешь пойти, позвонить друзьям  
Сходить в кино, встретить милых дам  
Нетрудно уйти от печальных проблем  
Столько вариантов, неиспользованных схем

Пожалуйся Богу, но что это даст?  
Напейся опять, продолжи свой фарс  
Остался рубль до полочки и пять тысяч  
мечтаний

Но нет, на сегодня довольно терзаний

Дед Мороз у зеркала с бритвой в руке  
Но чей это голос там, вдалеке?

На сегодня довольно, – говорит режиссер  
Дубль удался, свободны все  
Завтра приступим к съемке  
Сцены номер семь

\*\*\*\*\*

#### -Старые раны

Я привык к тому, что всю жизнь мне везло  
Но я поставил на двойку, а вышел zero  
И вот самоубийца берется за перо  
и пишет

Скрип пера по бумаге, как предсмертный хрип  
Мой брат был героем, но он тоже погиб  
И я кричу, но ты не слышишь мой крик  
и никто не услышит

Я встаю и подхожу к открытому окну  
Призывая тем самым весь мир на войну  
Я взрываю мосты, но я никак не пойму,  
кто их строил

И последний автобус ушел уже давно  
И денег на такси у меня нет все равно  
И я видел все это когда-то в кино  
и все равно я расстроен

Но не пугайся, если вдруг  
Ты услышишь ночью странный звук  
Все в порядке,  
просто у меня открылись старые раны

Но я пишу стихи всю ночь напролет  
Зная наперед, что их никто не прочтет  
Зачем ждать рассвета? Рассвет не придет  
Кому он нужен?

Как странно ползет на стену стена  
Слава Богу, осталась бутылка вина  
И я посредине всех этих стен, но я сам  
виноват  
и, к тому же, простужен

И даже тишина звенит в моих ушах  
И стрелки почему-то застряли в часах  
И дым в глазах, и цепь на руках  
и нечего есть

Но все будет так, как оно быть должно  
Все будет так, другого не дано  
И все же как бы я хотел, чтобы ты была здесь

Но на завтра ожидается мрачный прогноз  
К тому же я остался без папирос  
И в каждой клетке нервов горит свой вопрос  
но ответ не найти

Но так ли я уверен, что мне нужно знать ответ  
 Просто я - часть мира, которого нет  
 Мой последний куплет давно уже спет  
 Мой последний шедевр - немислимый бред  
 Так было, так есть, так будет много-много лет  
 и нет другого пути

Но не пугайся, если вдруг  
 Ты услышишь ночью странный звук  
 Все в порядке,  
 просто у меня открылись старые даны



ЛЕСТЕР БЕНТС  
 ИГГИ ПОП: СЮВАННАЯ ВЕРЬЕ

По любым нормальным стандартам концерт Игги Попа в прошлую пятницу в Палладиуме был триумфальным. Сам Игги был в ударе, и публика была полна энтузиазма - он мог выходить на бис столько, сколько хотел. Но похоже, что с тех самых пор, когда Stooges выходили на сцену, даже не зная, как играть на своих инструментах, и до нынешнего времени, когда Игги уже почти превратился в одну из самых странных звезд, которых мы когда-либо видели, нормальные стандарты не относятся к нему. Что за человек может пытаться сделать свою третью решающую попытку добиться признания в рок-н-ролле, записав альбом под названием "The Idiot" ["Идиот"]? Я полагаю, что это тот самый человек, который в свое время имел обыкновение нырять со сцены прямо в толпу зрителей, и тот самый человек, который в пятницу [на концерте в Палладиуме] жестикулировал и корчил рожи так, что все в нем символизировало "идиотизм", муку и более всего сюванность, "несвободу".

Более, чем кто бы то ни было, в бесконечной череде профессионально "дисгармоничных" рокеров, Игги действительно оторван от мира, и эта его оторванность проявляется в виде какого-то отчаяния человека, в которого ударила молния. Он самый эксцентричный шоумен из всех, кого я видел, и эта эксцентрич-

ность, напряженность идет от того самого убийственного отчаяния, которое в прошлом делало его самым опасным актером на сцене: он "нырял" в третий ряд, резал себя, валялся по битому стеклу, вступал в словесные, а иногда и физические схватки с публикой. Когда он пел "I'm losing all my feelings

And I'm runnin' out of friends" ["Я теряю все свои чувства / И сбегая от всех своих друзей"] в "I Need Somebody" на "Raw Power", он, как обычно, смело описывал свои реальные проблемы. Все остальное происходит именно потому, что другого выхода, кроме смерти, нет. Это человек, который действительно ощущает себя мертвым или, наоборот, настолько живым и настолько связанным этой жизнью, что каждое его чувство ощущается как боль. И что-то апокалиптическое стоит за этим чувством, потому что Апокалипсис - это единственное, что может понять артист, и с каждым его броском через сцену представление начинает все больше и больше походить на припадок.

"I'm dying in a story

I'm only living to sing this song"

["Я умираю / Я живу только для того, чтобы спеть эту песню"]. Это еще одна строчка из "I need Somebody", которая выражает отношение Игги к публике и к своему собственному искусству. Апокалипсис не предполагает, что им можно управлять, и, когда бойня закончится, истекать кровью будет вовсе не публика. Но управление Апокалипсисом - это именно то, чем сейчас пытается заниматься Игги, потому что идиот - вовсе не дурак, и он знает, что ложь управляемого Армагеддона - это единственный путь преуспеть в рок-н-рольной области шоу-бизнеса и выжить. Вот почему вертится вокруг Дэвид Боуи, подрезая и подравнивая там и сям следы безумия при помощи маленьких, чистеньких клипов, и вот почему новый альбом Игги "The Idiot" (спродюсированный и в любом смысле сделанный под



влиянием Боуи, который также играет на пианино в той группе, с которой сейчас выступает Игги) звучит столь фальшиво.

Гораздо больше это самоистребление и полная бесконтрольность Игги отразилась на альбоме "Metallic K.O." ["Металлический нокаут"] (бутлеге, изданном на фирме Skydog), на котором записан концерт Stooges в январе 1974 года в Michigan Palace в Детройте. Я был на концерте, состоявшемся в маленьком клубе в Уоррене (штат Мичиган) за два дня до этого. На этом концерте история любви и ненависти, которую долго разыгрывали Stooges со своей публикой, привела всех к неизбежным последствиям. Публика, состоявшая, в основном, из "bikers" [велосипедистов], была необычайно враждебной, и Игги, как всегда, выпитал эту враждебность, отдал ее обратно и всосал снова, так что получился какой-то пугающий симбиоз. "Хорошо," - сказал он наконец, остановившись на середине песни: "вы, жопа, хотите услышать "Луи, Луи" - мы дадим вам "Луи, Луи". И Stooges сыграли сорокапятиминутную версию "Луи, Луи", содержащую новый, тут же с импровизированный Игги текст, состоящий, в основном из таких фраз: "Вы можете лизать мне жопу / Ты, велосипедист, сиськи в уады вяжешь" и т. д.

Тут ненависть в зале поднялась одной огромной, злобной волной, и Игги, выбрав себе того, кто кричал особенно оскорбительно: "Слушай, ты, жопа, если ты еще раз заорешь, я спущусь отсюда и дам тебе пинка по жопе." ".ад я тебя, ублюдок," - ответил ему велосипедист. Тогда Игги спрыгнул со сцены, пробежал сквозь толпу - и тут этот малый его и вырубил, отправив певца обратно в номер мо-

теля, к врачу, и таким образом завершив музыкальный праздник. Я прошел в раздевалку и столкнулся с менеджером клуба, грозившимся вышибить любого члена группы, если кто-то будет предъявлять к нему претензии. На следующий день кто-то из "bike gang" [банды велосипедистов], называвшей себя "Скорпионы", позвонил на WABX-FM и пообещал, что они убьют Игги и Stooges, если те будут выступать в Michigan Palace в четверг. Тем не менее они сделали это (т. е. выступили) и никто не был убит, но "Metallic K.O." - это единственная, из известных мне рок-пластинок, где вы можете услышать, как пивные бутылки, брошенные из зала, бьются о гитарные струны.

С одной стороны, все это очень смешно, но стоящее за всем этим насилие и обычная злоба, проявляющаяся по отношению к человеку, стоящему в центре, уже вовсе не кажутся смешными. Война по закону джунглей с бандами велосипедистов - это одно, но когда тем из нас, кто любит бывать около этих разборок (по крайней мере, принимать в них косвенное участие), приходится остановиться и решить, что и почему мы любим, все становится сложнее. Потому что мы, например, любим ненависть к самому себе, и вполне может быть, что мы любим и человека, совершающего самоубийство. Вот цитата из английского рок-еженедельника Sounds: "Игги - танцовщик и, более того, гипер-активный сгусток жил и мускулов, вышедший прямо из грязного сна Микеланджело... который прыгает и вцепляется в воздух, а публика и микрофон застывают, и все, что они при этом выражают, заключено в одном слове - МЯСО." Я не стану обращать внимания на цветистый слог, но мне хочется

спросить у того, кто это писал, как бы ему понравилось, если бы про него подумали, что он кусок мяса? Как, по его мнению, чувствует себя мясо? Или он думает, что оно вообще ничего не чувствует? Да, Игги дано фантастическое тело; оно так фантастично, когда он кричит каждым своим нервом, взрываясь из него в невообразимой свободе. Это то же самое, как если бы кто-то, корчась в муках, превратил это в своего рода поэзию, и мы с благоговейным трепетом наблюдаем за этой прекрасной агонией, которая настолько впечатляет нас, что мы уже забываем, что, в первую очередь, стоит за всем этим.

Что касается самого артиста, то он несет эту боль, как шипы в своем сердце, но в то же время в его искусстве присутствует сильный элемент бессознательного - и это одна из главных причин его мощи и красоты. Когда в четверг Игги, выйдя второй раз на бис, пел "China Girl" и осветитель подсвечивал его снизу, создавая тем самым сильный драматический эффект Фу Манчу, Игги растянул себе лицо руками, так, что его глаза превратились в щелочки, и начал подпрыгивать, странным образом имитируя какого-то связанного кули. Это было одновременно и нелепо, и прекрасно, и в самых простых жестах передавало настолько сильное чувство, что я убежден, что, если бы в этот момент сам Игги мог увидеть себя со стороны, то он должен был бы умереть. Потому что это была настолько открытая, настолько уязвимая ранимость, что она вырвала бы его сердце. В этот момент я понял, что этот человек не осознает, что он делает, и возможно именно поэтому, это было одно из самых живых представлений, которые я



когда-либо видел. Просто Metallica K.O. был настолько судорожно живым, настолько непристойно живым, что человек, поющий на "The Idiot", по сравнению с ним кажется мертвецом. В конце концов Игги может стать суперзвездой, и мы всегда знали, что он может ею стать; он уже перерос панк-рок, который он почти что собственноручно и породил; но есть такие вопросы, ответов на которые пока нет, и жизнь зависит от этих ответов, но я не уверен, что эти ответы вообще существуют.

- Village Voice, 28 марта 1977 -

(Из книги Lester Bangs "Psychotic reactions and carburetor dung")

#### Послесловие "Урлайта"

У нас в свое время тоже произошел случай, внешне схожий с тем, который описывает Лестер Бэнгс. В 1982 году на концерте группы "Смещение" в Ивантеевке из задних рядов вдруг полетели на сцену пустые бутылки. В результате вся сцена была в осколках, а действующие лица - в крови. Одна бутылка попала в голову ударнику (к счастью, удар был не прямым, а скользящим) и Олеся Троянская, которая тогда пела в "Смещении", кричала со сцены: "Выходи, сука, кто ударнику голову пробил!"

Тут приехала местная милиция и в качестве главного виновника ("Кто здесь главный?") забрала администратора группы Артура Гильдебрандта. В отделении появление Артура

сопровождалось примерно такими словами:

- Сам сдался, даже искать не пришлось!
- Ну, где деньги?

Здесь имелись в виду деньги, полученные за концерт. Но, как я понимаю, эти деньги, если они вообще существовали, представляли из себя весьма жалкую сумму, а у Артура денег и вовсе не было, поэтому в результате ему навалили жезлом по шее (так что на следующий день голову он повернуть не мог) и отпустили.

К сожалению, "Смещению", мягко говоря, далеко до "Stooges", да и вообще, при всем своем внешнем сходстве, эти две истории наводят на совершенно разные мысли, так что данное послесловие не имеет непосредственного отношения к замечательной статье Лестера Бэнгса.

# ГОМЕР, МИЛЬТОН И ПАНИКОВСКИЙ



КОМУ  
НЕ СПИТСЯ  
В НОЧЬ  
ГЛУХУЮ?

Внимание! Всем встать! Начинается священнодействие.

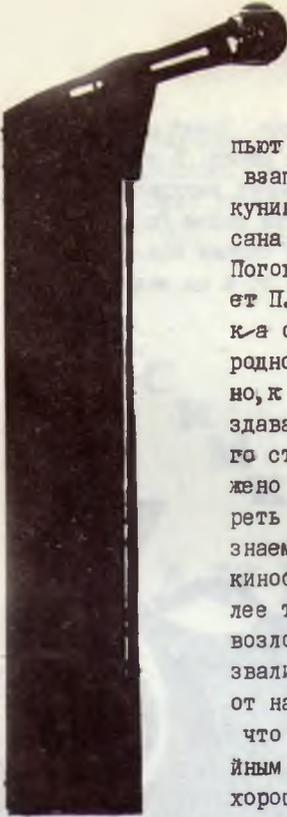
"Невероятно." "Несказанно". "Грандиозно".

Ахматова. Достоевский. Пушкин. Жванецкий. Ещё раз Достоевский. Высоцкий.

Это не листок из инвентарной книги музея восковых фигур. Великих сконцентрировали на маленьком кусочке газетной площади "Советской культуры" от 15. IX с. г. дабы они оградили фильм П. Лунгина "Такси-блюз" от сомневающимися в его "невероятности", "грандиозности" etc.

Рассказ о посещении самого фильма будет кратким ввиду общего дефицита бумаги, а также оттого, что характера /если это так называется/ полностью раскрываются в первые 15 минут, последующие же эпизоды образуют мучительно тоскливый процесс отрывивания и нового пережёвывания того, что и в виде "первичного продукта" было не слишком питательно.

Принципиально важный для экспортных операций образ "МАТРИЦЫ РОССИИ", а также "загадочной русской души" построен из того же матрешечно-перестроечного набора, который с успехом использовала большой писатель В. Кунин при создании "Интердевочки". Все приметы свободной комсомольской печати на своих местах: вот проститутки, вот антисемитизм, в вот, пожалуйста, агент КГБ: пасет ничего не подозревающих бухих иностранцев. Все вокруг



пьют и трахаются, а он газетку читает. Жизнь, короче говоря, почти как заправдашняя. Помните отчёт Римского Варенухе? Впрочем, последняя, куниинская поросль социалистического реализма уже достаточно подробно описана автором этих строк в статье "Перед вами, дети, утка" /УрЛайт № 4 /. Поговорим лучше о главных героях. Первого - алкаша-саксофониста - играет П.Мамонов, и играет, как актёр непрофессиональный, от звонка до звонка - а одно и то же, то есть самого себя. Таковы природные особенности его родного жанра, рока, отличающие этот жанр от театра или кинематографа, но, к сожалению, неведомые некоторым гениям последнего. В результате создаваемый Мамоновым образ обретает пластичность и гибкость железобетонного столба. И оттого, что столб этот с самого начала не прямой /как положено было в соц-реализме 40-х годов/, а какой-то перекошенный, смотреть на него в течение полутора часов не становится интереснее. /Мы же знаем, кто у нас работает на комбинатах ЖБИ - такие же мастера, как и в кинобизнесе/. Что же касается таксиста, то играй его даже в сто раз более талантливый актёр, всё равно он не справился бы с тем, что на него возложено сценаристом. Не потому, что ноша тяжела, а потому, что она разваливается при первом прикосновении. Во всех поступках этого персонажа от начала и до конца, нет ни малейшего смысла и ни малейшей связи с тем, что мы о нём уже знаем. Барыга 80-х гг. неожиданно оборачивается то идейным комсомольцем 30-х, то одиноким ковбоем за рулём из действительно хорошего фильма "Taxi driver", то любителем изощрённых издевательств над

ближними в духе Калигулы. И поскольку персонаж это не живой, а стопроцентно искусственный - картонный - то всё, что с ним происходит, не только не вызывает сочувствия и сопереживания /с этим в нашем нынешнем искусстве вообще довольно тухло/, но и не смешно тоже совершенно.

Я не настолько знаком с мировым кинематографом, чтобы привлекать его авторитеты ко всякому домашнему спору - но в данном случае этого и не требуется. Ведь метод "буффонирования" привычных бытовых ситуаций, который пытаются /как можно догадаться/ использовать создатели "Такси-блюза", достаточно стар и опробован в Отечестве задолго до Лунгина. Например, так сделан "Гараж" - и рядом с этой старой рязановской работой нео-конъюнктура непрошенных наследников Фёдора Михайловича выглядит именно так, как она и должна выглядеть рядом с искусством.

А премия из-за границы? Что ж - за границей производят тоже не одни шедевры, но например, ещё и последний боевик с Рембо /тот что про Афганистан/ - пожалуй, что и помельче наших "маленьких Вер". Всё имеет своих поклонников, и не удивительно, что матрёшечное производство "про Россию" приносит своим энтузиастам какую-то выгоду в валюте. А может быть, как предположила Марина Тимашёва, это просто очередная премия М.С. Горбачёву. В таком случае Лунгин тоже будет в очереди не первый и не последний. У того же окошка толпится множество наших художников, музыкантов, профессиональных "демократов" и прочих.

Наверное, я не стал бы сочинять таких злобных статей просто из-за очередной непрофессиональной работы. Мало ли её продаётся на каждом углу? Что ж теперь - громко возмущаться из-за каждого несъедобного пирожка или "благотворительного концерта", на котором выступает кто угодно, кроме тех, ради кого мы платили за билет бешеные деньги? Что поделаешь - такова жизнь в эпоху перехода из Древнего Египта через феодальную раздробленность к европейскому рынку XVI века. Людям надо делать сабки. Как можно скорее и как можно больше. Чтобы в кратчайший срок утнаться за корифеями прошлых времён - Г.Марковым, С.Туликовым и пр. Так что разозлил меня не сам фильм, а его реклама.

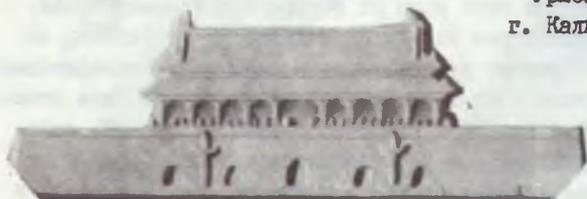
Великие-то тут причём ?

"Покупайте мою тухлую осетрику - её оценил ещё Михаил Булгаков!" - так, что ли?



А сегодня, проходя мимо кинотеатра, я увидел рекламный щит. Новый шедевр студии Горького в РЭКЕТЕ и /судя по картинке/ с голых бабах. В три с половиной строчки рекламного текста неизвестный искусствовед умудрился запихнуть Кармен, Кабрию и Ги де Мопассана. Не знаю, как фильм /с меня хватит/, а вот автор текста напрасно разменивает свой талант где-то на периферии. Думаю, ему пора выходить на всесоюзную, а то и на международную аудиторию. С такими талантами не пропадёшь.

Уриэл Лайтов  
г. Калининберг /Кенигсград/



УрЛайт поддерживает и одобряет патристическую инициативу, трогательно объединившую нашего старого друга Игоря Полиграфовича с некоторыми особо умными представителями демократической общественности; а именно - по выдвижению т. Романова Николая Александровича в святые.

В пользу кандидата говорят то, что он был любознателен: в 1904 году отправил русских солдат умирать в совершенно неизвестные им до этого страны: в Китай и в Корею. Он был не жаден - в мировую войну оплатил миллионами жизней /чужих/ свои претензии на Босфор, Польшу и Балканы. Он был гостеприимен - 9 января 1905 г. Наконец, он принял искреннее участие в беде ближних: после массовой гибели людей на Ходынском поле (во время коронации) отправился на бал.

Чтобы т. Романову Н.А. было не одиноко

среди святых, мы предлагаем заодно избрать туда генерала Родионова и т. Брежнева Л.И. со всеми его коллегами по Политбюро, организовавшими войну в Афганистане. Конечно, их благочестивые инициативы повлекли за собой меньше жертв, чем аналогичные подвиги Николая Александровича, но не по их вине, а по независящим от них обстоятельствам.

Мы готовы предоставить готовые иконы всех перечисленных святых /бесплатно/, а в качестве храма предлагаем использовать помещение Бутырской тюрьмы, которое очень соответствует духовному настрою данного культа.

Если же мы чего-то недопоняли, и святость человеку придаёт сам факт того, что его убили, вне зависимости от того, как он прожил свою жизнь - тогда у нас наготове другая комбинация: Урицкий, Крыленко, Ягода, Ежов... Практические предложения остаются в силе.

/ Просим учесть, что убийство, совершенное в июле 18 г. вызывает безусловное осуждение всякого нормального человека как дикое и гнусное преступление. Наверное /хоть мы в этом и не специалисты/ заведомо ни в чём не повинные дети действительно достойны того, чтобы считаться святыми. Как впрочем и другие люди - не царского звания - лишённые жизни по вине Николая II.

Что касается политиканской возни около христианства, то она не менее омерзительна, чем казённый атеизм./

Однажды я случайно услышал интервью с Александром Градским, в котором прозвучали такие слова: "Народ устал от лозунгов Кинче-

ПРЕДИСЛОВИЕ  
"УРЛАЙТА"

# МАКСИМКА-СОЛНЫШКО

## МАКСИ



ва и лозунгов Цоя и бросился в другую крайность - слушать песни про любовь. Потому что нельзя было петь лозунгами. Как неприемлемо примитивно поставленный лозунг "Да Здравствует Коммуниам!", так неприемлем и лозунг "Долой коммунистов!".

Черт с ними, с коммунистами, но, по-моему, ни Ленин, ни Кинчев абсолютно не виноваты в том, что сейчас народ любит "Ласковый май". "Ласковый май" - это вечное. Такой музон народ всегда любил, любит и будет любить. А Кинчев просто попал в свою волну, в свое время и достаточно удачно его выразил. Теперь это время уже проходит, и все опять возвращается к "Ласковому Маю". Мысль о том, что можно было бы спеть народу что-то такое "душевное", что затмило бы "Ласковый Май", это мысль очень спорная.

Тем не менее, в России всегда были и есть авторы, которые говорят и поют то самое "душевное", но при этом остаются как бы вечно неприкаянными и живут "как чуждый плод, до времени созрелый". Но на самом деле, суть не в том, что "до времени", а в том, что "того" времени, "их времени" не существует.

Конечно, всегда найдутся люди, которые что-то почувствуют и будут любить таких авторов, а во многих случаях то, что они делают, любят и спустя много лет после их смерти. Но все равно, широкую популярность со временем может получить только фамилия, а все остальное по-прежнему живет в достаточно

узком кругу. Что такое Гоголь для подавляющего большинства жителей СССР? Не более, чем фамилия. Скорее всего, даже у Пушкина, который безусловно является первым по популярности классиком России, настоящих поклонников в данный момент во много раз меньше, чем у "Ласкового Мая".

Но "поэты живут и должны оставаться живыми", и мы хотим представить вам автора, который никогда не будет особо популярным; но мы его любим, и, хотя я и не собираюсь сравнивать его с Гоголем, но, тем не менее, уверен, что как автор он уже состоялся, несмотря на то, что лет ему не так много, и еще неизвестно, что у него впереди.

А картинки, которые вы увидите рядом с текстами Максима, нарисованы его другом Сашей Билином. Эти картинки, конечно, достаточно сильно отличаются по настроению от песен, которые пишет Макс (по крайней мере, они как бы намного светлее), но в то же время у этих картин и этих стихов есть нечто общее; так же, как есть нечто общее, объединяющее Максима и Сашу при всем различии их характеров.



\*\*\*\*\*

Симпатичная личина  
 Горбачева в "ильичах"  
 Он бычина молодчина  
 С каланчою на плечах  
 Звон румяных начинаний  
 Осеняет чердаки  
 И червонцам подчиняясь  
 Пламенеют червяки  
 Господа из Ленинбурга  
 Господа из Кремлеграда  
 Государь наш был  
 комсоргом  
 Так ему и надо, гаду

Дети, съешьте  
 пирамидки  
 Мавволеев королей  
 Пирамидки бармалеев  
 Всех кровей и  
 всех народов  
 Дети, скушайте  
 хоромы  
 Фараонов и баронов  
 И зайдите оборону  
 От почетных  
 патрулей



\*\*\*\*\*

Осень  
 красным красит  
 листья  
 Грустью праздник  
 Грязью простынь  
 Осень просит  
 Зиму позже  
 бросить  
 Проседь...

Восемь  
 весел мы спустили  
 В эту слякоть  
 Стоит плакать  
 Нить проклятья  
 Лить обиду и прохладу  
 На залачканные платья  
 И на льды  
 под водопады...

\*\*\*\*\*

Миру - пир  
 Эмир - Памиру  
 Нам - дямур  
 Мур-мяу - МУРу  
 Мозгомольск на Комсомуре  
 Мордобой на баррикаде  
 Ордена не поделили?  
 - Нет,  
 Отпиздили вождя

\*\*\*\*\*

Белым Бело  
 Серым Серо  
 За серым Сро  
 и Каково  
 А мне  
 все одинаково  
 Мне  
 как-то  
 все равно

## ЛЕНИН В АВГУСТЕ

\*\*\*\*\*

Наперсток

Это шляпка  
для пальчика  
для девочек

А мальчикам

Вином сказали чок  
А войной сделали чик  
Вот и кончились самцы  
Самочки собрались в кучку  
в память о них -  
- Молодцы...

Им на памятник  
поставили мотоцикл  
с детской коляской

И надувши губки

Развязавши бантики  
в траурных юбках

Говорили всем

Встаньте... Встаньте...  
Господи!

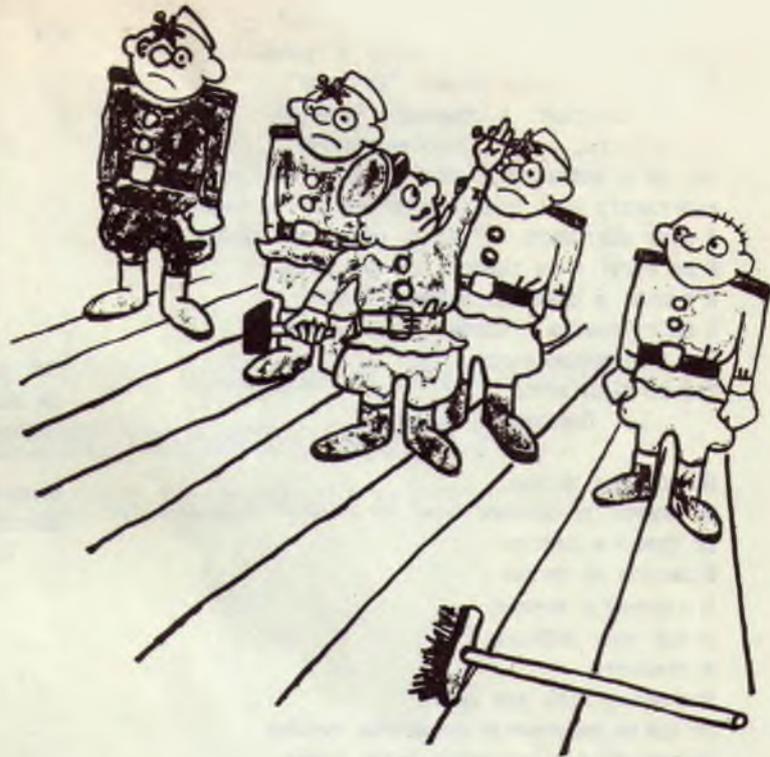
Мыльные пузыри

Мы ли это?  
или не мы?

Мы...

Сказочный монумент

Угрюмый мент...



Вот уж красный платок

Кислота, пустота

- Как же так?! Как он мог?!

- Сволота!..

Рву себя на куски

Раздираю виски

Нет ужасней ее

Самой Русской тоски

И в тисках голова

И мертвеют виски

И слова

- Видно зря по-людски...

...И харкаться, и рвать

И рыдать, и блевать

И орать на горящем ветру

- Друг! Друг!

Только вот он - труп...

Я не лютый Афганчик

Аллах мне простит

Чайхана, чайханчик

Старик, но стоит

Так, немного горбат

Безобидный на вид

Но из наших ребят

Он троих отравил...

Ребятишки не знают

Парчу теребят

Только танк у гнезда их

За наших ребят...

\*\*\*\*\*

Тебе показалось, что солнце взошло  
Нет! Небо тебя надуло  
Кто же даром раздаст золотой порошок  
Солнце светит под дулом  
И строчит пулемет  
И диктует полет  
И пуляет во всех  
И гуляет за всех  
И кричит: "Красота!"  
И строчит: "Тра-та-та"  
Здесь кричат или молчат  
Только ты проианес идиотский вопрос  
- Как это так?

Как это так?!

Да вот так

Вот бродяга в чалме

Что-то там на уме

Поднимает платок

- Что ты хочешь, браток?

- Мне воды бы глоток

И ему котелок

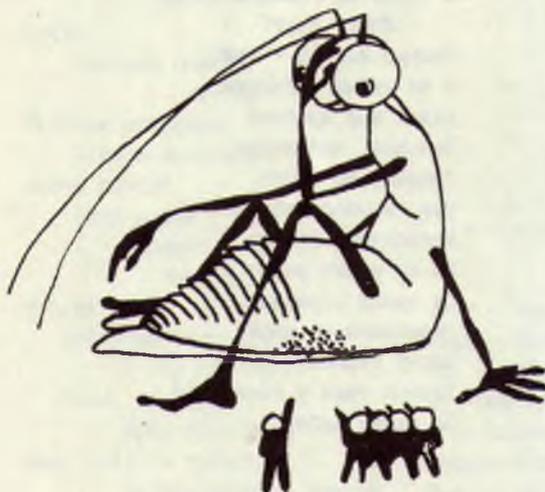
- Сколько хочешь глотай

Только врвало в бок

В лоб, в живот, в грудь, в висок

Может я заглянул бы на чай невзначай  
 Может вспомнил тачанку, весну и грача...  
 Но отчаянный малый рычит: "Начинай"  
 Ну а я "Погоди", к старику: "Отвечай,  
 Для чего ты, собака, корежил врача.  
 Что ты в чайник подсыпал? Ну что, отвечай?!"  
 А сержанту не в мочь "Да кончай их, кончай!!"  
 И коня разгонять - "Что ж, отец, не скучай..."  
 И за Русь! и не целось, сжимаю рычаг  
 И хрыча, и хрычиху, и малых хрычат  
 И на гусеницах - кровь, харча и моча  
 Где был раньше очаг  
 Там во веки веков  
 Саранча... Солончак...

Но тоскует Москва  
 До мазка, до мостка  
 До травы и листка  
 И дворца из песка  
 И слетает с ветвей  
 Белый прах лебедей  
 И темнеет  
 Кончается день для детей  
 Но среди зарубежных столичных гостей  
 Только тени несбывшихся наших затей  
 ... Мы не били людей  
 Мы любили блядей  
 Нам по-братски был рад  
 Бородатый Арбат  
 Но когда этот гад  
 Вдруг берет автомат  
 И представь, он еще - как сказать-то - Идеальный  
 Мозга за мозгой от исламовских дат  
 Но цепляет и рвет наших лучших парней  
 Здесь один приговор  
 Виноват... Виноват  
 И рубите канаты, комбат  
 Поднимайте, комбат, и ведите солдат  
 Только тише, умнее,  
 Не бейте в набат



\*\*\*\*\*

Он молчит  
 Он торчит  
 Он вяпался  
 Он отвякался  
 Напечатался  
 Он насутился  
 Он охмырел  
 Он заткнулся  
 Он отсырел  
 Еще пуще я кинусь вякать  
 Да на гуще кофейной калякать  
 Я не брезгую  
 Хоть и сопляк  
 Вякать самый зловонный кисляк  
 Накось, выкуси отсоси  
 На Руси-то все  
 Сикось-накось

Мой дом - источник дряни  
 Он мой дрянной источник  
 Мой пряник - сытый пьяник в нем  
 Кровоточащий сочник  
 Всяк держится корнями  
 Покуда не сгниет  
 А небо птиц роняет  
 Убитых в лет...

Лида, Лида  
 Купи платье  
 Он оплатит  
 Будет полка  
 Вся из хлопка  
 Мини-юбка - макси ебка  
 Макси-платье, мини о-о-о  
 - Робкие попытки-пробки  
 Черноморфлотшутка...

У меня глаза  
 карие карие  
 Я их не отчистил  
 Вы на них блевали  
 твари  
 Я был мальчик слабый  
 Вы смеялись  
 Вы смотрели гордо сверху  
 Но пророчества  
 не состоялись  
 Стало быть седины ваши -  
 - перхоть  
 Моя честь не задеть  
 Мое сердце не согреть  
 Моей совести корысть  
 не угрывать!  
 Грызьте пряник!!!

РЕКЛАМНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ МОЛОДЕЖНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ  
ФИРМЫ "ИСКЕР" ИНТЕРЕСУЕТ ТВОРЧЕСТВО ЛЮБОГО РОДА,  
НУЖДАЮЩЕЕСЯ В КОММЕРЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ И СПОСОБНОЕ  
ЕЕ ОБЕСПЕЧИТЬ!

ЖДЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО АДРЕСУ:

480091, г.АЛМА-АТА, ул.ОКТЯБРЬСКАЯ 67 "А"

Подписано в печать 15.05.1991г. Формат 60x84/8.

Бумага книжно-журнальная. Печать офсетная. Усл.печ.л. 9,75 п.л.

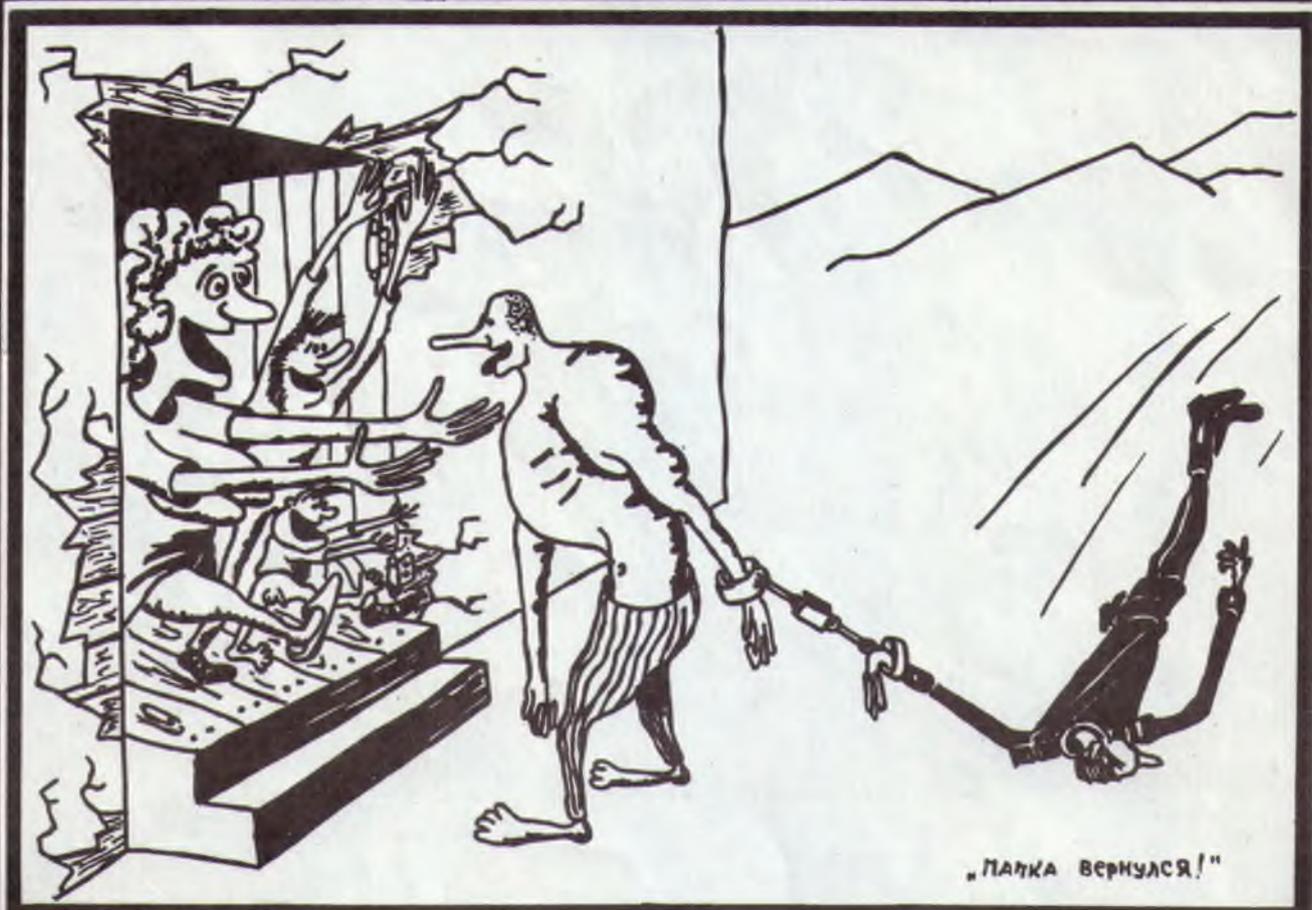
Тираж 30000 экз. Заказ 592. Цена 10 руб.

Картпредприятие Министерства сельского хозяйства

и продовольствия Казахской ССР.

480002, г.Алма-Ата, ул.Баишева, 23





**РАЗДЮДОХ 4**

**СТАДА ГЕРИОНА 14**

**ОКСВА 17**

**СКАЗКА ПРО ДЕВКУ 28**

**ИНТЕРВЬЮ С С. НОВГОРОДЦЕВЫМ 34**

**МЕМУАРЫ 43**

**ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ 54**

**ИГГИ ПОП: СКОВАННЫЙ ВЗРЫВ 65**

**КОМУ НЕ СПИТСЯ В НОЧЬ ГЛУХУЮ 68**

**СКАРАБЕЙ 70**

**МАКСИМКА - СОЛНЫШКО 71**

---